1951 К
730

1910

М. Руссобтовскій.

Историческое освѣщеніе Финляндскаго вопроса.

Библіотека
Союза 17 Октября
и
примыкающихъ
Парламентской Франціи

СПБ. 1910.

730
705170 730 16

М. Руссобтовскій.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ФИНЛЯНДСКАГО ВОПРОСА.

СПБ. 1910.

ТИП. „РОДНИКЪ", СПБ., НЕВСКІЙ 88.

195.1k
730

1973 г.

1992 г.

5851

Предисловіе.

Насталъ моментъ, когда всѣ сознательно относящіеся къ совершающимся событіямъ и живо ощущающіе отвѣтственность современниковъ за совершающееся передъ будущими поколѣніями не могутъ уже довольствоваться тѣми свѣдѣніями по финляндскому вопросу, какія почерпаются изъ полемическихъ статей ежедневной прессы. Недавно въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества съ негодованіемъ протестовали противъ того „иностраннаго вмѣшательства“, которое усмотрѣли въ извѣстныхъ заключеніяхъ иностранныхъ ученыхъ по финляндскому вопросу. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о правовомъ вопросѣ, для національнаго достоинства, для чести государства оскорбительнѣе всего допущеніе расхожденія съ правомъ. „Если Россія хочетъ играть роль міровой державы, — справедливо сказалъ 17 Марта текущаго года съ думской трибуны П. Н. Милюковъ,—то она должна помнить, что есть міровой моральный уровень, ниже котораго спускаться нельзя“. Вотъ почему безпристрастное освѣщеніе правовой сущности финляндскаго вопроса становится настоятельно необходимымъ для всѣхъ, у кого понятія о національномъ достоинствѣ и чести го-

сударства являются не безсодержательной шумихой, прикрывающей духовное убожество, а движущей силой, обязывающей къ извѣстному моральному уровню.

Вопросъ о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи и чрезвычайно сложенъ, и совершенно простъ. Онъ сложенъ, и даже споренъ, если имѣть въ виду подведеніе правового положенія Финляндіи подъ какую-нибудь государственно-правовую теорію, квалификацію его въ точныхъ терминахъ твердо установленной номенклатуры. Но онъ совершенно простъ, если преслѣдовать цѣль выясненія объема и характера „правъ Финляндіи“ на основаніи тѣхъ историческихъ актовъ, на которыхъ зиждется ея соединеніе съ Имперіей, и закономѣрнаго развитія конституціонныхъ началъ этихъ актовъ. Даже „Новое Время“ признало, что „нѣтъ необходимости непремѣнно отрицать нѣкоторую государственность Финляндіи;... ея положеніе... представляетъ юридическую форму sui generis; эта форма въ теоріи еще не занумерована и не зашпилена на свою булавку“.

Независимо отъ выводовъ теоретиковъ государственнаго права, всѣмъ, кто ознакомится съ исторіей присоединенія Финляндіи и тѣми актами, правовое значеніе которыхъ невозможно отрицать или перетолковывать вкривь и вкось, будетъ ясно, что въ финляндскомъ вопросѣ основныя правовыя положенія неоспоримы по своей примитивности. Конечно, въ вопросѣ, возбуждающемъ страстную полемику, безпристрастно разобраться можетъ только ознакомившійся съ предметомъ спора. Оттого историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса пріобрѣтаетъ громадную важность. Предлагаемая вниманію читателей брошюра преслѣдуетъ исключительно цѣли такого историческаго освѣщенія, почему въ ней по возможности полностью приведены всѣ важнѣйшіе акты, безъ знакомства съ которыми невозможно выяснить себѣ объема и характера „правъ Финляндіи“.

Кромѣ исторіи созданія дѣйствующаго въ Финляндіи режима, мы хотѣли дать читателямъ и исторію такъ называемаго „финляндскаго вопроса“, т.-е. того длительнаго конфликта, который создавался нарушеніями финляндской конституціи съ одной стороны и борьбой за ея ненарушимость съ другой. Читателю весьма не трудно будетъ разобраться, на чьей сторонѣ было право въ различныхъ стадіяхъ этого конфликта. Исторія этого конфликта объясняетъ также причины нѣкоторой отсталости извѣстныхъ областей финляндскаго законодательства: нормальное развитіе политической жизни и законодательства страны тормазилось тѣмъ, что въ теченіе ряда лѣтъ силы и вниманіе государственныхъ и политическихъ дѣятелей Финляндіи отрывались отъ мирной работы надъ удовлетвореніемъ законодательныхъ нуждъ страны на защиту ея конституціи. Не надо, однако, преувеличивать этой „отсталости“. Неосновательность преувеличеній, мы думаемъ, будетъ ясна изъ той части брошюры, которая касается нѣкоторыхъ областей финляндскаго законодательства, хотя, не увеличивая чрезмѣрно размѣра брошюры, мы могли только вскользь останавливаться на этой темѣ. Но сказаннаго все-же, полагаемъ, будетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что помимо задержки развитія финляндскаго законодательства, коренившейся въ ненормальной политической атмосферѣ, оно встрѣчало и внѣшнія механическія препоны, шедшія изъ того же источника, откуда

тли какъ нарушенія финляндской конституціи, такъ и угрозы самому ея существованію.

О многомъ изъ событій и фактовъ въ области финляндскаго вопроса за послѣдніе годы мы считали возможнымъ вовсе не говорить, полагая, что событія и факты эти общеизвѣстны. Но въ заключительной главѣ нѣсколько подробно остановились на законопроектѣ объ общеимперскомъ законодательствѣ въ виду того, что именно здѣсь національному достоинству Россіи угрожаетъ опасность спуститься ниже обязательнаго „мірового моральнаго уровня"...

М. Руссобтовскій.

С.-Петербургъ,
9 Апрѣля 1910 г.

ЧАСТЬ I.

I.

Завоеваніе Финляндіи.

Исторія финляндскій кампаніи (1808—1809 г. г.) написана нѣсколько разъ и финляндскими, и русскими авторами. Интересъ этой эпохи цѣликомъ сводится къ выясненію истинныхъ намѣреній Александра I, обстоятельствъ созыва финляндскаго Сейма и истолкованію актовъ, создавшихъ дѣйствующій режимъ. Здѣсь центръ тяжести такъ называемаго финляндскаго вопроса, обсужденіе котораго поднимаетъ бездну вопросовъ государственнаго и даже международнаго права. Въ подробности ихъ мы можемъ не входить, о нихъ уже высказались многіе спеціалисты. Можно даже утверждать, что сейчасъ для публики, интересующейся финляндскимъ вопросомъ, чисто юридическая сторона его, вопросъ объ интерпретаціи актовъ вѣковой давности имѣетъ второстепенное значеніе. Но трудно, однако, оспаривать выводъ, вытекающій изъ обсужденія вопроса, что смыслъ и значеніе гарантіи, дарованной Александромъ I, не вызываетъ сомнѣній.

Во время кампаніи Александръ находился подъ тремя различными вліяніями: Спренгтпортена, военнаго министра Аракчеева и либерально настроеннаго Сперанскаго. Первый изъ нихъ еще разъ пытался осуществить планъ Елизаветы создать независимую Финляндію, возвративъ ей завоеванныя въ 1721 и 1743 г.г. части Карелiи. Аракчеевъ и военные стояли за полное и безусловное порабощеніе, а Сперанскій отстаивалъ средній путь широкой государственной автономіи съ сохраненіемъ дѣйствія Шведской

конституціи. При нѣкоторой нерѣшительности Александра I и той легкости, съ какой онъ подпадалъ внѣшнимъ внушеніямъ, а съ другой стороны при его либеральныхъ наклонностяхъ и традиціяхъ воспитанія, трудно было предвидѣть, какое изъ вліяній возьметъ верхъ. И въ самомъ дѣлѣ намѣренія его мѣнялись, при чемъ, какъ это доказано историками, измѣненіе намѣреній всякій разъ вызывалось обстоятельствами и основанными на нихъ соображеніями весьма реальной политики.

Начало кампаніи было очень удачно: Свеаборгъ быстро капитулировалъ, успѣхи русскаго оружія вообще стояли высоко. И Александръ говорилъ о Финляндіи, какъ о „провинціи, завоеванной оружіемъ“. Но обстоятельства скоро измѣнились: народъ, отъ котораго ждали присяги Царю, начиналъ партизанскую войну, финляндскія войска лѣтомъ 1808 г. имѣли нѣкоторый успѣхъ. Кампанія грозила затянуться. Съ другой стороны, Эрфуртское свиданіе далеко не закрѣпило дружбы съ Наполеономъ и перспектива войны съ Франціей уже становилась вѣроятной. При такихъ обстоятельствахъ для Россіи было бы гибельно имѣть у воротъ столицы не вполнѣ еще покоренную, или готовую при первомъ удобномъ случаѣ къ возстанію, провинцію. Государственная мудрость склоняла къ либеральному рѣшенію. И Манифестъ 5/17 іюня 1808 г. обѣщалъ Финляндіи гарантію ея привилегій и скорый созывъ Сейма. Въ Ноябрѣ въ Петербургъ прибыла депутація съ изложеніемъ желаній народа. Спренгтпортенъ, назначенный генералъ-губернаторомъ и Сперанскій, на котораго возложены были доклады по финляндск. дѣламъ, работали въ томъ-же направленіи. 20 Января (1 Февраля) 1809 г. Высочайшимъ Повелѣніемъ объявлено было о созывѣ Сейма въ Борго. Онъ былъ открытъ 15/27 Марта. Императоръ Александръ явился лично. Немедленно по прибытіи въ Борго Александръ I 15/27 Марта подписалъ актъ, которымъ утверждались дѣйствовавшіе въ то время

въ Финляндіи основные законы. 16/28-го Марта Государь произнесъ при открытіи Сейма рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Я обѣщалъ сохранять Вашу конституцію, Ваши коренные законы (vos lois fondamentales). Ваше собраніе здѣсь гарантируетъ Вамъ исполненіе Моего обѣщанія...“ 17/29 Марта предъ сословіями, собранными въ соборѣ, Спренгтпортенъ прочелъ актъ утвержденія финляндскихъ законовъ, гласившій: Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ объ утвержденіи правъ Великаго Княжества Финляндіи, отъ 15—27 Марта 1809 года.

Божіею Милостію

Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили.

Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

По прочтеніи этого акта сословія принесли присягу на вѣрноподданство*). Заключенъ былъ, такимъ образомъ, своего рода договоръ. Такъ смотрѣлъ на это и Высочайшій Манифестъ — „всѣмъ жителямъ Финляндіи“ отъ

*) Церемоніалъ принесенія присяги былъ Высочайше утвержденъ еще 22 февраля 1809 г.

23 Марта (4 Апрѣля) 1809 г., гласившій: „Собравъ сословія Финляндіи на общій Сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, пожелали Мы при семъ случаѣ торжественнымъ актомъ, даннымъ въ ихъ присутствіи и и провозглашеннымъ въ храмѣ Господнемъ утвердить и удостовѣрить сохраненіе Религіи, коренныхъ законовъ, правъ и привилегій, коими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще до сей поры пользовались. Симъ повелѣвая обнародовать этотъ актъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ почитаемъ внушить нашимъ финляндскимъ вѣрноподданнымъ, что сообразно съ древними и священными обычаями сей страны, Мы признаемъ присягу вѣрноподданства, принесенную свободно и безъ принужденія сословіями вообще и депутатами крестьянскаго сословія въ частности за себя и за своихъ избирателей, обязательною для всѣхъ жителей Финляндіи.*)“

*) Такимъ образомъ соединеніе Финляндіи съ Имперіей состоялось на условіи, что Русскій Императоръ, въ качествѣ Великаго Князя, будетъ управлять завоеванной страной согласно ея конституціи и основнымъ ея законамъ, каковыми для Финляндіи являлись шведскіе основные законы („Форма Правленія“ 1772 г. и „Актъ Соединенія“ 1789 г.). Оспорить правовое значеніе утвержденія послѣднихъ пытались указаніемъ на то, что „въ полномъ объемѣ“ примѣненіе ихъ было немыслимо послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи (опредѣленіе о вѣроисповѣданіи Монарха и др.). Аргументъ едва-ли болѣе серьезный, чѣмъ и указаніе на то, что въ этихъ законахъ употребляются выраженія „Швеція“, „природный шведъ“. Само собою разумѣется, что изъ Боргосскаго акта, какъ необходимое слѣдствіе, непосредственно вытекало, что опредѣленія шведскихъ основныхъ законовъ относительно порядка престолонаслѣдія, о династіи о вѣроисповѣданіи Монарха прекратили свое дѣйствіе въ Финляндіи, замѣняясь соотвѣтствующими опредѣленіями законовъ Имперіи. Какъ увидимъ дальше, нѣкоторые публицисты не останавливаются передъ обвиненіемъ Александра I не то въ несерьезномъ употребленіи опредѣленныхъ терминовъ въ оффиціальныхъ актахъ и рѣчахъ, не то въ сознательномъ обманѣ. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ его преемники при вступленіи на престолъ повторяли актъ удостовѣренія (...„признали мы за благо вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы—(до Александра III употреблялся терминъ „коренные законы“),—права и преимущества...“), Александръ II, утверждая въ 1869 г. новый Сеймовый Уставъ, призналъ, что права Императора, какъ Великаго Князя Финляндіи, установлены тѣми самыми „шведскими“ законами, значеніе которыхъ отрицаютъ прыткіе „патріотическіе“ публицисты... См. примѣч.. на стр. 25.

При закрытіи Боргосскаго сейма 6/18 іюня Александръ снова произнесъ рѣчь, которую закончилъ такъ: „Несите въ глубь вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности.

Этотъ храбрый и лойяльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Ставшій отнынѣ націей *), подъ властію своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановитъ.

А Я соберу лучшіе плоды Моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ преуспѣяніемъ воздающимъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ свою судьбу“.

Противъ значенія церемоніи 17/29 марта возражали, что Финляндія, въ то время еще принадлежавшая Швеціи, не имѣла правъ юридически обязываться.

Но надо имѣть въ виду, что:

Во-первыхъ, Швеція ничего не сдѣлала для защиты Финляндіи. Послѣ 18 ноября 1808 г. шведскія войска были выведены изъ страны. Въ этомъ уже фактически заключалась сдача.

Во-вторыхъ,—утрата Финляндіи вызвала паденіе Густава IV-го. Герцогъ Зюдерманландскій тотчасъ созвалъ чрезвычайный сеймъ. Боргосскій сеймъ еще не былъ открытъ. Однако, шведское правительство не пригласило фин-

*) Или: „Возвышенный отнынѣ до уровня націй“ (Placé désormais au rang des nations).

ляндскихъ сословій на шведскій сеймъ. Это имѣло смыслъ отказа отъ Финляндіи. Наконецъ, въ 6 пунктѣ Фридрихсгамскаго трактата *), уступавшаго Финляндію Россіи, Швеція санкціонировала Боргосскій актъ.

Съ другой стороны, русскіе полемисты въ спорѣ объ юридической сторонѣ вопроса отрицаютъ въ обѣщаніяхъ Александра I-го тѣ смыслъ и значеніе, которые имъ приписываютъ финляндцы. Слова „конституція“, „коренные законы“—говорятъ они—не могли имѣть и не имѣли въ устахъ Александра I смысла конституціонныхъ законовъ въ современномъ значеніи слова. Царь установилъ только законы о правовомъ положеніи четырехъ классовъ или сословій страны. Дѣйствительно, Александръ I въ періодъ своего либерализма охотно употреблялъ слово „конституція“, не заботясь о точности словоупотребленія и можно было бы утверждать, что желаніе добиться присоединенія Финляндіи заставляло прибѣгать къ извѣстнымъ выраженіямъ въ актахъ и публичныхъ рѣчахъ, если бы не существовало секретныхъ документовъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ значеніи терминовъ, употреблявшихся Царемъ. 1) Секретный докладъ Сперанскаго Государю, въ которомъ Сперанскій говоритъ, что Финляндія—„государство, а не провинція“ и упоминаетъ о тѣхъ „ограниченіяхъ“, которыми самодержавная власть связала себя въ

*) Въ оффиціальномъ русскомъ переводѣ этотъ пунктъ гласитъ: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества; то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія“. Нѣкоторые ученые считали, что этимъ создано было для Россіи международное обязательство. Если это положеніе спорно, то едва ли можно оспаривать то, что въ приведенномъ пунктѣ мирнаго трактата содержится моральное обязательство: торжественное Боргосское обѣщаніе Александра I, хотя и въ самой мягкой формѣ, было включено въ международный трактатъ.

отношеніи Финляндіи *). 2) Секретное письмо Александра къ финляндскому генералъ-губернатору (барону Штейнгелю) отъ 14/26 сентября 1810 г. Въ это время Бернадотъ былъ избранъ шведскимъ принцемъ и можно было подозрѣвать его въ намѣреніи вернуть Финляндію Швеціи. Царь указывалъ генералъ-губернатору линію поведенія и между прочимъ писалъ: „Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое, чтобы онъ считался не порабощеннымъ Россіей, но привязаннымъ къ ней всѣми собственными его очевидными пользами, для сего сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы“.

Нельзя же предположить ни того, чтобы министръ хотѣлъ обмануть своего государя, ни того, чтобы царь хотѣлъ обмануть своего чиновника.

Русскіе публицисты націоналистическаго толка часто цинично утверждаютъ, что обѣщанія и деклараціи Александра I-го были только риторическими фразами и что Боргосскимъ актомъ онъ вовсе не ограничилъ своей самодержавной власти.

Не трудно отвѣтить, что

Во-1-хъ, русскій Сводъ Законовъ опредѣленно признаетъ, что Финляндія занимаетъ особое положеніе въ Имперіи **). Ст. 2-ая т. I-го, ч. 1 гласитъ: „Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Го-

*) И въ письмѣ къ Барклаю де Толли отъ 27 іюня 1909 г. Сперанскій писалъ: „Ничто не доказываетъ лучше великодушныхъ намѣреній Императора сохранить конституцію, какъ собраніе сейма с о о б р а з н о с ъ з а к о н а м и к р а я“.

**) Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что русскіе основные законы не имѣютъ въ отношеніи государственно-правового положенія Финляндіи учредительнаго характера, они лишь регистрируютъ тотъ фактъ, что Финляндія является отдѣльной правовой сферой. Въ частности ст. 2 основн. зак. 1906 г. не создала новыхъ нормъ, она имѣетъ опредѣленно ссылочный характеръ. Основные финляндскіе законы, порядокъ измѣненія которыхъ указанъ въ нихъ-же самихъ, ограничиваютъ суверенитетъ Имперіи въ отношеніи Финляндіи. Подробнѣе о ст. 2-ой русскихъ основныхъ законовъ 1906 г. см. въ заключительной главѣ.

сударства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Ст. 26 того же тома опредѣляетъ: „съ Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ нераздѣльны суть Престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго". Сравненіе съ Польшей, которой Вѣнскій трактатъ (1815 г.) обезпечилъ конституцію, особенно убѣдительно.

Во-2-ыхъ, нельзя заподозрить, чтобы Александръ I и Сперанскій въ вышецитированныхъ секретныхъ документахъ притворялись или играли комедію.

Въ-3-ьихъ, грубо и неосторожно для защитниковъ самодержавія допускать возможность, что Царь можетъ прибѣгать къ „фразамъ". Конституціонный Государь можетъ произносить рѣчи, которыя безъ ратификаціи парламента остаются фразами, самодержецъ законодательствуетъ, когда говоритъ оффиціально.—Самодержавный режимъ можетъ существовать только при мистической вѣрѣ въ непогрѣшимость и абсолютную цѣнность словъ самодержавца. Пригласить подданныхъ — дѣлать различіе между актами присяги, имѣющими правовыя послѣдствія, и другими, остающимися пустыми, „фразами", значитъ разрушать наиболѣе надежныя основы абсолютизма.

Существуетъ кромѣ того доказательство, что Александръ I, дѣйствительно, хотѣлъ утвердить въ Финляндіи автономію и конституціонный режимъ. Часть Финляндіи, пріобрѣтенная по договорамъ Ништадтскому и Абосскому, пришла въ состояніе глубокаго упадка: плохое управленіе, дурные суды, жестокость владѣльцевъ, которымъ Петръ и его преемники раздали большія помѣстья. Съ 1802 года была образована комиссія для изысканія средствъ къ подъему этой провинціи, тогда именовавшейся Финляндіей. Указъ, которымъ учреждалась эта комиссія (19 мая 1802 года стар. ст.), содержитъ вступленіе:

„Со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи испытаны различныя мѣры къ улучшенію экономическаго положенія страны, какъ условія прогресса народа; но, къ великому сожалѣнію Нашему, видимъ Мы страну эту въ положеніи столь плачевномъ, что оно не многимъ отличается отъ того, въ какомъ страна была во время завоеванія".

Завоеваніе 1809 года облегчило рѣшеніе задачи. Александръ I во время путешествія по Финляндіи имѣлъ возможность сравнить результаты системы русской со шведской. Онъ рѣшилъ присоединить „Старую Финляндію" (такъ называлось завоеваніе 1721—1841 г. г.) къ остальной части Великаго Княжества. Манифестъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ Княжеству Финляндскому послѣдовалъ 12/23 декабря 1811 г. Во вступленіи къ Высочайшему Постановленію относительно преобразованія Выборгской губерніи отъ 31 декабря того-же 1811 г. составитель написалъ: „Манифестомъ, въ 11 день декабря 1811 года изданнымъ, присоединивъ Выборгскую губернію къ Великому Княжеству Финляндскому, инкорпорированному Нашей Имперіей". („incorporé à Notre Empire").

Государь собственноручно зачеркнулъ въ черновикѣ слова „incorporé à Notre Empire".

Раздавались, наконецъ, въ русской печати голоса, утверждавшіе, что финляндская конституція, являясь добровольнымъ даромъ Александра I-го, во всякое время, когда это понадобится, можетъ быть отнята обратно. Конечно, этотъ антиправовой взглядъ убѣдителенъ только для сторонниковъ догмата „свободной воли", исповѣдуя который развиваютъ „истинно-русскую" теорію о „правѣ переворота". Въ современной-же наукѣ государственнаго права вопросъ объ обязательности юридическихъ обѣщаній монарховъ трактуется иначе. „Съ точки зрѣнія права простое одностороннее обѣщаніе, формулированное съ намѣ-

реніемъ дать правовое обязательство, обязываетъ, того кто далъ это обѣщаніе, такъ же безусловно, какъ и договоръ, какъ и контрактъ. Это обѣщаніе связываетъ императоровъ и королей точно такъ же, какъ и частныхъ лицъ" (L. Duguit). Вопросъ объ обязательной силѣ финляндской конституціи, дарованной Александромъ I, сводится такимъ образомъ къ вопросу объ обязательной силѣ конституціи, октроированной неограниченнымъ монархомъ, т.-е. не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній съ правовой точки зрѣнія.

II.

Финляндія до 1890 г.

Финляндская конституція была утверждена Александромъ I. Новая эра открылась для страны. Государь скоро пожалъ плоды своего государственнаго благоразумія. Финляндія была удовлетворена своимъ автономнымъ положеніемъ, и во время войны съ Наполеономъ финляндскія войска несли службу въ Петербургскомъ гарнизонѣ.

Но скоро далъ себя знать главный недостатокъ политическаго положенія Финляндіи. Нормальное функціонированіе конституціи зависѣло не только отъ вѣрности Царя данному обѣщанію, но и отъ активнаго выполненія народнымъ представительствомъ своей роли. Александра I-го нельзя упрекнуть въ невѣрности обѣщанію и нарушеніи утвержденной имъ конституціи. Высшее управленіе страной онъ возложилъ на Правительствующій Совѣтъ, въ 1816 г. переименованный въ Императорскій Сенатъ. Манифестъ 9/21 февраля 1816 г., возвѣщавшій объ этомъ переименованіи, въ яркой и опредѣленной формѣ повторилъ конституціонное удостовѣреніе 1809 года:

...„Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству,—не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ; Мы,

при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили Конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Такими мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли, и впредь будемъ имѣть къ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ"...

Но Сеймъ не созывался даже послѣ того, какъ окончательное паденіе Наполеона вернуло миръ Европѣ. Формально въ этомъ не заключалось нарушенія конституціи, ибо опредѣленныхъ сроковъ для созыва Сейма не было установлено, но, такъ какъ душу конституціоннаго режима составляетъ активное функціонированіе народнаго представительства, несозывъ сейма тормазилъ законодательство и оказывалъ неблагопріятное вліяніе на политическое развитіе страны.

Надо признать несомнѣннымъ, что зависѣло это отъ общей реакціи въ Россіи. Сперанскій впалъ въ немилость вслѣдствіе интриги, въ которой принялъ извѣстное участіе финляндецъ Густавъ Армфельдъ, старый фаворитъ Густава III-го—грубая, м.-б., фатальная ошибка! Армфельдъ, назначенный министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, былъ консерваторомъ и не употреблялъ своего личнаго вліянія въ пользу созыва сейма. Царь, казалось, имѣлъ намѣреніе кодифицировать конституціонныя опредѣленія въ проектѣ закона, предложеннаго на разсмотрѣніе Сейма. Но Сеймъ ни разу не былъ созванъ въ его царствованіе и тѣмъ болѣе, конечно, въ царствованіе Николая I-го. Этимъ пользуется партія антифинляндская, какъ своимъ козыремъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что реакціонно настроенные Государи въ извѣстномъ смыслѣ уважали конституціонныя права. Основ-

вные законы предусматривали, что вотумъ Сейма необходимъ для созданія, отмѣны или измѣненія закона. А такъ какъ сеймъ не созывался, — законодательство не могло совершаться одностороннимъ актомъ правительства, и за это время не было предпринято ни одной законодательной реформы, не было введено ни одного новаго налога. Въ царствованіе Императора Александра I-го слѣдующія дѣла были отложены до будущаго Сейма, такъ какъ по основнымъ законамъ они обязательно требовали участія земскихъ чиновъ:

1812 г. Февраля 2—о постойной повинности;

1816 г. Февраля 8/20—объ отвѣтственности церковнослужителей за проступки по должности;

1816 г. Іюня 19—о рыцарскомъ домѣ;

1817 г. Іюля 8—о церковномъ уставѣ;

1817 г. Октября 2—о классификаціи нѣкоторыхъ городовъ;

1819 г. Марта 13—о представленіи сейму отзывовъ городскихъ судовъ ландсгевдинговъ по дѣлу о постойной повинности;

1819 г. Марта 18—о бракахъ между магометанами и лицами евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи;

1820 г. Марта 30—о ссылкѣ въ рудники въ Сибирь лицъ, приговоренныхъ къ пожизненному заключенію;

1823 г. Марта 13—объ отмѣнѣ запрещенія торговли въ деревняхъ.

Затѣмъ въ царствованіе Императора Николая I-го законы 1826 года о замѣнѣ смертной казни ссылкой въ Сибирь, и 1827 г., о правѣ лицъ православнаго исповѣданія занимать правительственныя должности въ Финляндіи, были изданы *) со слѣдующими извинительными оговорками: „обстоятельства и время нынѣ не позволяютъ

*) Безъ участія сейма, т.-е. съ нарушеніемъ конституціи.

представить на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ предположеніе объ отмѣнѣ общаго закона въ вышеизложенномъ отношеніи“ (зак. 1826 г.) и „обстоятельства и попеченія. Наши по прочимъ частямъ Правленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать земскихъ чиновъ Великаго Княжества“ (зак. 1827 г.). Если бы основные законы не были признаны Верховной Властью, то, очевидно, не представлялось бы надобности дѣлать такія оговорки.

Съ другой стороны, когда при вступленіи на престолъ Николая I генералъ-губернаторъ Закревскій совѣтовалъ ему не возобновлять акта удостовѣренія Александра I-го, Государь отказался внять этому совѣту. Онъ подтвердилъ удостовѣреніе, данное его братомъ и всѣ его преемники, не исключая и нынѣ царствующаго Государя, слѣдовали его примѣру. Положеніе вещей съ 1809 г. по 1855 г. не даетъ доказательнаго матеріала для возраженій противъ правъ Финляндіи.

Возрожденіе конституціоннаго режима было дѣломъ Александра II-го. Оно было настоятельно необходимо. Растущія затрудненія, созданныя бюрократическимъ режимомъ, и полный застой законодательныхъ реформъ заставили либерально настроеннаго Государя созвать сеймъ. Повелѣніе о созывѣ было опубликовано 18 іюня 1863 года, а 18 сентября Государь лично открылъ сеймъ рѣчью*), произнесенной на французскомъ языкѣ, въ которой онъ

*) Нынѣшнимъ „патріотамъ“ не мѣшаетъ напомнить, какъ восторженно привѣтствовалъ открытіе сейма и конституціонную рѣчь Александра II извѣстный славянофилъ И. С. Аксаковъ въ своей газетѣ „День“. „Наконецъ въ Финляндіи Сеймъ,—Сеймъ такъ давно желанный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честнаго, трезваго, *здороваго* финляндскаго населенія... Это событіе, т.-е. Сеймъ, произведетъ, конечно, сильное дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей—какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ покровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, ...какъ мало у насъ, Русскихъ, стремленія обрусить не Русскихъ“. („День“, № 37 за 1863 годъ).

возвѣстилъ программу реформъ и въ частности кодификацію конституціонныхъ законовъ:

„Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго оказываются несовмѣстимыми съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе слѣдующаго Сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже Сейму—опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался Сеймъ въ прежнее время, при чемъ Я оставляю за Собой иниціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненія коренного закона.

Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ".

Въ концѣ 1864 г. Государь, дѣйствительно, образовалъ комиссію, поручивъ ей пересмотрѣть и кодифицировать основные финляндскіе законы. Онъ начертилъ для этой комиссіи планъ работъ, который мы приводимъ здѣсь полностью въ виду его малоизвѣстности, а также въ виду того, что онъ содержитъ прекрасное резюмэ финляндской конституціи:

„Государю Императору благоугодно, чтобы Комитетъ, которому будетъ поручено составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, признанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ при открытіи минувшаго Сейма необходимыми, при исполненіи сего порученія имѣлъ въ виду не только, чтобы Форма Правленія отъ 21-го Августа 1772 г., и Актъ соединенія и безопасности отъ 21 Февраля 1789 г., а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія, были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ Уложеніе*) для Великаго Княжества Финляндскаго, но и чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ законовъ въ новый актъ, были въ точности сохраняемы, сколь это возможно, при необходимомъ уясненіи выраженій, а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основный принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1-мъ Акта безопасности. Вмѣстѣ съ симъ Его Императорское Величество изволилъ Высочайше предписать Комитету, для руководства при редакціи, слѣдующія правила и соображенія, а именно:

1) Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго Государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи;

2) Великое Княжество управляется согласно съ его формою правленія и законами;

3) Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндіи, вслѣдствіе чего, относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора или когда онъ по другимъ причинамъ въ теченіе продолжительнаго времени не можетъ управлять государствомъ, а также относительно другихъ подобнаго рода вопросовъ для Финляндіи должно имѣть силу все, что установлено или впредь будетъ установлено для Россіи;

4) Отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній Россійскаго Государства и съ ними одинаковы;

5) Высшее административное управленіе края поручается Сенату, состоящему изъ Предсѣдателя и потребнаго числа членовъ, въ каковыя должности Государь Императоръ назначаетъ финляндскихъ уроженцевъ;

6) Судебная власть Государя Императора возлагается на Верховный Судъ, составляемый изъ предсѣдателя и необходимаго числа членовъ, которые безъ слѣдствія и суда или прошенія не могутъ быть ни увольняемы отъ должности, ни переводимы съ одного мѣста на другое и назначаются Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, извѣстныхъ своими познаніями и опытностью въ судейскихъ дѣлахъ;

Кругъ дѣйствія Сената, Верховнаго Суда и подвѣдомственныхъ имъ присутственныхъ мѣстъ будетъ опредѣленъ особымъ Высочайшимъ Постановленіемъ;

7) Дѣла, требующія Высочайшаго рѣшенія, должны докладываться Государю Императору Министромъ Статсъ-Секретаремъ, долженствующимъ быть финляндскимъ уроженцемъ;

8) Министръ Статсъ-Секретарь и члены Сената, а также прочія должностныя лица и чиновники края отвѣчаютъ одному Государю Императору за исполненіе служебныхъ обязанностей по своимъ должностямъ;

9) Земскіе чины имѣютъ право собираться на ординарный Сеймъ;

*) Форма Правленія.

10) Никакой государственный заемъ впредь не долженъ быть заключаемъ безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ, если только это необходимо не потребуется вслѣдствіе непріятельскаго нападенія или какого-либо другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія;

11) Право собственнаго наложенія на себя податей, нынѣ уже предоставленное Земскимъ Чинамъ, можетъ, относительно экстраординарныхъ налоговъ, быть еще болѣе расширено въ такой мѣрѣ, что не только законодательство о винокуреніи, первоначально принадлежавшее исключительно Монарху, но впослѣдствіи по временамъ зависѣвшее отъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ, должно на будущее время подлежать обоюдному обсужденію Государя Императора и Земскихъ Чиновъ, но и общія начала таможенныхъ налоговъ могутъ быть такимъ-же порядкомъ установляемы, съ тѣмъ однако, что отъ Государя Императора одного будетъ зависѣть опредѣлять количество всякой таможенной пошлины; при чемъ Государь Императоръ также предоставляетъ Себѣ одному установлять основанія и количество таможенныхъ пошлинъ, кои могутъ быть опредѣляемы для издѣлій русскаго происхожденія, ввозимыхъ изъ Имперіи въ Финляндію;

12) Право предложенія законовъ или постановленій, издревле принадлежавшее Земскимъ Чинамъ, возвращается имъ въ такомъ видѣ, какъ оно ближе означено въ § 42 Формы Правленія 1772 года; однако, Государь Императоръ сохраняетъ за собою право иниціативы по всѣмъ вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ

и 13) Въ видахъ большей свободы религіи постановить, что каждый, кто исповѣдуетъ христіанскую вѣру, не взирая на форму исповѣданія, можетъ пріобрѣтать право гражданства и опредѣляться какъ въ гражданскую, такъ и въ военную службу Финляндіи.

За симъ Его Императорское Величество возлагаетъ на Комитетъ составленіе проекта полнаго Сеймоваго Устава, при чемъ Комитетъ прежде всего имѣетъ внести въ проектъ примѣнимыя узаконенія изъ Устава Государственнаго Сейма отъ 24 Января 1617 года, затѣмъ включать въ оный изъ Устава для Государственнаго Сейма отъ 17 Октября 1723 г. правила, утвержденныя къ руководству рѣшеніями Государственныхъ Сеймовъ, послѣдовавшихъ послѣ 1772 года, далѣе изложить образовавшіеся на практикѣ порядки и обряды прежнихъ Сеймовъ, вошедшіе въ обычай и въ законъ, и, наконецъ, предложить правила, которыя по указаніямъ опыта послѣдняго Сейма и убѣжденію Комитета, должны вести къ упрощенію и большей скорости въ производствѣ дѣлъ, безъ упущенія при томъ основательнаго и тщательнаго ихъ разсмотрѣнія. Въ заключеніе Его Императорское Величество Высочайше повелѣваетъ Комитету до исхода іюня мѣсяца 1865 г. представить Его Величеству проекты, какъ Уложенія, такъ и Сеймоваго Устава".

Измѣненный Сеймовый Уставъ былъ внесенъ въ Сеймъ 1867 года и послѣ Высочайшаго утвержденія опубликованъ въ 1869 году (Этотъ основной законъ дѣйствовалъ до замѣны его новымъ Сеймовымъ Уставомъ 1906 года.). Онъ возвѣщалъ между прочимъ созывъ Сейма не рѣже чѣмъ

каждые пять лѣтъ (§ 2; съ 1882 г. Александръ III рѣшилъ созывать Сеймъ каждые три года), опредѣленныя правила для вотированія законовъ (§§ 71—74) и подтверждалъ принципъ, что согласіе Государя и Сословій необходимо для всякой законодательной мѣры *).

Установленный такимъ образомъ режимъ правильно функціонировалъ до 1890 года и достаточно правильно съ 1890 г. по 1899 г. Онъ открылъ возможность политическаго и экономическаго развитія Финляндіи и предоставилъ свободу политическимъ партіямъ. Несомнѣнно, что въ цѣломъ онъ былъ выгоденъ для страны уже тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что средства страны прямо шли на удовлетвореніе ея нуждъ. Въ общихъ чертахъ вотъ существенныя основы этого режима.

Финляндія образуетъ область съ отдѣльнымъ законодательствомъ, судомъ, бюджетомъ, таможней и даже войскомъ. Верховная власть принадлежитъ русскому Императору въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго. Генералъ-губернаторъ, всегда назначаемый изъ русскихъ уроженцевъ, стоитъ во главѣ всей администраціи края, по должности онъ предсѣдатель Сената и командующій войсками. Власть административная и судебная осуществляется именемъ Государя черезъ Императорскій Сенатъ, раздѣленный на два департамента: хозяйственный, въ свою очередь состоящій изъ экспедицій, соотвѣтствующихъ министерствамъ, и судебный, являющійся высшимъ судомъ. Сенатъ подготовляетъ законы и постановленія и руководитъ управленіемъ страной. Все, что требуетъ утвержденія Государя

*) Высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава заканчивалось такъ: „сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3-го Апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ какъ ненарушимый основный законъ. Для вящщаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно".

ему докладывается Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи. Съ другой стороны, существуетъ національное представительство, Сеймъ, состоящій изъ четырехъ чиновъ или сословій: рыцарства или дворянства, духовенства горожанъ и крестьянства. Строго сословный характеръ имѣетъ только дворянская коллегія, въ которой пользуются правомъ голоса главы всѣхъ дворянскихъ родовъ. Духовная коллегія состоитъ изъ назначенныхъ (архіепископъ и епископы лютеранской церкви) и выборныхъ представителей духовенства и представителей университета и среднихъ учебныхъ заведеній. Представители городского и крестьянскаго сословій избираются полноправными гражданами всѣхъ сословій, не участвующими въ выборахъ по другимъ сословіямъ. Въ городскомъ сословіи выборы прямые, въ крестьянскомъ — двухстепенные. Въ единеніи съ Государемъ Сеймъ осуществляетъ законодательную власть. Финляндское государственное право дѣлаетъ различіе (это шведское наслѣдіе) между вопросами законодательными въ собственномъ смыслѣ слова, требующими согласнаго рѣшенія Сейма съ Государемъ, и законодательными вопросами „административными и экономическими“, охватывающими обширную область, въ которой Государь можетъ законодательствовать одинъ, напр., печать *), установленіе таможеннаго тарифа etc.).—Всѣ должности, кромѣ должности генералъ-губернатора, должны быть замѣщены финляндцами по рожденію или вступившими въ финляндское подданство.

Здѣсь можно не входить въ обсужденіе вопросовъ внутренней политики Финляндіи, сводившейся главнымъ образомъ къ вопросу объ языкахъ и къ борьбѣ шведовъ съ финнами. Шведы составляютъ всего одну восьмую всего населенія,

*) По основному закону 1906 г. законодательство о печати не относится больше къ области административнаго законодательства.

но соціальное положеніе шведскаго элемента давало ему значительное вліяніе и упрочивало за нимъ въ Сеймѣ большинство среди дворянства и сословія горожанъ. Въ теченіе полустолѣтія финны боролись за равноправіе языковъ и добились этого не безъ значительнаго сопротивленія, чѣмъ и объясняется, безъ сомнѣнія, образованіе въ нѣдрахъ финскаго элемента партіи, домогающейся полной отмѣны употребленія шведскаго языка въ актахъ публичной жизни и взявшей своимъ девизомъ формулу „Одинъ народъ, одинъ языкъ“. Мы говоримъ о партіи старо-финновъ. Въ противоположность этой партіи образовалась партія младофинновъ, менѣе исключительная, менѣе реакціонная, болѣе расположенная къ соціальнымъ реформамъ и на этой почвѣ тоже находящаяся въ антогонизмѣ со шведскимъ элементомъ, часто консервативнымъ вслѣдствіе своего соціальнаго положенія.

Несомнѣнно, законодательный прогрессъ сопровождался улучшеніемъ соціальныхъ условій. Но трудно отрицать, что прогрессъ въ этой области могъ бы быть болѣе рѣшительнымъ. Руководящія партіи обнаружили въ отношеніи соціальныхъ реформъ, въ особенности въ законахъ о защитѣ трудящихся, такую осторожность, которая смахивала на враждебность. Робкая реформа закона объ арендной платѣ, вотированная въ 1900 г., могла бы и должна бы быть проведена раньше; право голоса могло бы быть предоставлено болѣе многочисленнымъ слоямъ населенія. Этимъ избѣгли бы ложныхъ шаговъ и опасностей, неоднократно дававшихъ знать о себѣ.

Между реформами, предшествовавшими періоду 1890 г., надо особенно отмѣтить военный законъ 1878 года, который въ позднѣйшихъ конфликтахъ игралъ значительную роль. Финляндская армія до этого закона набиралась по системѣ, составлявшей пережитокъ шведской, т.-н. поселенной системы.

Въ 1878 г. она была замѣнена арміей, организован-

ной на современномъ принципѣ обязательной воинской повинности. Законъ 1878 г. создалъ восемь баталіоновъ инфантеріи (гвардейскій стрѣлк. баталіонъ существовалъ раньше) и позднѣе одинъ драгунскій полкъ. Молодые люди, 21 года признанные годными для военной службы медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, тянули жребій. Неблагопріятные номера зачислялись въ трехлѣтнюю службу, но система изъятій сводила для нѣкоторыхъ время службы къ двумъ годамъ или одному году. Благопріятные номера зачислялись на пять лѣтъ въ резервъ, и призывались въ три срока къ обученію, всего на 90 дней. Получался такимъ образомъ многочисленный резервъ обученный и способный совершать компанію. Четырнадцать пунктовъ этого закона, соотвѣтствовавшихъ опредѣленіямъ по вопросамъ военной службы Формы Правленія 1772 года, были объявлены основнымъ закономъ, что означало что для ихъ измѣненія необходимо согласіе четырехъ сословій *) Сейма, утвержденное Государемъ. Финляндскія войска должны были имѣть финляндскій командный составъ и ихъ нельзя было выводить за предѣлы Великаго Княжества.

Въ строевомъ отношеніи финляндскія войска подчинялись военному министру имперіи. Форму одежды, вооруженіе и снаряженіе они имѣли одинаковыя съ русскими войсками, дѣйствовали тѣ же строевые уставы. Вслѣдствіе этого они могли въ случаѣ надобности оперировать вмѣстѣ съ русскими частями. Благодаря хорошему составу офицеровъ и унтеръ-офицеровъ финляндскія войска имѣли прекрасную строевую подготовку. Ежегодно л.-гв. финскій стрѣлковый батальонъ, а съ 1885 г. и два армейскихъ батальона участвовали въ лагерномъ сборѣ подъ Краснымъ Селомъ, остальныя-же части финляндскихъ войскъ собирались въ лагерь подъ Вильманстрандомъ, участвуя въ маневрахъ вмѣстѣ съ русскими войсками, расположенными въ Финляндіи. Къ 1 Января 1900 г. въ финляндскихъ войскахъ состаяло по штатамъ: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ—239, унтеръ-офицеровъ—590, вольноопредѣляющихся—222, музыкантовъ—314, рядовыхъ—4256, нестроевыхъ—445, всего нижнихъ чиновъ—5.827 человѣкъ.

*) Для измѣненія остальныхъ статей достаточно было согласія трехъ сословій.

III.

Отъ 1890 до 1898 г.—Первыя попытки нарушенія финляндской конституціи.

Режимъ, установленный въ Финляндіи съ 1809 и особенно съ 1863 г., далъ благопріятные результаты и для страны, и для правителей. Нигдѣ лоялизмъ не былъ прочнѣе, чѣмъ въ Финляндіи, нигдѣ пріемы борьбы революціонеровъ и нигилистовъ не осуждались рѣзче. Можно даже находить, что финляндцы заходили по этому пути слишкомъ далеко. Тѣмъ удивительнѣе и неожиданнѣе были атаки, направленныя противъ конституціи и автономіи Финляндіи.

Финляндскія автономія и конституція имѣли многочисленныхъ враговъ въ Россіи: реакціонную печать, такихъ фанатиковъ самодержавія, какъ Побѣдоносцевъ, а также вообще бюрократовъ, министровъ и чиновниковъ всѣхъ родовъ. Многое толкало ихъ на антифинляндскую кампанію. И прежде всего тенденція къ объединительному централизму, общая многимъ большимъ государствамъ, но еще болѣе сильная въ Россіи, приравнивавшей Финляндію къ Польшѣ и прибалтійскимъ губерніямъ; затѣмъ вражда къ конституціонному режиму, осложненная еще страхомъ, чтобы матеріальное и соціальное благополучіе Финляндіи не явилось заразительнымъ примѣромъ и аргу-

ментомъ наиболѣе убѣдительнымъ подъ перомъ русскихъ либераловъ, и, наконецъ, особенно жадность русской бюрократіи, желаніе эксплуатировать область, пока дѣвственную и не тронутую разложеніемъ.

Съ своей стороны Финляндія защищалась плохо. Въ газетной полемикѣ финляндцы не могли отражать нападеній, такъ какъ вынуждены были къ молчанію. Конечно, по скольку этому не препятствовала цензура, финляндская пресса энергично защищала страну противъ нападокъ. Лица оффиціальныя оказались не на высотѣ задачи. Въ эпоху Александра II Финляндія имѣла двухъ выдающихся министровъ статсъ-секретарей: графа Армфельта и барона Шернваль-Валлена, выдающагося сенатора Снельмана и замѣчательнаго генералъ-губернатора графа Адлерберга. Въ 1881 году Адлербергъ былъ замѣненъ графомъ Гейденомъ, который имѣлъ имя, какъ военный, но былъ посредственнымъ администраторомъ. Въ Финляндіи онъ оставилъ по себѣ недобрую память и, дѣйствительно, онъ сослужилъ ей плохую службу. Однако, трудно въ точности опредѣлить его роль. Если вѣрить людямъ его знавшимъ, у него былъ слабый характеръ. Онъ писалъ мемуары, въ которыхъ критиковалъ правительственныя мѣропріятія въ отношеніи Финляндіи, но являлся ихъ проводникомъ по службѣ. Говорятъ, послѣ его смерти (въ 1901 г.) остались записки, въ которыхъ онъ предвидѣлъ наступившія событія. Министрами статсъ-секретарями Финляндіи съ 1888 по 1890 послѣдовательно были три генерала: Ернроотъ, фонъ-Денъ и Прокопе́, люди безъ юридическихъ знаній, даже не стремившіеся къ пополненію этого пробѣла. Только фонъ-Денъ это сдѣлалъ, но и тотъ слишкомъ поздно. Надо откровенно признать, что имъ недоставало характера, а порою и прямоты. Въ рѣшительныхъ случаяхъ они руководствовались „здравымъ смысломъ“.

Русскія атаки начались долгой и упорной кампаніей, открытой въ брошюрахъ, статьяхъ, книгахъ. На первыя

атаки русской прессы Л. Мехелинъ отвѣчалъ въ „Le Précis de droit public de Finlande“ (1885 г.). Этотъ трудъ былъ переведенъ на русскій языкъ К. Ординымъ, снабдившимъ свой переводъ замѣчаніями, опровергающими положенія Мехелина. Тотъ же Ординъ возобновилъ свою аргументацію въ 1889 году въ книгѣ „Завоеваніе Финляндіи“, ставшей источникомъ, изъ котораго черпали позднѣйшіе полемисты: Коркуновъ, Еленевъ и др. Рѣшительное опроверженіе доводовъ этихъ работъ далъ Даніельсонъ *) въ своихъ сочиненіяхъ „Присоединеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи“ и „Автономія Финляндіи“ (1893 г.). Въ это время русское правительство приняло участіе въ дебатахъ: русскій переводъ работъ Даніельсона былъ запрещенъ въ Россіи, а генералъ-губернаторская цензура помѣшала финляндской печати отвѣтить ея русскимъ противникамъ. Скоро наступилъ моментъ, когда попытались осуществить теоріи націоналистовъ, присуждавшія къ отмѣнѣ финляндскихъ „вольностей“.

27 января 1890 г. было возвѣщено Манифестомъ объ образованіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора трехъ комиссій, засѣдавшихъ въ Петербургѣ. Имъ было поручено подготовить объединеніе русской и финляндской

---

*) Значительно позже крупнѣйшій изъ русскихъ ученыхъ государствовѣдовъ Б. Чичеринъ далъ слѣдующій отзывъ объ антифинляндской кампаніи въ своей извѣстной книгѣ „Россія наканунѣ XX столѣтія“: „Походъ противъ Финляндіи предпринятъ былъ еще въ царствованіе Александра III и, вопреки русскимъ обычаямъ, онъ начался съ тяжеловѣснаго сочиненія. Г. Ординъ, произведенный за это въ придворный чинъ, издалъ объемистое изслѣдованіе о завоеваніи Финляндіи и о томъ положеніи, которое было дано ей Александромъ I. Повидимому, оно основывалось на архивныхъ документахъ, но въ дѣйствительности это было не только крайне пристрастное, но и прямо лживое изложеніе, съ умолчаніемъ однихъ фактовъ, превратнымъ толкованіемъ другихъ и извращеннымъ представленіемъ третьихъ. Тѣмъ не менѣе, Академія Наукъ признала это сочиненіе достойнымъ преміи, чѣмъ взяла на себя тяжелый грѣхъ передъ отечествомъ и исторіей. За г. Ординымъ послѣдовалъ г. Еленевъ и вся ватага раболѣпствующихъ журналистовъ, для которыхъ весь смыслъ патріотизма заключается въ насиліи и притѣсненіи другихъ“...

монеты, почты и таможни. Замѣна финляндской монеты съ опредѣленнымъ вѣсомъ золота рублемъ измѣнчиваго курса не удалась не безъ вліянія на это европейскихъ капиталистовъ. То же случилось съ таможенной реформой. Но Императорскимъ Манифестомъ 12 іюня 1890 г. техническое управленіе почтой было возложено на общее русское управленіе, подчиненное министерству внутреннихъ дѣлъ. Это былъ первый шагъ на пути беззаконія. Министръ Ернроотъ сказался больнымъ, манифестъ былъ контрасигнованъ его помощникомъ фонъ-Деномъ. Прокуроръ сената, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за ненарушимостью конституціи, указалъ Государю на совершенную незаконность и подалъ въ отставку.

Сеймъ 1888 г. вотировалъ уголовный кодексъ, утвержденный въ 1889 г.; вступить въ дѣйствіе онъ долженъ былъ въ 1891 г. Русская печать открыла кампанію противъ редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ кодекса, въ которыхъ усмотрѣно было пренебреженіе къ интересамъ имперіи. Въ этой кампаніи видную роль играли Н. Таганцевъ и Ординъ. Русскіе полемисты добились отсрочки (Манифестомъ 15 декабря) приведенія въ дѣйствіе кодекса до измѣненія его ближайшимъ сеймомъ. Требуемыя измѣненія по большей части были чисто формальными.

Не замедлили и другія мѣропріятія. Рескриптомъ 13 мая 1891 г. былъ упраздненъ „Комитетъ для финляндскихъ дѣлъ“ при финляндскомъ министрѣ. Солидная поддержка опытныхъ юристовъ исчезла въ моментъ, когда, какъ мы видѣли, министры были мало компетентны въ вопросахъ государственнаго права. Лѣтомъ 1891 г. установлено было употребленіе русскаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ министра статсъ-секретаря съ генералъ-губернаторомъ и генералъ-губернатора съ сенатомъ; кромѣ того (новое нарушеніе конституціи), русскіе чиновники допущены были къ занятію должностей въ канцеляріяхъ статсъ-секретаріата и генералъ-губернатора. Новое повелѣніе 7 декабря 1891 г. установило, что при назначеніи на должности въ Финляндіи предпочтеніе должно отдаваться знающимъ русскій языкъ.

Послѣдовали событія и еще большей важности.

Распоряженіемъ 18 іюня 1891 г. значительно отягчено было положеніе печати предоставленіемъ генералъ-губернатору власти пріостанавливать и закрывать газеты. Графъ Гейденъ этой властью пользовался, ибо рядъ болѣе или менѣе незаконныхъ мѣропріятій, принятыхъ въ 1890 и 1891 года, вызвалъ оппозицію въ печати.

Въ то же время были учреждены новыя комиссіи для обсужденія вопроса исключительной важности, а именно вопроса о кодификаціи конституціонныхъ законовъ. Какъ мы видѣли выше, проектъ такой кодификаціи былъ составленъ при Александрѣ II, но этотъ проектъ никогда не былъ осуществленъ. Въ 1885 году для той-же цѣли собралась комиссія въ Гельсингфорсѣ. Послѣ того, какъ объ ея работахъ высказались русскій министръ юстиціи и предсѣдатель законодательнаго отдѣла Государственнаго Совѣта Имперіи, въ 1891 году образована была въ Гельсингфорсѣ новая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена. Слѣдуя прецеденту, установившемуся въ 1890 году безъ протеста со стороны министра Финляндіи, эта комиссія была составлена изъ финляндскихъ и русскихъ членовъ. Русскіе члены комиссіи составили проектъ „Правилъ для управленія губерніями Великаго Княжества Финляндскаго“, самое оглавленіе котораго являлось отрицаніемъ финляндской автономіи. Финляндцы отказались присоединиться къ этому проекту и составили свой отдѣльный проектъ. Запросили мнѣніе финляндскаго сената, и зимой 1892 г. въ Петербургѣ собралось смѣшанное особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Бунге. Въ составъ его входило *шесть* русскихъ членовъ (въ томъ числѣ четыре министра и графъ Гейденъ) и *четыре* финляндца.

Тактика, принятая русскими членами совѣщанія, заключалась въ стремленіи извлечь выгоду изъ одного

пункта, непредусмотрѣннаго финляндской конституціей. Могли быть случаи, въ концѣ концовъ, достаточно рѣдкіе, когда въ двухъ частяхъ Россійской Имперіи было необходимо принять общую законодательную мѣру. На практикѣ это не создавало никакого затрудненія. Но теоретически конституція не указывала опредѣленно, какъ надо было поступать въ такихъ случаяхъ. Противники финляндской конституціи направили свои нападки въ эту сторону. Говорили объ „общеимперскихъ дѣлахъ", требующихъ общаго законодательства. Оплакивали, что такого законодательства не существовало вовсе. Уже въ рескриптѣ отъ 28 февраля 1891 года, въ общемъ очень благопріятнаго для Финляндіи, Государь говорилъ, что „недостатокъ согласованности нѣкоторыхъ финляндскихъ законовъ съ общеимперскими, равно какъ недостатокъ опредѣленности въ законодательствѣ, опредѣляющемъ отношенія Великаго Княжества съ Имперіей, вызываютъ ложное освѣщеніе смысла мѣропріятій, принятыхъ въ вопросахъ, интересующихъ въ одинаковой степени всѣ части Имперіи". Большинство совѣщанія Бунге составило проектъ, устанавливающій порядокъ законодательнаго рѣшенія въ „общеимперскихъ вопросахъ". Оно возлагалось на Имперскій Государственный Совѣтъ. Понятно, финляндское меньшинство не могло присоединиться къ этому проекту. Совѣщаніе закончилось весной 1893 года. Александръ III ознакомился съ трудами совѣщанія и приказалъ ихъ передать въ секретаріатъ Государственнаго Совѣта, высказавшись, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Труды особаго совѣщанія Бунге были самымъ критическимъ моментомъ всего этого періода. Александръ III скончался; первые акты его Преемника свидѣтельствовали о наилучшихъ намѣреніяхъ. Графъ Гейденъ ушелъ въ отставку и былъ замѣщенъ своимъ помощникомъ генераломъ Гончаровымъ, какъ исполняющимъ должность генералъ-губернатора. Положеніе печати стало

опять болѣе сноснымъ, что доказывается слѣдующей статистической справкой:

Годы.	Число непропущенныхъ статей.	Годы	Число непропущенныхъ статей.
1891	209	1895	138
1892	211	1896	58
1893	216	1897	40
1894	154	1898	98

Вѣрили, что гроза миновала и эта слѣпая увѣренность является однимъ изъ величайшихъ курьезовъ эпохи.

Въ извиненіе финляндцевъ слѣдуетъ сказать, что они не были никѣмъ освѣдомлены. М. б., отставка Гейдена вызвана была тѣмъ, что онъ зналъ о томъ, что замышлялось въ Петербургѣ и не хотѣлъ подчиниться этимъ замысламъ. Во всякомъ случаѣ рескриптъ о созывѣ Сейма послѣдовалъ въ іюлѣ 1898 г. и невѣроятнымъ кажется, чтобы въ іюнѣ министръ фонъ-Денъ ничего не зналъ о томъ, что готовилось. Однако, именно этотъ моментъ онъ избралъ, чтобы выйти въ отставку. И уходя, онъ никого не предупредилъ о готовящемся, что́ онъ долженъ былъ знать. Іюльскій рескриптъ 1898 г. о созывѣ чрезвычайнаго Сейма для обсужденія военнаго вопроса произвелъ эффектъ неожиданнаго сюрприза. Нельзя отрицать, что руководящіе умы Финляндіи обнаружили недостатокъ предусмотрительности, важность которой совершенно ясна изъ вышеизложенной исторіи періода 1890—99 г. г. Именно тогда устанавливалась тактика, одобренная послѣ. Манифесты 1899 г. и 1900 г. не были новшествомъ. Народъ финляндскій, очевидно, слѣпо вѣрилъ слову своихъ Государей...

IV.

Военный вопросъ.—Манифестъ 3 Февраля 1899 г.

Съ 1893 года все было готово для кампаніи противъ Финляндской конституціи; недоставало только людей. Ихъ скоро нашли. Активную роль возложили на военнаго министра Куропаткина и на генерала Бобрикова, назначеннаго финляндскимъ генералъ-губернаторомъ въ августѣ 1898 г. Куропаткинъ сталъ военнымъ министромъ въ томъ же 1898 г. Онъ замѣнилъ престарѣлаго министра. Самъ онъ былъ дѣятеленъ, властолюбивъ. За отсутствіемъ внѣшнихъ осложненій онъ искалъ „дѣла“ во внутренней политикѣ. Реформа финляндской арміи ему показалась подходящимъ полемъ дѣятельности.

Уже давно антифинляндская партія взирала на финляндскую армію подозрительнымъ окомъ. Въ Финляндіи воинская повинность была менѣе тяжела (три года службы, вмѣсто пяти, и менѣе значительный контингентъ). Кромѣ того, въ Россіи смотрѣли на резервъ, какъ на учрежденіе опасное. Говорили болѣе или менѣе открыто, что рискованно полагаться на вѣрность этихъ войскъ [1]). Въ первые годы царствованія Николая II въ военномъ министерствѣ было образовано два смѣшанныхъ комитета, одинъ для выработки новаго военнаго закона, другой для реформы организаціи войскъ. Въ первомъ былъ только одинъ финляндецъ, во второмъ—два. Но это меньшинство защищалось доблестно и письменно изложило столь убѣдительные доводы (1897 г.), что, казалось, похоронило вопросъ,

Его воскресилъ Куропаткинъ. Въ началѣ 1898 г. министръ доложилъ Государю проекты комитетовъ и былъ такъ настойчивъ, что добился согласія открыть очередную

[1]) Конечно, эти подозрѣнія лишены были всякаго основанія. Финляндскія войска, всегда хорошо аттестуемыя начальствомъ, неоднократно удостаивались похвалы Государя.

сессію Сейма (она должна была состояться въ 1900 году) годомъ раньше. Министръ Финляндіи ничего не зналъ и услыхалъ о рѣшеніи изъ разговора съ Куропаткинымъ. Генералъ Прокопе́ указалъ на ту сенсацію, которую произведетъ эта незаконная мѣра. Тогда было принято рѣшеніе созвать чрезвычайный Сеймъ (рескриптъ 19 Іюля 1898 г.). Этотъ Сеймъ долженъ былъ открыться 19 Января 1899 года и обсудить проектъ закона, вызываемаго необходимостью „согласовать военный законъ Великаго Княжества Финляндскаго съ основами военнаго дѣла Имперіи“.

Для подготовки проекта закона и обсужденія вопроса о порядкѣ его изданія въ Петербургѣ образована была комиссія подъ предсѣдательствомъ Побѣдоносцева, въ составѣ которой былъ только одинъ финляндецъ—и д. министра статсъ-секретаря Прокопе́. Русскіе члены комиссіи одобрили проекты 1897 г. и рѣшили посовѣтовать внести ихъ въ Сеймъ, но въ такихъ неопредѣленныхъ и темныхъ выраженіяхъ, что министръ статсъ-секретарь Финляндіи сдѣлалъ формальныя возраженія. Все это было переслано въ Сенатъ съ предписаніемъ положить въ основу своихъ трудовъ проекты русскихъ комитетовъ 1897 года. Проекты эти, какъ видно изъ вышеизложеннаго, были непріемлемы. Сенатъ могъ только устранить наиболѣе кричащія незаконности; но возвращая проекты, Сенатъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ сообщалъ, что не можетъ согласиться съ этими проектами, противорѣчащими основнымъ законамъ.

Въ это время Государь былъ въ Крыму. Министръ Финляндіи ограничился тѣмъ, что послалъ ему всѣ акты со своимъ заключеніемъ, согласнымъ съ мнѣніемъ Сената. Куропаткинъ не задумался лично отправиться въ Ливадію и выигралъ партію.

Государь повелѣлъ внести русскій проектъ въ Сеймъ безъ измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ Сенатомъ.

Іюльскій рескриптъ произвелъ въ Финляндіи сенсацію и повсюду вызвалъ изумленіе. Безпокойство не улеглось,

когда 30 августа узнали о назначеніи финляндскимъ генералъ-губернаторомъ Бобрикова, пользовавшагося репутаціей энергичнаго обрусителя.

19 октября Бобриковъ вступилъ въ должность. Въ своей привѣтственной рѣчи къ сенату и высшимъ чиновникамъ онъ откровенно обнаружилъ свои намѣренія:

„Нашъ Государь знаетъ преданность финляндскаго народа, но онъ знаетъ также о распространенной въ странѣ выдумкѣ относительно началъ, опредѣляющихъ положеніе Финляндіи въ Имперіи... Оставляя неприкосновенными, въ границахъ рескрипта 1891 г., особенности религіозныхъ установленій, права и привиллегіи внутренняго управленія Финляндіи, по скольку они не противны интересамъ и достоинству Россіи, государство, однако, не допуститъ дальнѣйшаго распространенія въ странѣ всего, что нарушаетъ согласіе въ великой Имперіи... На необозримомъ пространствѣ Россіи всѣ живущіе подъ скипетромъ могущественнаго Царя должны имѣть только чувство вѣрноподданности и одинаковой любви къ отечеству“...

Въ такой атмосферѣ происходили выборы въ сеймъ. Сеймъ открылся въ назначенный день. Избраніе комиссій и распредѣленіе пропозицій по комиссіямъ заняло нѣсколько дней. Кромѣ того, до весны работы должны были сосредоточиться въ комиссіяхъ, засѣдавшихъ при закрытыхъ дверяхъ. Только предположительно можно было знать о той позиціи, какую займетъ сеймъ. Слѣдовательно, нельзя утверждать, чтобы февральскій манифестъ 1899 г. вызванъ былъ занятой сеймомъ позиціей.

На самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1898 г. вытащили на свѣтъ Божій старый проектъ совѣщанія Бунге (можетъ быть въ предвидѣніи оппозиціи сейма). Съ начала января въ Петербургѣ образованъ былъ новый комитетъ изъ 8 членовъ, изъ которыхъ 7 были русскіе: Побѣдоносцевъ, три члена Государственнаго Совѣта (Сольскій, Островскій и Фришъ), государственный секретарь Плеве, министръ юстиціи Муравьевъ, генералъ Бобриковъ и одинъ финляндецъ—и. д. министра статсъ-секретаря Прокопе́.

Работу закончили быстро (въ три засѣданія, изъ которыхъ предпослѣднее происходило въ концѣ января, а послѣднее 1-го февраля). Члены совѣщанія сохраняли происходившее втайнѣ и предложили и генералу Прокопе́ соблюдать абсолютную тайну. Прокопе́ сдержалъ слово, по крайней мѣрѣ онъ не предупредилъ о готовящемся ни одного члена сената.

Манифестъ упалъ, какъ снѣгъ на голову и, однако, если бы обсужденіе вопроса объ его обнародованіи было продлено на три дня, большинство высказалось бы противъ обнародованія. Изъ этого видно, какое важное значеніе имѣло бы предупрежденіе сената за 15 дней раньше. Министръ Финляндіи считалъ себя связаннымъ обѣщаніемъ, исторгнутымъ у него политическими врагами.

Въ засѣданіи 1 февраля окончили редактированіе Манифеста и Положеній, уничтожавшихъ финляндскую конституцію. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, скрѣпилъ эти акты. Они были датированы 3/15 февраля 1899 г. Вотъ ихъ текстъ:

Высочайшій Манифестъ.

Божіею милостію, Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч.

Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями, не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ. Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ

безъ различія вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы сочли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства.

Въ сихъ видахъ Мы собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣтанія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіей. Подъ сѣнію державы Россійской, сильная ея защитой, Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преуспѣнія и Намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ Финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящщему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 3-ій день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, царствованія же нашего въ пятое".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему". Въ С.-Петербургѣ.

3 февраля 1899 года.

Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

1) Первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію

дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить, либо дополнить дѣйствующій законъ.

2) Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи.

3) Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ министромъ Имперіи и министромъ-статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собой сношеніи. Финляндскій генералъ-губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ выполнить дѣйствующіе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему министру Имперіи и министру-статсъ-секретарю Великаго Княжества.

4) По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, министръ Имперіи, о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ министромъ-статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе финляндскаго Сейма требуется заключеніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очеред-

номъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этой цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6) По полученіи заключенія финляндскаго генералъ-губернатора, министра-статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случалхъ (ст. 5) и финляндскаго Сейма, министръ Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтамъ на общемъ основаніи, при участіи финляндскихъ генералъ-губернатора и министра-статсъ-секретарѣ Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародовывается установленнымъ порядкомъ, какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

V.

Обнародованіе Манифеста.—Великій адресъ.

Безполезно подробно останавливаться на незаконности Манифеста 1899 г. Конституція требуетъ для каждаго законодательнаго акта вотума Сейма и санкціи Государя, при чемъ текстъ, вотированный Сеймомъ, можетъ быть только en bloc утвержденъ или отвергнутъ Имъ. Вмѣсто этого Сейму представлялась законосовѣщательная роль во всѣхъ вопросахъ, которые Государю угодно будетъ признать общеимперскими. Текстъ закона, принятаго сеймомъ, могъ быть произвольно измѣненъ Государственнымъ Совѣтомъ и въ

послѣдней стадіи Государемъ, неограниченнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Поэтому, когда утромъ 3 февраля генералъ Бобриковъ пригласилъ прокурора сената Сёдергьельма и одного изъ вице-предсѣдателей сената Тудеера и сообщилъ имъ Манифестъ, прокуроръ указалъ ему, что Манифестъ является нарушеніемъ конституціи. Тудееръ отказался распорядиться о напечатаніи Манифеста въ оффиціальныхъ изданіяхъ въ виду того, что генералъ-губернаторъ представилъ только копію его, но взялся сообщить его сенаторамъ.

Сенаторы очутились въ трудномъ положеніи: должны-ли они обнародовать эти незаконные акты? Должны-ли они и могутъ-ли отказать въ обнародованіи? Извѣстно, какое рѣшеніе они приняли, и какъ общественное мнѣніе Финляндіи ихъ за это осуждало. Справедливость, однако, требуетъ признать, что рѣшеніе было не легко: тѣмъ болѣе, что и выдающіеся дѣятели, за совѣтомъ къ которымъ обратились частнымъ образомъ сенаторы, не пришли къ согласію. Передъ окончательнымъ голосованіемъ сенаторы на частныхъ совѣщаніяхъ обсуждали вопросъ. Обрисовались двѣ партіи.

1) Относительно смысла Манифеста разногласій не было, онъ незаконенъ и сообщенъ въ незаконномъ порядкѣ, безъ скрѣпы министра статсъ-секретаря Финляндіи.

По вопросу объ обнародованіи мнѣнія раздѣлились:

2) Группа сенаторовъ стояла за обнародованіе:

а) по мотивамъ практическимъ: акты будутъ опубликованы въ русскихъ оффиціальныхъ изданіяхъ; нельзя надѣяться, чтобы правительство отступило, и положеніе Финляндіи можетъ только ухудшиться; къ тому же, выраженія Манифеста достаточно туманны и это позволяетъ надѣяться, что его примѣненіе не создастъ беззаконій.

b) по мотивамъ юридическимъ: являясь только чиновничьимъ учрежденіемъ, сенатъ не можетъ отказывать въ обнародованіи; къ тому же, это обнародованіе не означаетъ вовсе признанія законности Манифеста и не является не-

обходимымъ условіемъ въ законодательной процедурѣ. Достаточно обратиться съ петиціей къ Государю съ просьбой надлежащаго разъясненія Манифеста и съ предложеніемъ, чтобы ближайшему Сейму предоставлено было обсудить проектъ закона, устанавливающаго границы новаго законодательства.

3) Напротивъ того, сторонники сопротивленія выдвинули другіе аргументы. Они настаивали на томъ, чтобы вопросъ объ обнародованіи пока былъ оставленъ открытымъ, а сенатъ вошелъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ Манифеста; исходили изъ того предположенія, что такъ какъ Манифестъ не былъ докладываемъ Государю министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, то Государь не былъ освѣдомленъ о важности этого акта. Въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта Сенатъ можетъ выйти въ отставку.

Первое засѣданіе происходило 4-го, второе 5 февраля; пробное голосованіе дало: за обнародованіе 15 голосовъ, противъ непосредственнаго обнародованія 5.

Содержаніе Манифеста, между тѣмъ, стало извѣстнымъ. Члены Сейма занялись вопросомъ: шведская партія отправила депутацію къ сенаторамъ съ просьбой отвергнуть обнародованіе; финская партія, не посылая депутаціи и не приходя къ прочному рѣшенію по вопросу, высказалась въ томъ же смыслѣ.

Публичное собраніе, происходившее 5-го Февраля, отправило сенаторамъ адресъ за 218 подписями съ просьбой отклонить обнародованіе. Вечеромъ происходило новое неоффиціальное собраніе, не пришедшее ни къ какому рѣшенію.

Позиція, занятая прокуроромъ сената, однако же, измѣнила позицію Сената. У прокурора 5 Февраля явилась мысль въ тотъ же вечеръ отправиться въ Петербургъ испросить аудіенцію у Государя и изложить ему положеніе вещей. Два сенатора (въ числѣ ихъ—Ирье-Коскиненъ) совѣтовали ему ѣхать. Но на вечернемъ засѣданіи никто (даже тѣ, кто поднялъ вопросъ о поѣздкѣ или одобрялъ

мысль о ней) не высказался за поѣздку, а кое-кто высказался противъ нея, и прокуроръ не поѣхалъ. Онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ представленія о незаконности и заявить протестъ въ формѣ возраженій, занесенныхъ въ протоколъ засѣданія, въ случаѣ, если Сенатъ сдѣлаетъ постановленіе объ обнародованіи Манифеста.

Рѣшеніе прокурора, сообщенное имъ частнымъ образомъ сенаторамъ, произвело большой эффектъ. Но два сенатора-финна, спрошенные о мнѣніи ихъ партіи, дали намѣренно неопредѣленный и неясный отвѣтъ. Однако, въ засѣданіи 6-го Февраля пробное голосованіе дало: за обнародованіе 8 голосовъ, противъ—12. Засѣданіе на часъ прервали. Вице-предсѣдатель Тудееръ интриговалъ, чтобы вернуть большинство партіи, стоявшей за обнародованіе.

Приступили къ оффиціальному голосованію. Голоса раздѣлились такъ: число голосующихъ — 20, абсолютное большинство—11.

За обнародованіе голосовали сенаторы: Бергбомъ, Бореніусъ, Енебергъ, Фельманъ, Юллингъ, Лангенскьельдъ, авъ-Нюборгъ, Шауманъ, Сольманъ, Тудееръ, Ирье-Коскиненъ, всего 11.

Противъ: Сенаторы Цедергольмъ, Шарпантье, Клубергъ, Грипенбергъ, Хорнборгъ, Хугбергъ, Игнаціусъ, Нюбергъ, фонъ-Троиль, всего 9.

Прокуроръ продиктовалъ для занесенія въ протоколъ засѣданія свой протестъ слѣдующаго содержанія:

Манифестъ, внесенный въ Императорскій Сенатъ для обнародованія, изданъ съ нарушеніемъ установленнаго § 40 Формы Правленія 21 августа 1772 г. и § 71 Сеймоваго Устава 13 апрѣля 1869 г. порядка для изданія основныхъ законовъ въ Финляндіи; съ другой стороны, ни одинъ финляндецъ, компетентный въ вопросахъ законодательства, не принялъ участія въ подготовкѣ Манифеста, а у Императорскаго Сената не спросили его заключенія. Я долженъ отмѣтить, что Его Величеству Государю Императору не объяснено, сколь тяжкій ударъ наносятъ „основныя положенія“, присоединенныя къ Манифесту, конституціи Финляндіи, которой присягали ея Государи, а, значитъ, и вообще правамъ финляндскаго народа. Смѣю полагать, что Его Величество Государь Императоръ, освѣдомленный объ этомъ положеніи вещей почтительнѣйшимъ изложеніемъ

фактовъ, соблаговолитъ или взять обратно упомянутый Манифестъ, или по крайней мѣрѣ, опубликовать разъясненіе, завѣряющее, что этотъ Манифестъ не преслѣдовалъ цѣли лишить Сеймъ законодательныхъ правъ даже въ вопросахъ, указанныхъ въ Манифестѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что Императорскій Сенатъ прежде обнародованія Манифеста долженъ обратиться къ Его Величеству Государю Императору съ представленіемъ объ этомъ; осмѣливаюсь выразить увѣренность, что эта петиція будетъ принята Его Императорскимъ Величествомъ и Государь усмотритъ въ ней только выполненіе вѣрноподданническаго долга, лежащаго на финляндскихъ совѣтникахъ Его Величества".

Сенаторъ Шауманъ объявилъ тогда, что онъ измѣняетъ свой вотумъ. Голоса раздѣлились: десять противъ десяти; вопросъ былъ рѣшенъ перевѣсомъ голоса вице-предсѣдателя Тудеера *)

Принимая рѣшеніе обнародовать Манифестъ, Сенатъ рѣшилъ также обратиться къ Государю съ петиціей о разъясненіи этого акта. Петиція была редактирована ясно; она заявляла, что „народъ финляндскій въ цѣломъ видитъ въ Манифестѣ нарушеніе гарантированной ему конституціи и не считаетъ себя заслужившимъ утрату ея своимъ поведеніемъ". Вице-предсѣдатель и прокуроръ отправились въ Петербургъ, чтобы испросить аудіенцію и представить петицію.

Въ то же время и Сеймъ рѣшилъ обратиться съ петиціей. Она была редактирована комиссіей Сейма 9-го февраля, а 10-го февраля предсѣдатели четырехъ сословій вечеромъ выѣхали съ ней въ Петербургъ.

Государь отказалъ въ пріемѣ депутаціи Сената и сословій. Его отвѣтъ на адресъ Сената былъ кратокъ: „оставить безъ послѣдствій". Этотъ отвѣтъ былъ сообщенъ Сенату министромъ и зарегистрированъ въ засѣданіи 2 марта.

Тактика большинства потерпѣла крушеніе. Могла ли имѣть успѣхъ тактика противоположная?

*) Вице-предсѣдатель судебнаго департамента былъ боленъ и отсутствовалъ на засѣданіи. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ вотировать противъ обнародованія и, кромѣ того, что онъ по праву старшинства долженъ былъ предсѣдательствовать на засѣданіи, которое въ такомъ случаѣ окончилось бы иначе.

Общественное мнѣніе Финляндіи высказалось противъ большинства, подавшаго голосъ за обнародованіе. Тяжесть общественнаго осужденія цѣликомъ упала на вице-президента Тудеера и сенатора Ирье-Коскинена. Относительно перваго не надо разъясненій; что касается второго, то онъ былъ признаннымъ главою старо-финнской партіи и, очевидно, ему должны были приписать отвѣтственность за позицію, занятую его политическими друзьями. Потому-ли, что онъ это чувствовалъ, или потому, что уже готовилъ свою послѣдующую позицію, Коскиненъ въ засѣданіи 2 марта подалъ въ отставку. Заявленіе объ отставкѣ онъ сопроводилъ возраженіемъ, записаннымъ въ протоколѣ, на протестъ прокурора въ засѣданіи 6/18 февраля. Эти возраженія стали очень извѣстны въ Финляндіи; въ виду ихъ важности, приводимъ ихъ цѣликомъ:

„Такъ какъ заявленія г. прокурора въ протоколѣ 6/18 февраля опубликованы нынѣ также въ газетахъ, то я считаю себя въ правѣ внести въ протоколъ нынѣшняго засѣданія слѣдующія замѣчанія: г. прокуроръ считаетъ, что Сенатъ не долженъ былъ непосредственно обнародовать Высочайшій Манифестъ, но добиваться посредствомъ петиціи желаемыхъ измѣненій или разъясненій. Это заявленіе не должно было быть одобрено, такъ какъ оно являлось политическимъ совѣтомъ, какового прокуроръ не правомоченъ давать. Если хотятъ его разсматривать, какъ замѣчаніе о законности принятой Сенатомъ мѣры, я обязуюсь указать на его недостатокъ: г. прокуроръ не указалъ на легальный мотивъ, въ силу котораго Сенатъ могъ бы воздержаться отъ непосредственнаго опубликованія Манифеста. Если прокуроръ думалъ о § 4 Формы Правленія 1772 г., то я ограничусь напоминаніемъ, что не требовалось ни заключенія Сената, ни подписей сенаторовъ *). Я не хочу здѣсь останавливаться надъ вопросомъ, не могъ ли г. прокуроръ, за три дня до того узнавшій содержаніе Высочайшаго Манифеста, счесть себя уполномоченнымъ въ силу власти, предоставленной ему наказомъ, прямо обратиться къ Его Императорскому Величеству, чтобы получить передъ пленарнымъ засѣданіемъ Сената отъ верховной власти тотъ отвѣтъ, который г. прокурору казался возможнымъ. Я только пользуюсь правомъ выразить мое мнѣніе о законности тѣхъ замѣчаній, которыя г. прокуроръ счелъ долгомъ формулировать противъ рѣшенія Сената".

*) Въ самомъ дѣлѣ, Манифестъ былъ напечатанъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ безъ подписей сенаторовъ. Это было слѣдствіемъ неправильной теоріи, что обнародованіе не означаетъ признанія законности акта.

Скоро стало очевидно, что этотъ протестъ, не стремившійся измѣнить общественное мнѣніе въ пользу взглядовъ его автора, былъ исключительно политическимъ маневромъ, предназначеннымъ отбросить осужденіе, падавшее на партію Коскинена, на прокурора, принадлежавшаго къ шведской партіи. Результатомъ этого протеста было то, что Коскиненъ былъ осужденъ, или по меньшей мѣрѣ, покинутъ большинствомъ своихъ партійныхъ друзей. Но эта изолированность не была длительной. Группировка создалась изъ людей въ большинствѣ случаевъ принадлежащихъ къ старофинской партіи, которые стремились извлечь наибольшую выгоду изъ положенія вещей, спасти, сколько было возможно вольностей примиренческой позиціей и уступками. Такова была ихъ система защиты. Эта партія духовенства и финскаго элемента имѣла старѣйшую газету „Uasi Suometar“. Она домогалась войти въ составъ правительства и ея старанія увѣнчались успѣхомъ при обновленіи Сената въ 1900 г., послѣ котораго тамъ остались только сторонники этой политики, т. е. послушныя орудія. Но, какъ увидимъ, на практикѣ партія, руководимая Ирье-Коскиненомъ, только и дѣлала, что сперва санкціонировала, а позднѣе даже поддерживала всѣ мѣропріятія руссификаціи.

Въ то самое время, когда сенаторъ Ирье-Коскиненъ демонстративно ушелъ въ отставку, народъ показалъ свое отношеніе къ Манифесту посредствомъ великаго адреса Государю Императору. 20 февраля на собраніи гражданъ въ Гельсингфорсѣ былъ избранъ комитетъ. Комитетъ составилъ адресъ. Согласились распространить его черезъ делегатовъ по всей странѣ. Депутація, имѣющая въ своемъ составѣ по одному представителю отъ каждой общины, должна была отправиться къ Государю. Въ два дня собрали необходимый фондъ и даже больше того (460.000 франковъ). 24 февраля пустили въ обращеніе адресъ; 5 Марта общины выбрали своихъ делегатовъ; 10-го въ руки комитета вер-

нулись первые листы съ подписями, 14-го поступилъ послѣдній. Собрали 524,931 подпись людей, умѣющихъ читать и писать, такъ какъ „кресты“ неграмотныхъ не принимались. Результатъ, достигнутый въ одну недѣлю среди населенія въ $2^1/_2$ милліона, разсѣянныхъ по огромной территоріи, въ суровое время года, по истинѣ являлся чрезвычайной и во всякомъ случаѣ добровольной манифестаціей. Адресъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Всемилостивѣйшій Государь и Великій Князь! Манифестъ Вашего Величества отъ $^3/_{15}$ послѣдняго февраля вызвалъ по всей Финляндіи волненіе и глубокую печаль.

Вѣковое право финляндскаго народа принимать участіе въ законодательствѣ черезъ своихъ представителей—Сословія было утверждено на вѣчныя времена Императоромъ Александромъ I, память котораго мы благословляемъ. Это право было развито и получило прочную организацію въ царствованіе покойныхъ Государей Александра II и Александра III.

Но по Положеніямъ, опубликованнымъ вмѣстѣ съ Манифестомъ, въ дѣлахъ, которыя объявятъ затрагивающими также интересы Имперіи Россійской, Сословія не будутъ болѣе имѣть рѣшающаго голоса, который за ними признается основными законами Финляндіи по вопросамъ законодательства. Въ этомъ основа нашего общественнаго строя, угрожаемаго такимъ образомъ Манифестомъ.

Мы, нижеподписавшіеся, граждане финляндскіе, принадлежащіе ко всѣмъ классамъ общества, выражаемъ передъ Престоломъ нашу глубокую печаль о судьбѣ, которая грозитъ нашему отечеству, если соблюденіе его основныхъ законовъ болѣе не обезпечено; и мы почтительнѣйше просимъ, Ваше Величество, внять нашей просьбѣ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Подъ скипетромъ великодушныхъ Государей и защитой своихъ законовъ народъ финляндскій непрестанно преуспѣвалъ въ матеріальномъ благополучіи и культурѣ духовной. Народъ стремился вѣрноподанно выполнять свои обязанности къ Государю и Имперіи Россійской. Мы знаемъ, что въ послѣднее время наша страна пріобрѣла въ Россіи враговъ, которые пытались своей клеветой навлечь подозрѣніе противъ вѣрноподданности и лояльности народа финляндскаго. Но мы знаемъ также, что эти клеветы являются плодомъ лжи. Нѣтъ страны, гдѣ бы уваженіе къ власти и закону пустило корни глубже, чѣмъ въ Финляндіи. За 90 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Финляндія соединена съ могущественной Россіей, никогда порядокъ не былъ нарушенъ въ обществѣ финляндскомъ. Разрушительныя ученія никогда не находили здѣсь почвы для развитія. Чувство спокойной увѣренности и благополучія укрѣпляло все больше и больше связи, которыя сдѣлали Финляндію нераздѣльной частью Россійской Имперіи, позволяя ея народу сохранять и развивать собственный національный характеръ, который созданъ Богомъ и никакимъ принужденіемъ не могъ

бы быть измѣненъ. Мы не можемъ вѣрить, чтобы въ намѣренія Вашего Императорскаго Величества входило созданіе Манифестомъ угрозы для правового порядка и внутренняго спокойствія Финляндіи. Мы вѣримъ скорѣе, что Ваше Величество соблаговолите принять во вниманіе впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, и повелите, чтобы Положенія были согласованы съ основными финляндскими законами. Мы не можемъ возымѣть сомнѣнія въ ненарушимости Императорскаго слова. Всѣ мы знаемъ, что нашъ Государь—тотъ, кто передъ всѣмъ человѣчествомъ заявилъ, что сила должна уважать право. А право маленькаго народа такъ же священно, какъ и право великой націи; любовь этого народа къ своему отечеству является въ глазахъ Всемогущаго Господа добродѣтелью, которую онъ не долженъ забывать. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.“

Депутація изъ 500 человѣкъ, прибывшая въ Петербургъ, отправила къ министру Финляндіи делегацію, которая доставила ему адресъ. Министръ обѣщалъ сначала, 17-го, лично испросить у Государя аудіенцію для депутаціи. Но вечеромъ, послѣ разговора съ Горемыкинымъ и по полученіи телеграммы отъ Бобрикова, онъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Старанія делегатовъ были безполезны. Генералъ Прокопé ограничился тѣмъ, что написалъ Государю письмо съ извѣщеніемъ о прибытіи депутаціи съ адресомъ приблизительно того же содержанія, какъ и адресъ Сената (утвержденіе, впрочемъ невѣрное). Къ письму онъ присоединилъ телеграмму Бобрикова, который высказывался противъ аудіенціи, и не посмѣлъ выразить своего собственнаго мнѣнія. Въ тотъ-же день, какъ и слѣдовало ожидать, Государь отказалъ въ аудіенціи, сообщивъ членамъ депутаціи черезъ Министра, что они могутъ представить свои ходатайства губернаторамъ, которые направятъ ихъ генералъ-губернатору, послѣдній же представитъ ходатайства министру для Высочайшаго доклада.

Депутація въ тотъ-же вечеръ возвратилась въ Гельсингфорсъ, гдѣ собралась на торжественный банкетъ. 20-го она разъѣхалась. Значительно позже—въ іюнѣ адресъ былъ переданъ Государю министромъ Финляндіи; онъ не былъ принятъ во вниманіе. Ожидаемаго результата не получилось, однако моральное впечатлѣніе на весь цивилизованный миръ было огромно.

Позднѣе, весной, въ Европѣ готовилась другая подобная манифестація: международный адресъ Царю. Во Франціи, Англіи, Германіи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Австріи и въ трехъ скандинавскихъ государствахъ составлены были адреса для выраженія Государю опасеній, внушаемыхъ всѣмъ либеральнымъ умамъ Манифестомъ и угрозами, которые онъ содержалъ для финляндской націи. Подписавшіе адреса (подписей было 1050) все были извѣстные ученые, артисты, профессора, публицисты. Французскій адресъ объединилъ людей всѣхъ партій отъ Герцога Брольи до Анатоля Франса.

Адреса были привезены депутаціей изъ шести лицъ: Трарье представлялъ Францію и былъ предсѣдателемъ делегаціи; профессоръ права Эмиліо Бруза—Италію; профессоръ права Фанъ-деръ Флуттъ—Голландію; докторъ медицины Норманъ-Ганзенъ — Данію; профессоръ геологіи Бреггеръ Норвегію и великій изслѣдователь Норденшельдъ Швецію. Депутаты, прибывшіе въ Петербургъ 26 іюня, совершали прогулку отъ министра къ министру и въ концѣ концовъ получили 2 іюля отъ Горемыкина отрицательный отвѣтъ: депутаціи было отказано въ пріемѣ. Депутація вернулась черезъ Финляндію: 3-го іюля она прибыла въ Гельсингфорсъ и отправилась въ Стокгольмъ. Адреса были отосланы для храненія въ Гаагу.

VI.

Сеймъ 1899-го года.

Въ то время, какъ происходили эти событія, Сеймъ продолжалъ и окончилъ свои работы.

Онъ былъ собранъ, какъ мы видѣли, 19 января и открытъ 24-го. Тронная рѣчь уже была полна угрожающихъ замѣчаній:

...„Неразрывно соединенная съ Имперіей Россійской и находящаяся подъ защитой всей Имперіи, Финляндія не нуждается въ арміи, отдѣльной отъ русской...

Желая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы новый законъ примѣнялся, насколько это возможно, сообразуясь съ мѣстными условіями, признали мы за благо внести на предварительное уваженіе Сословій пропозицію закона о воинской службѣ и основныя начала положенія, относящагося къ организаціи и управленію финляндскихъ войскъ".

Въ самомъ дѣлѣ, въ Сеймъ была внесена „пропозиція" (это установившійся терминъ), сопровождаемая приложеніями: проектъ закона и проектъ Положенія, составленные русскими совѣщаніями съ комментаріями, одинъ изъ которыхъ касался „отмѣны въ финляндскомъ военномъ законѣ параграфовъ, которые получили характеръ основныхъ законовъ."

Проекты закона и Положенія стремились къ такой реорганизаціи финляндской арміи, которая лишала ее автономнаго характера. Главные основанія ихъ сводились къ слѣдующему:

1) Высшее завѣдываніе финляндскими войсками возлагалось на военнаго министра съ тѣмъ, чтобы онъ докладывалъ Государю Императору всѣ дѣла, требующія Высочайшаго разрѣшенія, наравнѣ съ дѣлами прочихъ частей россійской арміи.

2) Великое Княжество исчезало, какъ военная единица, замѣняясь финляндскимъ военнымъ округомъ подъ командой генералъ-губернатора и общаго генеральнаго штаба (слѣдовательно—упразднялось финляндское командованіе и финляндскіе штабы).

3) Русскій языкъ становился языкомъ управленія арміей; унтеръ-офицеры должны были владѣть имъ; офицерами могли быть и русскіе, а не исключительно финляндцы.

4) Устанавливалась полная ассимиляція финляндскихъ войскъ съ рускими. Финляндскія войска даже во время мира могли быть выводимы за предѣлы „финляндскихъ губерній."

5) Устанавливались для финляндскихъ войскъ сроки службы, существующіе въ Имперіи (5 л. дѣйствительной службы и 13 л. въ запасѣ). Распространялись на финляндію постановленія общеимперскаго устава объ организаціи запаса, о призывномъ возрастѣ и времени призыва, о порядкѣ жеребьеметанія и опредѣленія годности новобранцевъ къ службѣ. Русскіе могли служить солдатами въ финляндскихъ войскахъ.

6) Годовой контингентъ устанавливался Государемъ по докладу военнаго министра (а не Сената) безъ указанія, какъ въ законѣ 1878 г., максимальнаго контингента.

7) Военные расходы покрывались изъ „средствъ бюджета страны" безъ указанія, что только средства, вотированныя Сеймомъ могутъ быть употреблены на этотъ предметъ.

Сверхъ того, нѣкоторые пункты законопроектовъ и объяснительные комментаріи къ нимъ были редактированы въ духѣ, враждебномъ финляндской автономіи, и въ выраженіяхъ часто оскорбительныхъ для финляндскаго чувства. Не говорилось, напримѣръ, о „Великомъ Княжествѣ", а просто о „финляндскихъ губерніяхъ" подъ тѣмъ предлогомъ, что законопроектъ освобождалъ отъ военной службы лапландцевъ, а значитъ, не могло быть рѣчи о „всей странѣ", принимающей участіе въ отбываніи воинской повинности. Не было рѣчи о финляндскихъ гражданахъ, о финляндскомъ отечествѣ; дѣло шло о русскихъ подданныхъ, русскомъ отечествѣ, объ Имперіи Россійской. Первый § гласилъ, напримѣръ: „Защита Престола Императорскаго и Имперіи Россійской есть священный долгъ каждаго русскаго подданнаго; населеніе мужского пола финляндскихъ губерній, точно такъ же, какъ и другихъ гу-

берній Россіи, обязано нести военную службу безъ различія классовъ и несетъ ее по постановленіямъ настоящаго закона."

Какъ припѣвъ, употреблялось обвиненіе финляндцевъ въ сепаратизмѣ и даже приписывались имъ вѣроломные происки въ расчетѣ укрѣпить свою автономію. Параграфъ, уничтожавшій должность докладчика финляндскихъ дѣлъ военному министру, сопровождался, напр., такими комментаріями:

„Для защиты своихъ себялюбивыхъ интересовъ финляндцы озаботились приставить ко всѣмъ русскимъ властямъ, рѣшающимъ финляндскіе вопросы, финляндскихъ докладчиковъ; такъ, около особы Государя поставленъ статсъ-секретарь Финляндіи, около генералъ-губернатора—начальникъ канцеляріи генералъ-губернатора и начальникъ особаго для финлядской арміи генеральнаго штаба и около военнаго министра—докладчикъ по военнымъ финляндскимъ дѣламъ. Существованіе этихъ чиновниковъ и ихъ канцелярій привело къ тому, что дѣла Финляндіи совершенно изолированы и устранены отъ всякаго соприкосновенія съ русскими властями и учрежденіями".

Комментаріи заканчивались слѣдующей тирадой, излагавшей мотивы закона, но болѣе похожей на полемическую газетную статью:

„Необходимо, чтобы финляндцы съ симпатіей относились къ Имперіи Россійской и видѣли въ ней общее отечество; они не должны выказывать своего недоброжелательства къ русскому языку, ограничивая университетскія каѳедры, изгоняя русскій языкъ изъ школъ, лишая русскихъ правъ преподаванія и занятія должностей на почтѣ въ Финляндіи. Армія, естественно, воодушевлена тѣмъ же духомъ, что и народъ. Нельзя находить желательнымъ для Россіи имѣть вблизи ея столицы армію, не видящую въ Россійской Имперіи своего отечества".

Наконецъ, между соображеніями, объясняющими необходимость уничтоженія характера основныхъ законовъ у 14-и параграфовъ финляндскаго закона, имѣвшихъ таковой, ссылались на фактъ, будто бы въ свое время министръ статсъ-секретарь Финляндіи (баронъ Шернваль-Валленъ) скрылъ отъ военнаго министра (графа Милютина) просьбу Сейма по предмету этихъ 14 параграфовъ—для того, чтобы избѣжать несогласія министра и исторгнуть также обманомъ Императорскую санкцію. Эта исторія, поднятая впервые русскимъ совѣщаніемъ, была доведена Куропаткинымъ до свѣдѣнія Государя (14 ноября 1898 г.) и послѣднимъ сообщена Сейму.

Сеймъ образовалъ двѣ комиссіи: одну—законодательную, которой поручено было разсмотрѣть, согласована ли пропозиція съ дѣйствующими законами, и особенно съ законами основными; другую комиссію—о воинской повинности, которой поручено было разсмотрѣть проектъ съ точки зрѣнія технической и составить текстъ для внесенія на обсужденіе Сословій. Обѣ комиссіи тотчасъ принялись за работу. Работа продолжалась до начала мая. Во все это время публичныхъ засѣданій почти не было; подготовительныя дискуссіи происходили въ партійныхъ клубахъ (шведскомъ и финскомъ) въ закрытыхъ засѣданіяхъ.

Тѣмъ временемъ появился февральскій Манифестъ. Сеймъ обратился съ петиціей къ Государю; эта петиція не имѣла успѣха. Нѣкоторые члены комиссій поставили тогда вопросъ, не долженъ ли Сеймъ передъ угрозой разрѣшенія военнаго вопроса незаконнымъ способомъ Манифеста отказаться обсуждать проекты, предложенные ему, чтобы не приложить руки къ возможному беззаконію? Однако, большинство держалось другого взгляда и работы продолжались.

19 Мая доклады комиссій были готовы. Законодательная комиссія освѣтила и отвергла всѣ нарушенія конституціи, находившіяся въ русской пропозиціи въ явномъ и

скрытомъ видѣ; она сочла себя вынужденной вмѣстѣ съ тѣмъ поставить вновь конституціонный вопросъ. Что касается комиссіи о воинской службѣ, то она не могла принять проектъ закона, ни даже положить его въ основу своихъ работъ; но чтобы не дать отрицательнаго отвѣта на пропозиціи, она составила проектъ, который, отправляясь отъ закона 1878 г., измѣнялъ этотъ законъ во всѣхъ пунктахъ, гдѣ уступки казались полезными или возможными.

Впрочемъ, лишь только доклады комиссій были закончены, какъ Сеймъ получилъ двѣ новыя пропозиціи, касающіеся уравненія личныхъ и финансовыхъ тягостей военной службы населенія Финляндіи и Имперіи. Эти проекты датированы 1891 г.: первоначально шелъ вопросъ объ уравненіи личной повинности; въ 1893 поднятъ былъ вопросъ и объ уравненіи финансовой повинности. Ими воспользовались въ смѣшанныхъ совѣщаніяхъ, которыя въ Петербургѣ подготовляли военный законъ; 6-го іюля 1898 г. Государь повелѣлъ совѣщаніямъ энергично ускорить работы. Финляндскіе члены энергично возражали противъ этихъ проектовъ и доказали ихъ непріемлемость. Но русскіе члены нашли ихъ возраженія „мало убѣдительными“. Они были въ большинствѣ и одобрили проекты.

Принципомъ новыхъ пропозицій было—заставить Финляндію участвовать въ военныхъ издержкахъ и рекрутскомъ наборѣ въ одинаковой пропорціи съ Имперіей. Годовой контингентъ опредѣлялся въ 7.200 человѣкъ; остатокъ, образующійся за укомплектованіемъ финляндскихъ войскъ долженъ былъ нести службу въ русскихъ войскахъ. Военный бюджетъ (9.200.353 франка въ 1897 г.) увеличивался на 10.091.664 фр., которые должны были вноситься въ русскую казну. Это двойное увеличеніе должно было быть произведено постепенно въ теченіе десяти лѣтъ.

22 Марта 99 г. Государь одобрилъ проекты по докладу Куропаткина и повелѣлъ ихъ внести въ Сеймъ.

Куропаткинъ переслалъ ихъ министру статсъ-секретарю Финляндіи. Послѣдній, вслѣдствіе трудно объяснимаго заблужденія, собственной властью рѣшилъ, что должно примѣнить новый законодательный порядокъ, созданный февральскимъ Манифестомъ. Попытка Сената направить вопросъ въ законныя рамки не удалась. 26 апрѣля Государь окончательно утвердилъ обѣ пропозиціи.

Законодательная комиссія, призванная высказаться, предложила, чтобы Сеймъ, въ виду неконституціоннаго характера проектовъ, отказался принять ихъ къ обсужденію.

Пренія по первой пропозиціи открылись 19 мая и продолжались до 29-го. Меньшинство законодательной комиссіи предлагало Сейму отказаться отъ обсужденія и первой Императорской пропозиціи. Сторонники этой тактики не встрѣтили сочувствія большинства въ Сеймѣ. Доклады обѣихъ комиссій были приняты почти безъ измѣненій. Законъ, вотированный Сеймомъ и представленный на утвержденіе Государя, сохранялъ въ общихъ чертахъ автономную организацію Финляндской арміи. Но онъ дѣлалъ важныя уступки:

1) Срокъ службы оставался трехлѣтній; но годовой контингентъ съ 5.600 увеличивался до 12.000.

2) Запасъ преобразовывался кореннымъ образомъ. Онъ долженъ былъ состоять только изъ солдатъ, вышедшихъ изъ дѣйствительной службы; продолжительность пребыванія въ запасѣ опредѣлена въ 7 лѣтъ. Рекруты, при вынутіи жребія получившіе счастливый номеръ, зачислялись прямо въ ополченіе, призываемое только во время войны. Ополченіе сверхъ того состояло изъ солдатъ, окончившихъ службу въ запасѣ.

3) Во время войны войска могли быть выведены за предѣлы Финляндіи, если они не были нужны для обороны Финляндіи.

Но Сеймъ этимъ не ограничился, онъ счелъ своимъ долгомъ обсудить и конституціонный вопросъ, вопросъ о законодательныхъ правахъ Сословій, отрицаемыхъ проектами русскихъ совѣщаній и поколебленныхъ февральскимъ Манифестомъ. По докладу законодательной комиссіи Сеймъ принялъ всеподданнѣйшее представленіе, совершенно опредѣленно выражавшее общенаціональное убѣжденіе въ незаконности февральскаго Манифеста. Несмотря на сдержанность формы, представленіе очень смѣло по существу:

...„Земскіе чины всеподданнѣйше доносятъ Вашему Императорскому Величеству:

что, по конституціи Финляндіи, законы, долженствующіе служить къ руководству финляндскому народу, могутъ быть издаваемы только въ установленномъ основными законами края порядкѣ, по которому предполагается не только, что Монархъ при этомъ пользуется содѣйствіемъ финляндскихъ учрежденій, но что законы по предметамъ, не относящимся къ такъ называемымъ административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ издаются съ вѣдома и согласія земскихъ чиновъ;

что, между тѣмъ, опредѣленный приложенными къ Высочайшему Манифесту Основными Положеніями порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять дѣйствіе также и въ Финляндіи, противорѣчитъ финляндскимъ основнымъ законамъ и конституціи, которою на основаніи оныхъ пользуется Финляндія;

что Манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія какъ изданныя безъ согласія земскихъ чиновъ и вообще внѣ порядка установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи;

что въ частности законъ о воинской повинности обывателей Финляндіи, слѣдовательно, не можетъ, безъ нарушенія конституціи края, быть изданъ въ видѣ общегосударственнаго закона или вообще утвержденъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ иначе, какъ по принятіи его земскими чинами;

что нынѣ дѣйствующій уставъ о воинской повинности, какъ изданный въ установленномъ финляндскою конституціею порядкѣ, не можетъ быть измѣненъ иначе, какъ по согласному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Земскихъ Чиновъ; и

что въ случаѣ, если бы Ваше Императорское Величество признали необходимымъ особый порядокъ для изданія законовъ, общихъ для Имперіи и Финляндіи, Земскіе Чины ожидаютъ, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ передать Земскимъ Чинамъ, для установленнаго основными законами разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе съ проектомъ необходимыхъ для указанной цѣли измѣненій основныхъ законовъ Финляндіи.

Сверхъ того, заканчивая свое, представленіе, земскіе чины хотѣли завѣрить, что они „считаютъ своимъ долгомъ, основаннымъ на высшемъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 г. было торжественно удостовѣрено финляндскому народу.“

Наконецъ, что касается вторыхъ пропозицій, то Сеймъ, согласно съ мнѣніемъ своей комиссіи, постановилъ:

„Что, такъ какъ Императорскія пропозиціи именно въ этихъ вопросахъ предполагаютъ порядокъ законодательства несогласный съ основными финляндскими законами, то земскіе чины не вошли въ разсмотрѣніе существа этихъ пропозицій.“

Сессія Сейма была закрыта 30 мая по обычному церемоніалу. Рѣчи, произнесенныя предсѣдателями четырехъ сословій, еще разъ выразили чувства націи и особенно то возбужденіе, въ которое ее повергли февральскій Манифестъ и обвиненія, брошенныя ей въ актахъ, внесенныхъ въ Сеймъ. Тронная рѣчь была коротка и суха. Она была прочитана генералъ-губернаторомъ.

Сенатъ далъ свое заключеніе объ отвѣтѣ сословій 6 ноября 1899 года. Онъ предлагалъ санкціонировать законъ, вотированный Сеймомъ, и считать отвергнутыми вторыя пропозиціи.

VII.

Внутреннее управленіе съ 1898 по 1900 г.

Вѣроятно, что немного горькій тонъ рѣчей, произнесенныхъ при закрытіи сессіи Сейма, нужно отчасти отнести на счетъ того возбужденія, причиной котораго было управленіе новаго генералъ-губернатора. Генералъ Бобриковъ

не замедлилъ показать на какую циничную грубость онъ былъ способенъ для осуществленія своихъ намѣреній. Онъ не осмѣливался тотчасъ обрушиться на чиновниковъ и учрежденія, находившіяся подъ защитой закона и традицій. Но съ 1899 г. онъ обратился противъ печати, положеніе которой было болѣе уязвимо. Никакой законъ, принятый сеймомъ, не регулировалъ вопроса о свободѣ печати и всѣ петиціи Сейма не имѣли успѣха въ этомъ вопросѣ. Съ 1867 года возстановлена была предварительная цензура (ея не было только въ трехлѣтній промежутокъ 1864—1867 г.), т. е. право цензора измѣнять или запрещать каждую статью. Предупрежденія, временныя пріостановки и запрещенія составляли лѣстницу наказаній. Надзоръ за газетами и книгами лежалъ на „Главномъ управленіи по дѣламъ печати“, подчиненномъ Сенату.

Само собой разумѣется, что вопросы, стоящіе въ порядкѣ дня, вызывали въ печати полемику. Бобриковъ вначалѣ довольствовался тѣмъ, что увеличилъ число „предостереженій“. Но нѣкоторыя газеты апеллировали въ Сенатъ и добились снятія незаконныхъ предостереженій. Бобриковъ получилъ тогда отъ Государя добавленіе къ дѣйствующему положенію, предоставлявшее ему право предостереженій, не допускавшее апелляціи.

Послѣ изданія февральскаго Манифеста генералъ-губернаторъ не колебался. Одна выборгская газета была закрыта; 4 апрѣля двѣ столичныя газеты пріостановлены. Публика устроила банкетъ въ честь главныхъ редакторовъ. Тогда генералъ-губернаторъ, чтобы отвести отъ себя общественное осужденіе, добился отъ Государя полномочія учредить „совѣщательный комитетъ о печати“, который составилъ въ громадномъ большинствѣ изъ русскихъ офицеровъ. Его помощникъ, генералъ Шиповъ, назначенный въ мартѣ 1899, сдѣланъ былъ предсѣдателемъ этого комитета, на обязанности котораго лежало „предлагать“ мѣропріятія, тотчасъ же выполняемыя Бобриковымъ.—Наконецъ, немного позже, Бобриковъ добился новаго добавленія къ положенію о печати, установившаго право генералъ-губернатора принуждать къ перемѣнѣ главнаго редактора.

Вооруженный такимъ образомъ правитель могъ начать противъ печати энергичную и плодотворную охоту. Число задержанныхъ цензорами номеровъ опять сильно увеличилось: до 386 въ 1899 г. и 68 въ первые два мѣсяца 1900 года. Такъ какъ газеты ежемѣсячно публиковали статистическія данныя о „цензурныхъ побѣдахъ“, цензурное управленіе запретило имъ это, чтобы избѣжать впечатлѣнія, производимаго этимъ на общество (мартъ 1900 г.). Что касается пріостановокъ и запрещеній, они тоже шли своимъ чередомъ: въ 1899 г. было четыре запрещенія и 27 пріостановокъ постигли 17 газетъ на срокъ въ 43 мѣсяца.

Въ первую половину 1900 г. цифры относительно болѣе умѣренны: 7 пріостановокъ и ни одного запрещенія. Но это зависѣло частью отъ строгости, проявленной раньше, частью также отъ усердія цензуры (управляемой финляндцемъ, графомъ Кронгьельмомъ, перешедшимъ на службу къ Бобрикову): она вычеркивала такъ старательно, что пропущенное ею рѣдко вызывало репрессію. Матеріальныя потери печати были значительны: считая цѣну подписки, розничной продажи и объявленій, утраченныхъ пріостановленными газетами, получимъ 360.000 франковъ за 1899 годъ. Печать пыталась покрыть убытки основаніемъ пенсіонной кассы, первый взносъ въ которую добытъ былъ устройствомъ лотереи (ноябрь 99 г.), давшей 145.000 фр. чистаго дохода. Попыталась она также образовать общество взаимнаго страхованія отъ цензурнаго риска: возвысивъ на 5% подписную плату и плату за объявленія, можно было вознаградить 75% потерь пріостанавливаемыхъ газетъ. Проэктъ однако же не осуществился.

Со времени своего прибытія въ Финляндію, генералъ-губернаторъ составилъ планъ основанія русской газеты,

которая, редактируемая его приспѣшниками и оплачиваемая Финляндіей, могущественно служила бы его политикѣ. Онъ обратился сперва къ Сенату (ноябрь 1898 г.), испрашивая 48.000 рублей (130.000 франк.) на первый годъ и 30.000 р. (80.000 фр.) въ послѣдующіе годы, т.-е. двойную стоимость двухъ оффиціальныхъ газетъ. Сенатъ отказалъ. Но въ концѣ 99 г. Бобриковъ добился отъ Государя повелѣнія Сенату уплатить 30.000 фр. на расходы по первому оборудованію газеты и 30.000 уплачивать, какъ ежегодное пособіе на ея изданіе. „Финляндская газета“ начала выходить въ началѣ 1900 г.

Генералъ Бобриковъ принималъ участіе въ руссификаціи прибалтійскихъ геубрній. Онъ зналъ, какой успѣхъ былъ достигнутъ возбужденіемъ противъ нѣмецкихъ бароновъ населенія Эстоніи и Ливоніи. Трудно установить, кому принадлежала иниціатива примѣненія этой своеобразной „системы“ и въ Финляндіи. 14 Февраля 99 г. газеты сообщили, что „Славянское благотворительное общество“ учредило комиссію для обсужденія мѣропріятій, принятіе которыхъ необходимо въ Финляндіи. Въ комиссіи предсѣдательствовалъ полковникъ Бородкинъ, прославившійся въ газетной полемикѣ противъ Финляндіи. Мѣсяцъ спустя абосская газета обратила вниманіе на значительное количество русскихъ разносчиковъ (коробейниковъ), внезапно наводнившихъ страну, сѣявшихъ повсюду разговоры о раздѣлѣ земель и собиравшихъ по странѣ подписи подъ подозрительными адресами. Тревога была поднята, всѣ газеты говорили о ней. Власти наблюдали за нахлынувшими въ страну разносчиками и собрали противъ нихъ тяжелыя данныя. Мало-по-малу они исчезли; въ іюнѣ 99 г. генералъ-губернаторъ, безъ сомнѣнія, выжидавшій удобнаго момента, обратился съ циркуляромъ къ начальникамъ губерній, обращая ихъ вниманіе на „преслѣдованія“, предметомъ которыхъ стали русскіе разносчики. Этотъ циркуляръ, безъ сомнѣнія, былъ вызванъ петиціей, адресованной генералъ-

губернатору и подписанной около 40 русскими торговыми домами. Въ ней отмѣчалось, что финляндскій законъ запрещаетъ разносную торговлю не финляндцамъ и предоставляетъ ее извѣстнымъ торговлямъ финляндскаго происхожденія. Подписавшіеся просили генералъ-губернатора принять мѣры для отмѣны такого порядка. Эффектъ петиціи не замедлилъ дать себя почувствовать.

Въ одномъ уголкѣ страны темная агитація произвела таки эффектъ. Это было въ небольшой деревушкѣ общины Мола, Выборгской губерніи у русской границы—Кюрэлэ, населенной большинствомъ русскихъ колонистовъ, водворенныхъ послѣ завоеванія въ 18 столѣтіи. Священникъ З. составилъ адресъ, въ которомъ осуждался великій адресъ, какъ свидѣтельство преступной пропаганды противъ правъ Государя. Семь человѣкъ подписали прошеніе, которое 2-го Мая было послано генералъ-губернаторомъ министру Финляндіи для представленія возможно скорѣе Государю. Въ своемъ письмѣ, назначенномъ для представленія Государю, Бобриковъ писалъ, что жители православнаго исповѣданія этой деревушки хотѣли протестовать противъ подписей, сдѣланныхъ на великомъ адресѣ нѣсколькими жителями той же губерніи (между тѣмъ ихъ было тамъ изъ Выборгской губ. 74.587, въ томъ числѣ 2.066 изъ общины Мола).—Адресъ изъ Кюрэлэ былъ представленъ Государю раньше, чѣмъ великій адресъ. Эта самая деревушка скоро отличилась и другой исторіей.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ выборгскій губернаторъ Грипенбергъ обнаружилъ большую независимость характера. Генералъ-губернаторъ его обвинилъ въ служебной небрежности. Губернаторъ защищался докладомъ, адресованнымъ Государю, въ которомъ онъ говорилъ, что „если въ этомъ дѣлѣ и было что-ниб. незаконное, то оно заключалось въ попыткѣ, сдѣланной генералъ-губернаторомъ, произвольно переступить границы справедливости и закон-

ности". Генералъ-губернаторъ вызвалъ губернатора и сдѣлалъ ему выговоръ.

Точно такъ же, какъ противъ печати, генералъ Бобриковъ обратился противъ союзовъ и собраній. Право союзовъ и собраній регулировалось достаточно либеральными постановленіями, которыя не гармонировали вовсе съ автократическими замашками генералъ-губернатора. Онъ воспользовался двумя случаями, чтобы постепенно ограничивать эти права.

1) Лотерея въ пользу печати. По ходатайству Бобрикова Государь установилъ на будущее время, что одинъ генералъ-губернаторъ имѣетъ право разрѣшать лотереи, каковы бы онѣ ни были.

2) Обѣдъ, данный Л. Мехелину по поводу его 60-лѣтія, заставилъ русское правительство рѣшиться на дальнѣйшую реформу права собраній.

Сверхъ того, когда общества народнаго просвѣщенія обратились съ ходатайствомъ объ утвержденіи своихъ уставовъ, генералъ-губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Сената (іюнь 99 г.), что онъ сомнѣвается въ полезности этихъ ассоціацій и обратился къ Государю съ докладомъ по этому поводу. Государь повелѣлъ, чтобы въ случаяхъ, когда генералъ-губернаторъ находитъ, что ассоціація имѣетъ политическій характеръ, онъ отлагалъ разсмотрѣніе устава и пересылалъ его на утвержденіе Государя. Однако, Государь не хотѣлъ, чтобы къ Нему обращались съ ходатайствомъ объ утвержденіи раньше 1901 г.

Генералъ Бобриковъ въ дѣлѣ обрусенія былъ поддержанъ новымъ министромъ Финляндіи. Генералъ Проконé былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей министра статсъ-секретаря Финляндіи, оставшись помощникомъ министра. Преемникомъ его былъ Плеве, секретарь Государственнаго Совѣта, сохранившій и свои другія обязан-

ности [1]) (29 августа 99 г.). Плеве раздѣлялъ политическія идеи генералъ-губернатора, но онъ обнаружилъ, м.-б., больше политическаго искусства въ ихъ проведеніи. Самое тяжкое въ этомъ назначеніи было то, что оно закрывало для финляндцевъ всякій доступъ къ Государю. Вліяніе министра Финляндіи стало проблематичнымъ въ послѣдніе годы, но оно могло стать опять дѣйствительнымъ. И особенно можно было не опасаться, что протесты или важные документы, адресованые Государю, будутъ „задушены" въ пути. Отнынѣ можно было быть увѣреннымъ, что событія будутъ докладываться ему въ тенденціозномъ освѣщеніи.

Всѣ эти мѣропріятія болѣе или менѣе грубыя и множество придирокъ, подробности которыхъ здѣсь опущены, породили возбужденіе умовъ. Открытіе очередной сессіи сейма 1900 г. предоставило націи счастливый случай дать свободный исходъ своимъ чувствамъ. Были внесены двѣ петиціи. Одна касалась положенія печати. Она требовала, чтобы, согласно основнымъ законамъ, право закрытія газетъ было изъято отъ произвола комитета по дѣламъ печати и генералъ-губернатора и передано судамъ, постановляющимъ о закрытіи послѣ разбора дѣла обычнымъ приговоромъ. Другая констатировала незаконныя измѣненія, которыя на основѣ февральскаго манифеста произведены были въ системѣ управленія. Авторы предлагали Сейму просить Государя принять необходимыя мѣры, чтобы согласовать финляндское управленіе съ основными законами и интересами народа.

Петиціи были переданы въ комиссію, которая предложила ихъ одобрить. Въ своемъ докладѣ комиссія указывала всѣ совершенныя нарушенія законности. Сеймъ принялъ докладъ съ ходатайствомъ, чтобы „Его Император-

[1]) Назначеніе на постъ министра статсъ-секретаря Финляндіи нефинляндца являлось противозаконнымъ.

ское Величество соблаговолилъ принять мѣры къ устраненію отмѣченныхъ злоупотребленій въ управленіи и согласовать управленіе съ законами и общественнымъ строемъ страны". Петиціи не имѣли успѣха. Петиція о печати была отвергнута. На петицію объ управленіи Государь далъ еще менѣе благопріятный отвѣтъ: онъ отказался принять петицію въ соображеніе, какъ нарушающую § 51 Сеймоваго Устава и содержащую дерзкое осужденіе правительственныхъ мѣропріятій, принятыхъ на основаніи дѣйствующаго для высшаго управленія порядка; генералу Бобрикову была дана аттестація, объявившая его поведеніе корректнымъ и соотвѣтствующимъ Императорскимъ указаніямъ; наконецъ, Сенату было повелѣно приступить къ пересмотру Сеймоваго Устава въ видахъ болѣе точнаго разграниченія компетенціи Сейма и ограниченія порядка обсужденія дѣлъ существомъ ихъ.

VIII.

Акты 1900 г.—Военный законъ 1901 г.

6-го іюня Сеймъ закрылся. Начинались каникулы въ Сенатѣ, ничего новаго не ждали раньше осени. Однако, 26-го іюня Сенатъ получилъ три законодательныхъ акта, являвшихся новыми нарушеніями конституціи. Первый касался введенія русскаго языка, второй ограниченія свободы собраній, третій торговли русскихъ разносчиковъ.

Вопросъ о введеніи русскаго языка былъ не новъ. По случаю петиціи сословія крестьянъ Сейму 97 года о положеніи финскаго языка, какъ языка оффиціальнаго, и. д. генералъ-губернатора Гончаровъ предложилъ ввести въ теченіе 10-15 лѣтъ употребленіе русскаго языка въ Сенатѣ и въ управленіи губерніями. Дѣло было внесено въ Сенатъ

и передано имъ въ комиссію для заключенія. Въ это время генералъ-губернаторъ, безъ вѣдома Сената, получилъ отъ Государя указъ, устанавливающій на будущее время, что сенаторами и начальниками центральныхъ управленій не могутъ назначаться лица, не владѣющія русскимъ языкомъ (24 января 99 г.). Когда Сенатъ 21 февраля 99 г., уже послѣ обнародованія февральскаго Манифеста, послалъ свое заключеніе, отвергавшее планъ Горчакова, было уже слишкомъ поздно,

Вопросъ во всемъ его объемѣ былъ снова поднятъ въ январѣ 1900 г., когда открылась сессія Сейма. Въ Петербургѣ было учреждено совѣщаніе, въ которомъ участвовали только русскіе (Финляндія была представлена въ немъ министромъ статсъ-секретаремъ.) Совѣщаніе составило проектъ Манифеста, сопровождаемаго Положеніемъ. Государь утвердилъ ихъ 7/20 іюня. Манифестъ гласилъ, что послѣ „инкорпораціи" Финляндіи „Россійской Имперіей" Александръ I „предписалъ постепенное введеніе русскаго языка, какъ главнаго, въ дѣлопроизводство управленія". Это не было исполнено „до сего времени, вслѣдствіе недостаточнаго распространенія русскаго языка въ Финляндіи. Но насталъ моментъ придать русскому языку „подобающее ему важное значеніе". Проектъ, составленный совѣщаніемъ, осуществляетъ программу Александра I-го „съ послѣдовательностью, приличной природѣ вещей"; интересы частныхъ лицъ приняты во вниманіе и имъ обезпечена „даже на будущее время возможность обращаться въ присутственныя мѣста на ихъ родномъ языкѣ".—Положеніе, съ своей стороны, устанавливало съ 1-го октября исключительное употребленіе русскаго языка въ статсъ-секретаріатѣ, канцеляріи генералъ-губернатора и финляндскомъ паспортномъ бюро въ Петербургѣ. Съ того же времени исключительно на русскомъ языкѣ должна была вестись переписка хозяйственнаго департамента Сената съ статсъ-секретаріатомъ и генералъ-губернаторомъ, только на русскомъ языкѣ должны были

составляться доклады Государю, прилагаемые акты и документы должны быть переведены на русскій языкъ.

Съ перваго октября 1903 г. протоколы и акты хозяйственнаго департамента должны были составляться на русскомъ языкѣ и русскій языкъ становился языкомъ совѣщаній; однако, предсѣдателю (генералъ-губернатору) давалось право еще въ теченіе 5 лѣтъ разрѣшать отдѣльнымъ сенаторамъ употреблять въ дебатахъ шведскій или финскій языкъ.

Съ 1-го октября 1905 г. всѣ центральныя управленія и губернскія канцеляріи должны были употреблять исключительно русскій языкъ въ перепискѣ съ генералъ-губернаторомъ и Сенатомъ, а также между собою.

Сверхъ того они должны были принимать всѣ прошенія и письма, исходящія отъ частныхъ лицъ и написанныя на русскомъ языкѣ.

Два національныхъ языка оставались въ силѣ только въ судахъ; частныя лица, впрочемъ, сохраняли право обращаться письменно на родномъ языкѣ въ центральныя управленія.

Незаконность принятыхъ мѣръ не требуетъ поясненій. Положеніе оффиціальныхъ языковъ регулировано конституціей, лучше сказать, изъ нея вытекаетъ. Одни финляндцы могли занимать чиновничьи мѣста, языкомъ управленія должны быть языки страны. Новыя мѣры были противны духу конституціи.

Повелѣніе о свободѣ собраній вызвано было фактами, о которыхъ мы выше говорили. Послѣдствіемъ ихъ было Высочайшее повелѣніе Сенату выработать проектъ ограниченія свободы собраній.

Сенатъ, съ своей стороны, высказался за явочный порядокъ, но, будучи связанъ Высочайшими указаніями, составилъ проектъ закона, основаннаго на началахъ концессіонной системы, считая, что проектъ этотъ долженъ быть внесенъ на уваженіе Сейма; проектъ подчинялъ собранія

административному разрѣшенію.—Въ Петербургѣ сочли болѣе простымъ принять проектъ закона и обнародовать его въ административномъ порядкѣ, что было опять-таки нарушеніемъ конституціи. Новый порядокъ заключался въ слѣдующемъ:

1. Собраніе не можетъ быть открыто безъ разрѣшенія генералъ-губернатора; послѣдній можетъ передать право разрѣшенія собраній мѣстнымъ властямъ. За собой онъ сохраняетъ только право разрѣшать собранія въ столицѣ и въ раіонѣ 25 километровъ вокругъ Гельсингфорса.

2. Подпадаютъ дѣйствію новыхъ правилъ собранія, устраиваемыя частными лицами и обществами для обсужденія вопросовъ соціальныхъ, экономическихъ, научныхъ (кромѣ обычныхъ собраній научныхъ обществъ), для принятія резолюцій, ознаменованія событій и чествованія лицъ.

3. Просьба о разрѣшеніи собранія должна быть заявлена тремя устроителями, пользующимися всѣми гражданскими и политическими правами, которые и являются отвѣтственными до момента избранія предсѣдателя собранія, отвѣчающаго за соблюденіе порядка.

4. Безъ спеціальнаго разрѣшенія собраніе не можетъ продолжаться позже 11 часовъ вечера;

5. Власть, дающая разрѣшеніе, посылаетъ для надзора за собраніемъ полицейскаго чиновника, которому должно быть предоставлено надлежащее мѣсто и даны всѣ справки, которыхъ онъ потребуетъ. Этотъ чиновникъ имѣетъ право распустить собраніе, если предсѣдатель допускаетъ проявленіе незаконности, не закрывая засѣданія.—Въ случаѣ распущенія собранія, если публика тотчасъ не разойдется, онъ приступаетъ къ удаленію ея силой.

6. Устанавливается рядъ каръ (штрафы отъ 100 до 500 франковъ) для устроителей, предсѣдателя, хозяина помѣщенія, редакторовъ газетъ въ случаѣ допущенія незаконности въ объявленіи о собраніи или на самомъ собраніи.

Что касается повелѣнія о торговлѣ русскихъ разносчиковъ, оно являлось осуществленіемъ мѣропріятій, испрашивавшихся въ адресѣ генералъ-губернатору, о которомъ мы говорили.

Это повелѣніе, очень краткое, установило, что русскіе крестьяне, снабженные генералъ-губернаторомъ билетами на право жительства для производства торговли и занятія промыслами въ Финляндіи, пользуются одинаковыми съ финляндцами торговыми правами и сверхъ того могутъ заниматься ремеслами. Это повелѣніе было временное (въ теченіе года оно должно было быть замѣнено новымъ, но этого не случилось).

Сенатъ передалъ всѣ новые акты въ комиссію. Юридическая тонкость высказалась за ихъ раздѣленіе. Манифестъ о введеніи русскаго языка былъ направленъ въ пленарное засѣданіе; два другія повелѣнія переданы въ одинъ хозяйственный департаментъ. Въ хозяйствен. департаментѣ обнаружилась оппозиція. Но большинство не имѣло смѣлости къ ней присоединиться: во второй разъ постановили обнародовать. 3 іюля оба повелѣнія появились въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Рѣшеніе относительно Манифеста замедлило. Въ первомъ засѣданіи 30 іюня—15-ью голосами противъ 5—рѣшено было немедленно не обнародывать его и единодушно обратиться съ петиціей къ Государю. Первоначальный текстъ петиціи содержалъ заявленіе, что Сенатъ не можетъ обнародывать акта, который не можетъ получить силы закона въ Финляндіи. Но сенаторы опасались, чтобы эта редакція не показалась слишкомъ дерзкой; ее исправили въ нѣсколько пріемовъ. Наконецъ, вечеромъ 2 іюля она была готова. Въ тоже время 11 сенаторовъ подали въ отставку. Это были: въ хозяйственномъ департаментѣ сенаторы—Шауманъ, фонъ-Троиль, Грипенбергъ и Шарпантье; въ судебномъ департаментѣ—сенаторы Юллингъ, Клубергъ и Хугбергъ. Сверхъ того, сенаторы Лангенскьельдъ, Нюбергъ, Идестамъ и Серлакіусъ

заявили, что выйдутъ въ отставку, если Государь останется непреклоннымъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Вице-предсѣдатель Тудееръ вызванъ былъ въ Петербургъ, куда отправился и генералъ-губернаторъ. 5 іюля министръ фонъ-Плеве доложилъ дѣло Государю. Но онъ Ему не представилъ подлинникъ петиціи; онъ сказалъ только, что Сенатъ сдѣлалъ „нѣсколько возраженій, заранѣе отвергнутыхъ русскимъ совѣщаніемъ". Государь не обратилъ вниманія на петицію и повелѣлъ Сенату обнародовать Манифестъ. Одновременно онъ принялъ шесть заявленныхъ отставокъ, но понизилъ размѣръ предположенной Сенатомъ пенсіи для выходящихъ въ отставку. Съ своей стороны, Плеве поставилъ сенаторовъ въ извѣстность, что „вопросы объ обнародованіи и объ отставкѣ неразрывно между собой связаны".—6-го іюля происходило рѣшительное голосованіе. Сенаторы, отставка которыхъ была принята, не были приглашены на засѣданіе. Голоса раздѣлились такъ: голосующихъ 20; абсолютное большинство 11.

За обнародованіе: Бергбомъ, Бёмъ, Бореніусъ, Енебергъ, Хугбергъ, Идестамъ, Іонсонъ, авъ-Нюборгъ, Шауманъ, Серлакіусъ, Сульманъ, Тудееръ, т.-е. 12.

Противъ: Шарпантье, Клубергъ, Игнаціусъ, Грипенбергъ, Юллингъ, фонъ-Троиль, т.-е. 6.

Воздержались отъ подачи голоса: Нюбергъ и Лангенскьельдъ.

Манифестъ былъ обнародованъ.

Недовольство всей націи было велико уже въ моментъ обнародованія Сенатомъ февральскаго Манифеста. Волненіе еще болѣе возросло вслѣдствіе этой вторичной трусости. Несмотря на заботливость, съ какой цензура опекала печать, газеты не скрывали своего мнѣнія. Какъ только узнали о содержаніи новыхъ мѣропріятій, умножилось число статей, отвергавшихъ самую мысль объ обнародо-

ваніи; послѣ обнародованія газетная кампанія продолжалась—рѣзкой критикой рѣшенія Сената. Это было для генералъ-губернатора поводомъ для новыхъ гекатомбъ. Два закрытія, одна пріостановка, восемь предупрежденій и двѣ принудительныхъ смѣны редакторовъ на протяженіи 5-и недѣль привели печать къ молчанію.

Обнародованіе іюльскихъ актовъ 1900 г. сопровождалось краткой задержкой возобновленія Сената. Сенаторы назначаются на три года. Послѣднее возобновленіе состава Сената имѣло мѣсто въ 97 году. Сверхъ того, вслѣдствіе отставокъ одиннадцать сенаторскихъ мѣстъ были вакантны. Министръ Финляндіи, конечно, воспользовался случаемъ для „чистки“ Сената. Вице-предсѣдатель Тудееръ получилъ порученіе сформировать Сенатъ и принялъ его. Естественно, онъ искалъ коллегъ въ партіи „примиренія“: именно съ тѣхъ поръ возрасло закулисное вліяніе Ирье-Коскинена. Оставили на мѣстахъ тѣхъ сенаторовъ, которые всегда голосовали за обнародованіе. Прокуроръ Сёдергьельмъ былъ устраненъ отъ своихъ обязанностей и назначенъ, не будучи спрошенъ о согласіи на то, сенаторомъ судебнаго департамента. Онъ отказался принять назначеніе и подалъ въ отставку. Мѣсто прокурора осталось незанятымъ, а его обязанности несъ, какъ исполняющій должность прокурора, его помощникъ, до назначенія на постъ прокурора, годомъ позже, сенатора Іонсонъ.—Но когда надо было заполнить вакантныя мѣста, Тудееръ натолкнулся на серьезныя затрудненія. Нюландскій губернаторъ послѣдовательно отказался отъ 2-хъ портфелей. Отъ портфелей земледѣлія, торговли и военныхъ дѣлъ отказались дважды. Портфель финансовъ предоставили, не испросивъ его согласія, Куопіосскому губернатору, военному Окерману, который не замедлилъ подать въ отставку. Съ портфелемъ земледѣлія пришлось обратиться къ Сентъ-Михэльскому губернатору Споре, настолько презираемому въ Финляндіи, что онъ не могъ найти себѣ квартиры въ Гельсингфорсѣ и долженъ былъ на нѣкоторое время помѣститься въ бюро инспектора общественной благотворительности.

Вице-предсѣдатель Тудееръ почувствовалъ, что его положеніе смѣшно и безвыходно и вышелъ въ отставку (сентябрь 1900 г.). Для его замѣщенія остановились на Линдерѣ, крупномъ помѣщикѣ, принадлежавшемъ раньше къ шведской партіи, но ставшемъ сторонникомъ политики Коскинена. Вооруженные новыми повелѣніями и увѣренные, что не встрѣтятъ въ новомъ Сенатѣ никакого серьезнаго сопротивленія, генералъ Бобриковъ и министръ фонъ-Плеве продолжали съ новой силой кампанію противъ свободъ и автономіи Финляндіи. Мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно останавливаться на грустныхъ страницахъ этой исторіи.

Сеймъ вотировалъ военный законъ 99 года, такъ какъ предполагалъ, что вопросъ получитъ конституціонное разрѣшеніе. Но въ концѣ іюня 1899 года Высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора обнаружилъ иныя намѣренія. Этотъ рескриптъ былъ вызванъ рѣчами, произнесенными при закрытіи Сейма. На ряду съ выраженіемъ Высочайшаго неудовольствія, онъ содержалъ заявленіе, сдѣланное съ цѣлью „завѣрить“ Финляндію, что рѣшенія и заключенія Сейма будутъ приняты во вниманіе „при окончательномъ разсмотрѣніи вопроса“. Этимъ съ возможной ясностью было сказано, что законъ будетъ изданъ въ порядкѣ, установленномъ февральскимъ Манифестомъ.

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1900 г. военный законъ былъ поставленъ на очередь въ Имперскомъ Государственномъ Совѣтѣ. Его обсужденіе должно было начаться въ Госуд. Совѣтѣ при участіи двухъ финляндскихъ сенаторовъ въ январѣ 1901 г. Генералъ губернаторъ назначилъ для участія въ Госуд. Совѣтѣ при обсужденіи военнаго вопроса начальника отдѣленія военныхъ дѣлъ, гене-

рала Блома и вице-предсѣдателя Линдера. За отказомъ послѣдняго назначили сенатора Бэма.

Осенью военный министръ составилъ новый проектъ, очень близкій къ пропозиціи, отвергнутой Сеймомъ. Этотъ проектъ сразу вызвалъ энергичную критику. Въ русскихъ военныхъ кругахъ критиковали непредусмотрительность военнаго министра, желавшаго замѣнить „опасный“ финляндскій запасъ новымъ, обучаемымъ уже не три мѣсяца, а пять лѣтъ: тяжкое неразуміе на случай революціи. Съ своей стороны, министръ финансовъ Витте подвергъ настолько энергичной критикѣ первоначальный проектъ Куропаткина, что генералъ Бобриковъ обвинилъ его въ „финнофильствѣ“. Въ своемъ заключеніи, датированномъ 20 февраля 1900 г., министръ дѣлалъ важныя уступки финляндскому Сейму. Онъ одобрялъ принципъ единообразія русской и финляндской армій, но высказывался за постепенность реформы. По вопросамъ о призывномъ возрастѣ, продолжительности службы, а также уравненіи пропорціи контингента онъ высказался противъ проекта военнаго министра. Можно было ждать оппозиціи съ его стороны.

Вопросъ былъ поставленъ на очередь только въ половинѣ февраля. Онъ былъ переданъ въ комиссію изъ 45 членовъ, въ которую входили министры, четыре члена Имперскаго Госуд. Совѣта, законодательное отдѣленіе Совѣта и два делегата финляндскаго Сената.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ былъ поставленъ вопросъ, примѣнимъ ли Манифестъ 99 года или нѣтъ? Предсѣдатель комиссіи Фришъ (Предсѣд. законодательн. отдѣла Госуд. Совѣта), вмѣстѣ съ многими русскими юристами держался мнѣнія, что Манифестъ примѣнимъ къ финляндскимъ законамъ, кромѣ 14-и параграфовъ, которымъ Александръ II придалъ характеръ основныхъ законовъ, измѣнять кои можно только съ согласія Сейма. Уступка недостаточная, но непріятная антифинляндской партіи.

Сенаторъ Фришъ требовалъ изученія вопроса, что вызвало замедленіе работъ комиссіи. Скоро комиссія, оставляя въ сторонѣ отвѣтъ сейма 99 г., ограничилась разсмотрѣніемъ проекта министра военныхъ дѣлъ. Она измѣнила этотъ проектъ, отвергая продленіе срока службы, помѣщеніе финляндскихъ войскъ въ казармахъ въ Россіи, расквартированіе новыхъ русскихъ войскъ въ Финляндіи и предлагая годовой контингентъ въ 2.000 человѣкъ (вмѣсто 7.200, просимыхъ министромъ и 4.000, принятыхъ Сеймомъ).

Такъ разрѣшивъ важнѣйшіе вопросы (въ срединѣ марта стараго стиля), комиссія рѣшила представить Государю контръ-проектъ, прежде чѣмъ входить въ подробности. Большинство, неподдававшееся Куропаткину, этимъ совершило ошибку. Государь отказался принять рѣшеніе прежде, чѣмъ Госуд. Совѣтъ выработаетъ проектъ цѣликомъ. Взялись за работу и избрали маленькую комиссію изъ 14 членовъ для выработки проекта. Антифинляндская партія успѣла достичь того, что въ эту комиссію вошло 7 членовъ большинства и 7 членовъ меньшинства комиссіи 45-и.

Хотѣли сначала, чтобы комиссія закончила свою работу къ концу марта, но скоро убѣдились, что это невозможно. Едва къ концу апрѣля работа была закончена. Вопросъ былъ окончательно поставленъ на очередь въ Госуд. Совѣтѣ въ концѣ мая. Въ засѣданіяхъ, посвященныхъ ему, участвовала большая часть членовъ Совѣта. Приняли участіе въ этихъ засѣданіяхъ и нѣкоторые изъ Великихъ Князей.

Делегаты Финляндскаго Сената были чрезвычайно вялы: они дѣлали возраженія въ подробностяхъ и не представили никакого возраженія въ основномъ. За то большинство русскихъ членовъ обнаружило свое отрицательное отношеніе къ проекту военнаго министра. Предъ лицомъ неуспѣха, угрожавшаго его планамъ, генералъ Куропаткинъ потерялъ терпѣніе и обратился съ отчаяннымъ

призывомъ къ военнымъ членамъ Совѣта. Но его аргументы были отражены однимъ изъ гражданскихъ членовъ Совѣта, занесшимъ протестъ въ протоколъ засѣданія. Произведенное впечатлѣніе было значительно. Проектъ Куропаткина былъ отвергнутъ 60 голосами противъ 20, и министръ заявилъ тогда, что беретъ его обратно и представитъ новый. Важнѣйшія черты этого новаго проекта были: уничтоженіе финляндской арміи и уплата денежнаго вознагражденія Финляндіей. Обсужденіе проекта было отложено. Протоколъ засѣданій Госуд. Совѣта былъ представленъ Государю его предсѣдателемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Антифинляндская партія (Бобриковъ, Плеве, Куропаткинъ) употребила всѣ усилія, чтобы выиграть игру. Постарались возбудить недовѣріе Государя къ финляндской арміи. Между 21 іюня и 11 іюля генералъ Бобриковъ дважды былъ въ Петербургѣ. Военный министръ говорилъ, что выйдетъ въ отставку, если Государь не утвердитъ его проекта, — Наконецъ 11 іюля Государь возвѣстилъ свою волю. Онъ принялъ, мнѣніе меньшинства и утвердилъ законъ, мало отличающійся отъ правительственной пропозиціи сейму 1899 года.

Законъ былъ опубликованъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Ему предшествовалъ Манифестъ, излагавшій мотивы введенія новаго закона: Императоръ Александръ II санкціонировалъ военный законъ 1878 года, но опытъ десяти лѣтъ указалъ на необходимость реформы, пріуготовленной заботами Александра III; предварительныя работы закончены и Государь издалъ новый законъ, по которому Финляндія будетъ исполнять свою воинскую повинность наравнѣ съ остальной Имперіей. Однако, чтобы доказать, что онъ не хотѣлъ „до новаго порядка“ увеличить тягость военной службы для финляндскаго населенія, Государь принялъ переходныя мѣры. Новый законъ войдетъ въ силу только въ 1903 году. Останутся только финляндскій гвардейскій батальонъ и драгунскій полкъ,

восемь стрѣлковыхъ батальоновъ подлежатъ постепенному уничтоженію: годовой контингентъ вслѣдствіе этого доводился приблизительно до 500 ч. (Рескриптъ 12 іюля уже предписывалъ примѣненіе этой мѣры съ призыва 1902 года).

Что касается самаго закона и новаго режима, который онъ долженъ былъ ввести, единственная уступка, сдѣланная Финляндіи, заключалась въ сохраненіи трехлѣтняго срока службы. Въ остальномъ онъ существеннымъ образомъ, часто текстуально, воспроизводилъ пропозицію 1899 г., отвергнутую Сеймомъ.

Для доказательства этого достаточно привести первые три §§-а: Глава I, § 1. Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго; вслѣдствіе этого населеніе Финляндіи, безъ различія классовъ, подлежитъ воинской службѣ.—§ 2. Не дозволяется представлять денежный выкупъ или замѣнять себя добровольцемъ.—§ 3. Русскіе подданные (христіанскаго вѣроисповѣданія), не принадлежащіе къ финляндскому населенію по рожденію, имѣютъ право нести военную службу согласно этому закону, если они сами или ихъ родители получили прочное мѣстожительство въ Финляндіи за два года до внесенія въ списокъ въ призывномъ участкѣ.

Новый законъ устанавливалъ слѣдующій распорядокъ. Каждый финляндецъ подлежитъ воинской службѣ: вынутіе жребія рѣшаетъ, несетъ ли онъ ее на дѣйствительной службѣ. Продолжительность дѣйствительной службы— 3 года, послѣ нея 15 лѣтъ состоянія въ запасѣ. Молодые люди, вынувшіе счастливый жребій, прямо зачислялись въ ополченіе, которое созывается только въ военное время, но можетъ быть созвано и безъ вторженія непріятеля въ страну. Финляндскій резервъ съ характеромъ милиціи былъ вслѣдствіе этого упраздненъ. Числящіеся въ новомъ резервѣ (запасѣ) обязаны являться на смотръ по призыву, когда военный министръ признаетъ это нужнымъ. Фин-

ляндскій контингентъ опредѣляется по предложенію военнаго министра въ порядкѣ, установленномъ Манифестомъ 99 г., и долженъ отбывать службу въ войскахъ, „рекрутируемыхъ по преимуществу изъ финляндскихъ уроженцевъ". Но избытокъ можетъ также, по рѣшенію военнаго министра, быть направленъ въ составъ русскихъ войскъ Финляндскаго или Петербургскаго округа. Высшее управленіе финляндскими войсками принадлежитъ военному министру, главное командованіе командующему войсками финляндскаго округа. „Забота о вооруженіи и снаряженіи этихъ войскъ остается на нашемъ благовоззрѣніи; издержки покрываются изъ суммъ общаго финляндскаго бюджета" (ст. IV, § 3 „Манифеста"). Постановленія дѣйствовавшаго закона 1878 г., требовавшія, чтобы Сеймъ участвовалъ въ установленіи бюджета арміи, не повторяются совсѣмъ въ законѣ 1901 г. Финляндскіе начальство и штабы были упразднены и замѣнены русскими. Совершенное знаніе русскаго языка должно требоваться для назначенія не только въ офицеры, но и въ унтеръ-офицеры. Рекруты приносятъ присягу по формулѣ, утвержденной Государемъ. „Эти войска... какъ во время мира, такъ и во время войны могутъ быть, по Нашему благовоззрѣнію, направлены внутрь Россіи и за-границу" (Манифестъ, IV, 4). При томъ уже не было болѣе вопроса о финляндскихъ войскахъ, а о войскахъ, „рекрутируемыхъ преимущественно изъ финляндскихъ уроженцевъ".

Сенатъ получилъ 22 іюня копію этого акта, уже обнародованнаго въ Россіи. Не могло быть сомнѣнія въ позиціи, которой отъ него ждало финляндское общественное мнѣніе, такъ какъ Сеймъ высказался противъ этого закона. Но Сенатъ уже далъ столько доказательствъ своей покорности, что оно имѣло основаніе всего опасаться. Опасенія уже обнаружились весной, когда стало извѣстно, что военный законъ будетъ обсуждаться въ имперскомъ Госуд. Совѣтѣ.—Тогда родилась мысль довести до свѣдѣнія Сената, чего отъ него ждетъ страна. Проектъ петиціи составленъ былъ въ началѣ марта въ Улеаборгѣ. Въ недѣлю успѣли собрать 91.780 подписей въ 284 общинахъ (изъ 500), по большей части расположенныхъ на сѣверѣ страны (листъ петиціи не обращался ни въ городахъ, ни въ Нюландской губ.). Депутація изъ 30 членовъ прибыла въ Гельсингфорсъ. Она обратилась къ различнымъ сенаторамъ; дѣло не обошлось безъ того, что оффиціальныя лица попытались отклонить ее отъ этого плана. Отвѣты, данные сенаторами являлись плохимъ предвѣщаніемъ. Только нѣсколько сенаторовъ заявили, что они будутъ держаться законной почвы. Другіе дали болѣе или менѣе ясно понять, что они подчинятся всему. Дѣйствительно, когда дошло до дѣла, 30 іюля, не было длинныхъ разговоровъ. Секретарь референдарій приготовилъ резюмэ закона и обсужденіе правового вопроса. Вице-предсѣдатель Линдеръ его рѣзко прервалъ. Голосовали непосредственно. Четыре сенатора (Гейкелъ, Гоменъ, Нюммелинъ и Рамзай голосовали противъ, всѣ остальные (16) за обнародованіе.

Въ 1899 г. не употребили дисциплинарныхъ мѣръ противъ десяти оппозиціонеровъ; въ 1900 г. приняли одиннадцать отставокъ. На этотъ разъ рѣшено было прибѣгнуть къ строгости. Въ началѣ сентября четыре сенатора оппозиціонера были отставлены „за неповиновеніе повелѣніямъ Его Величества". Одновременно съ тѣмъ, какъ Сенатъ рѣшилъ обнародовать новый незаконный актъ, онъ послалъ Государю петицію. Въ ней было сказано, что Сенатъ видитъ въ этомъ Манифестѣ „нѣсколько неоспоримыхъ свидѣтельствъ Высочайшаго благоволѣнія"; но такъ какъ законъ вызвалъ громадное возбужденіе въ народѣ, Сенатъ просилъ Государя „дать финляндскому народу новое удостовѣреніе, что его учрежденія будутъ сохранены".

Государь отвергъ эту просьбу. Отвѣтъ Государя не былъ даже внесенъ въ Сенатъ. Министръ Финляндіи сооб-

щилъ его смыслъ. Онъ заявлялъ, что Государь не думаетъ повторять испрашиваемаго удостовѣренія, ибо никто изъ его вѣрноподданныхъ не сомнѣвается въ его добрыхъ намѣреніяхъ. ,,Тревоги и безпокойства, посѣянныя среди населенія неблагонамѣренными лицами показываютъ, что отнынѣ необходимо обезпечить порядокъ мѣрами административными".

IX.

Сопротивленіе военному закону.—Наборъ 1902 г.

Вопреки Сенату и партіи, которая совѣтовала подчиниться силѣ, чтобы избѣжать величайшихъ несчастій, народъ финляндскій готовъ былъ къ борьбѣ. Большинство не сдавалось и не унывало.

Первымъ сталъ вопросъ о прочтеніи Манифеста съ церковныхъ каѳедръ. Въ обязанности духовенства входитъ читать съ церковной каѳедры новые законы и повелѣнія. Сенатъ послалъ пасторамъ новый законъ. Пасторы также могли укрыться за удобной формулой, что опубликовать—не значитъ одобрять. Но большинство предпочло отказаться читать этотъ неконституціонный законъ. Оно было ободряемо прихожанами, юристами. Общественное мнѣніе опредѣлилось весьма ясно. Но еще разъ развернулось то самое зрѣлище, которое наблюдалось по поводу актовъ 1900 г.: начальники не имѣли того мужества, какое было у ихъ подчиненныхъ. Архіепископъ Іогансонъ послалъ секретный циркуляръ духовенству, приказывая ему уступить. Приводимъ существенныя мѣста циркуляра:

„Тяжелое испытаніе постигло нашъ народъ. Его правосознаніе испытало тяжкій ударъ. Мы не могли ждать этого закона. Мы не совершили никакого проступка въ отношеніи Государя или Имперіи, но мы виновны предъ Господомъ и это Его кара тяготѣетъ надъ нами. Только

отъ Господа придетъ къ намъ помощь и поэтому мы должны слѣдовать, не уклоняясь съ пути, указываемаго волей Божьей.

Обязанность священника, по закону, прочесть въ церкви обнародованные законы: не его дѣло входить въ вопросъ о томъ, законны ли они? Если онъ не прочтетъ ихъ, онъ ставитъ себя внѣ закона и бунтуетъ противъ власти. Для того, чтобы это сдѣлать, необходимо знать съ несомнѣнностью, что это сопротивленіе сообразно съ волей Божьей. Старательно искали, приводя различные мотивы, доказательствъ, что обязанность духовенства—не обнародывать; но, по моему мнѣнію, очевидно, что воля Божья не благопріятствуетъ этому сопротивленію. Если бы дѣло шло о нападеніи на вѣру или религію, тогда обязанность священниковъ была бы очевидной. Но дѣло идетъ здѣсь о повелѣніяхъ, которыя столь чужды функціямъ духовенства, что уже давно просили освободить церковь отъ обязанности ихъ читать. И въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ объ опубликованіи повелѣнія по вопросамъ о военной службѣ, которые совершенно внѣ сферы дѣйствія духовенства...

Церковь, безъ сомнѣнія, мало значитъ въ глазахъ тѣхъ, кто готовъ ее подвергнуть опасности изъ-за дѣла, подобнаго нынѣшнему. Есть у насъ также люди, которые, не взирая на угрозу самому существованію нашего народа, приглашаютъ насъ апеллировать къ Европѣ, той самой Европѣ, которая позволяетъ на своихъ глазахъ растерзать Трансвааль..."

Гельсингфорсъ, 12 августа 1091 г.

Архіепископъ былъ поддержанъ, часто очень активно, епископами и даже нѣкоторыми настоятелями. Однако, его пасторскій циркуляръ имѣлъ мало успѣха. Впрочемъ, въ приходахъ, гдѣ пасторъ присоединялся къ партіи архіепископа по политическимъ ли взглядамъ или по недостатку мужества, населеніе освѣдомлялось объ его мнѣніи. Противъ чтенія протестовали различными способами: или выходили изъ церкви, или пасторъ долженъ былъ читать, не имѣя слушателей, или пѣніемъ извѣстнаго псалма: „Богъ намъ прибѣжище и сила" заглушали голосъ чтеца, или принуждали его молчать, а въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ заставили даже сойти съ каѳедры.

Съ своей стороны, много пасторовъ отказалось подчиниться предписаніямъ архіепископа; другіе обращались къ Государю, путемъ просьбы черезъ Сенатъ, съ ходатайствомъ освободить ихъ отъ обязанности, вызывающей тягостный кризисъ совѣсти. Сенатъ въ октябрѣ освѣдомился у губернаторовъ о положеніи вопроса. Отвѣты дали слѣдующіе результаты:

275 приходовъ, гдѣ оглашеніе имѣло мѣсто (но, безъ сомнѣнія, часто вопреки протестамъ молящихся:—такъ было, по крайней мѣрѣ, въ 47 приходахъ Вазасской губерніи);

29 приходовъ, гдѣ оно было только начато;

77, гдѣ молящіеся выходомъ помѣшали окончить чтеніе;

41, гдѣ, несмотря на выходъ молящихся, чтеніе продолжалось;

68, гдѣ пасторы отказались прочесть законъ;

о 26 приходахъ не было извѣстій.

5-го ноября Сенатъ указалъ прокурору имена упорствующихъ пасторовъ—„для принятія законныхъ мѣръ“; въ тотъ же день онъ предписалъ настоятелямъ приступить безъ замедленія къ публикаціи въ 68 запоздавшихъ приходахъ. Противъ нѣкоторыхъ пасторовъ уже были приняты строгія мѣры (карами были: временное устраненіе отъ должности или лишеніе содержанія). Несмотря на это громадное оффиціальное давленіе, результаты оппозиціонnаго движенія какъ среди пасторовъ, такъ и среди населенія были достаточно удовлетворительны для партіи сопротивленія. Однако, не могло остаться много приходовъ, гдѣ законъ еще не читался. Во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно, церковная власть нашла послушныя орудія. Тамъ, гдѣ пасторъ отказывался, иногда прибѣгали къ помощи пономаря. Въ округѣ Борго, архіепископъ отыскалъ священника, котораго всѣ признавали немного помѣшаннымъ. Этотъ пасторъ, по имени Гальмъ, взялся совершить турнэ по церквамъ, въ которыхъ чтеніе не имѣло мѣста, и прочесть Манифестъ и законъ съ условіемъ вознагражденія за каждую благополучно законченную попытку. Такимъ образомъ онъ прибылъ въ Гельсингфорсъ на воскресенія 16 и 23 февраля. Тамъ, какъ и всюду, происходили протесты въ церквахъ. Но при выходѣ толпа встрѣтила полицію, которая грубо разсѣивала публику. Были произведены аресты и полиція возбудила противъ

нѣкоторыхъ арестованныхъ процессы. Обвиняемые съ своей стороны старались обвинять полицейскихъ за незаконные аресты и насилія. Пренія на судѣ первой инстанціи показали, что полиція преувеличила нѣкоторые факты и выдумала другіе. Три полицейскихъ были присуждены къ штрафамъ и къ тюремному заключенію (одинъ изъ нихъ Кайтокангасъ дважды, 14 и 15 марта). Три дня спустя, 18 марта, губернаторъ Кайгородовъ собралъ полицію для того, чтобы выразить ей свое одобреніе. Обращаясь къ осужденнымъ, онъ убѣждалъ ихъ принести апелляціонныя жалобы и довести дѣло до Сената. Онъ выразилъ готовность нести издержки; въ случаѣ утвержденія приговора, обѣщалъ добиться Высочайшаго помилованія. Въ приказѣ отъ 12 (повидимому, помѣченномъ заднимъ числомъ, во всякомъ случаѣ опубликованномъ 16-го) начальникъ полиціи Карлстедъ передалъ привѣтствія губернатора и присоединилъ къ нимъ свои.

Между тѣмъ, какъ происходили первыя манифестаціи по поводу публикаціи съ церковныхъ каѳедръ, народъ пытался прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ. Въ одномъ собраніи, происходившемъ недалеко отъ Гельсингфорса 3-го августа 1901 г., принятъ былъ опять планъ великаго адреса 1899 года. Времена настали болѣе трудныя. Многихъ охватило уныніе; происки партіи „примиренія“ сдѣлали кое-кого изъ гражданъ враждебными проекту; не могла остаться безъ послѣдствій и агитація русскихъ агентовъ. Во многихъ домахъ сторонники адреса встрѣтили болѣе или менѣе категорическій отказъ. Однако, собрано было 473.363 подписи. Адресъ былъ отосланъ въ Сенатъ 30 сентября. Онъ былъ составленъ въ выраженіяхъ, болѣе опредѣленныхъ и энергичныхъ. Вотъ его конецъ:

„Во всѣхъ общинахъ страны, во всѣхъ классахъ населенія, патріотическимъ долгомъ почитаютъ правдиво и искренне изложить Вашему Императорскому Величеству положеніе вещей. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что послѣднія распоряженія о воинской службѣ, противныя основнымъ торжественно утвержденнымъ законамъ Великаго Княжества, не

могутъ быть признаны имѣющими силу закона. Мы прибавимъ, что особенно печальной въ глазахъ финляндцевъ является не столько тягость воинской службы сама по себѣ, сколько ниспроверженіе установленнаго закономъ порядка и утрата спокойной увѣренности, которая отъ этого зависитъ.

Вотъ почему мы почтительнѣйше просимъ, Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйше соизволить обратить на изложенные вопросы все вниманіе, какого они заслуживаютъ по своему исключительно тяжелому характеру".

Сенатъ былъ очень смущенъ. Онъ рѣшилъ, однако, переслать адресъ, но безъ своего заключенія. Съ своей стороны, генералъ-губернаторъ обратился съ циркуляромъ къ губернаторамъ и съ отношеніемъ къ Сенату (16 октября), выражая неудовольствіе по поводу поведенія пасторовъ и „адреса протеста". Онъ требовалъ узнать, кто его составилъ и, пустилъ въ обращеніе и не было ли среди подписей—подписей чиновниковъ.

Адресъ не измѣнилъ рѣшенія Государя. Министръ Плеве, сообщая Сенату Высочайшій отвѣтъ, требовалъ, чтобы ни одинъ чиновникъ изъ подписавшихъ адресъ не могъ въ будущемъ получить повышенія. Этой мѣрой, впрочемъ, не ограничились; генералъ-губернаторъ прибѣгъ къ болѣе дѣйствительнымъ. Къ Рождеству 1901 г. главный директоръ таможеннаго вѣдомства Винтеръ и главный директоръ тюремнаго вѣдомства Грипенбергъ были удалены въ отставку безъ дальнихъ церемоній. Въ мартѣ 1902 настала очередь членовъ медицинскаго управленія, директора народнаго просвѣщенія Линделёфа, главнаго инспектора, начальника статистическаго бюро и управляющаго лѣснымъ вѣдомствомъ. Но этимъ жертвамъ второй очереди позволили подать въ отставку „во вниманіе" къ ихъ возрасту и положенію.

Примѣненіе Манифеста и беззаконнаго закона не были отсрочены народными манифестаціями. Наоборотъ, первая мѣра, которая послѣдовала, было распущеніе финляндскихъ батальоновъ. Манифестъ предусматривалъ трехлѣтній промежутокъ для этой операціи. Но генералъ Бобриковъ былъ упоенъ радостью своего тріумфа. Съ своей стороны, военный министръ былъ убѣжденъ показаніями генералъ-губернатора, что финляндскіе офицеры опять поступятъ на службу въ русскихъ войскахъ. Распущеніе финляндскихъ батальоновъ ускорили и закончили къ концу 1901 г. Казармы и имущество этихъ батальоновъ стали свободными. Русское правительство, ссылаясь на правила о расквартированіи русскихъ войскъ, потребовало для новыхъ русскихъ войскъ, которыя должны были войти въ Финляндію, казармы и имущество распущенныхъ батальоновъ и резервныхъ ротъ. Немного прошло времени, какъ казармы Нюландскаго батальона въ Гельсингфорсѣ заняли русскія войска. Никакое вознагражденіе не было заплачено Россіей за этотъ захватъ въ пользованіе финляндскаго общественнаго имущества. Согласно Манифесту, должны были существовать только финляндскій драгунскій полкъ и финляндскій гвардейскій батальонъ. Однако, въ концѣ 1901 г. узнали, что по Высочайшему повелѣнію, полученному 7 декабря военнымъ министромъ, драгунскій полкъ распускается и замѣняется русскимъ полкомъ „финляндскихъ драгунъ". Не замедлили узнать и истинныя основанія этого распущенія. Во время посѣщенія Вильманстранда (мѣста стоянки полка) генералъ-губ. особенно грубо обошелся съ полковникомъ Шауманомъ, который командовалъ драгунскимъ полкомъ (9 ноября). Послѣдній, оскорбленный несправедливостью и тономъ замѣчаній, сдѣланныхъ начальникомъ, подалъ въ іерархическомъ порядкѣ въ отставку, заявляя, что больше не можетъ служить подъ начальствомъ Бобрикова. Тридцать два офицера его полка выразили свою солидарность съ нимъ. Генералъ-губернаторъ послалъ своего начальника штаба попытаться склонить полковника измѣнить свое рѣшеніе, но тотъ остался непоколебимъ. Генералъ-губернаторъ началъ интриговать у Куропаткина: по крайней мѣрѣ, прежде, чѣмъ прошеніе объ отставкѣ драгунскихъ офицеровъ дошло до него, онъ

добился отставки полковника Шаумана Высочайшимъ приказомъ 26 ноября. Скоро послѣдовало и распущеніе полка. Вслѣдствіе расформированія финляндскихъ войскъ осталось большое количество офицеровъ безъ службы (около 200). Куропаткинъ надѣялся, что они поступятъ на русскую службу; онъ предлагалъ имъ повышенное вознагражденіе. Несмотря на это, почти всѣ предпочли остаться въ отставкѣ и удовлетвориться скромной заштатной пенсіей. Министръ былъ взволнованъ этой неожиданной стачкой и выразилъ свое неудовольствіе генералъ-губернатору.—Бобриковъ искалъ отмщенія и скоро нашелъ способъ его. Съ помощью Плеве, онъ получилъ право назначать заштатныхъ офицеровъ на мѣста воинскихъ начальниковъ, созданныхъ беззаконнымъ закономъ 1901 г. У отказывающихся отъ назначенія отнималась пенсія. Офицеры очутились передъ дилеммой: потерять средства къ жизни или сотрудничать въ беззаконіи.

Манифестъ 1901 г. установилъ, что до 1903 г. удовольствуются наборомъ того количества молодыхъ людей, которое окажется необходимымъ для укомплектованія остающихся драгунскаго полка и гвардейскаго батальона. Контингентъ 1902 г. вслѣдствіе этого былъ установленъ въ 500 чел. Послѣ распущенія драгунскаго полка осталось укомплектовать только гвардейскій батальонъ. Контингентъ былъ пониженъ до 280 человѣкъ. Надѣялись, что эта небольшая цифра, распредѣленная на 25.000 призывныхъ, облегчитъ производство набора, несмотря на его незаконность. Комиссіи для пріема рекрутовъ состоятъ изъ элемента постояннаго и временнаго. Постоянные члены комиссіи—военный комиссаръ и секретарь, юристъ. Временные члены, помогающіе во время набора: военный членъ, назначаемый военной властью, и три члена, избираемые каждой общиной, входящей въ составъ призывного округа (каждый изъ нихъ участвуетъ въ засѣданіи только тогда, когда производится наборъ по его общинѣ). Врачъ и его помощникъ для медицинскаго освидѣтельствованія.

Общины были приглашены, какъ всегда, выбрать своихъ делегатовъ. Но передъ ними всталъ вопросъ,—не будетъ ли избраніе делегатовъ означать молчаливаго признанія законовъ 1901 года? Безъ сомнѣнія, на этотъ разъ не шло еще дѣло о примѣненіи установленій новаго закона и взятые на военную службу должны были отбывать свою службу въ финляндскомъ войскѣ. Съ другой стороны, іюльскій Манифестъ указывалъ, впрочемъ, достаточно неопредѣленно, что законъ 1878 г. еще будетъ дѣйствовать для набора 1892 года.

Но во всякомъ случаѣ было очевидно, что ограниченіе контингента было послѣдствіемъ Манифеста. Большинство общинъ рѣшило вслѣдствіе этого протестовать противъ этого закона отказомъ отъ выбора делегатовъ. Эта стачка общинъ была весьма неудобна для правительства, ибо комиссіи при отсутствіи делегатовъ общинъ не могли функціонировать. Правительство вслѣдствіе этого прибѣгло къ крайнимъ мѣрамъ. Нюландскій губернаторъ Кайгородовъ обратился къ прокурору, а прокуроръ указалъ ему средство. Законное установленіе даетъ губернаторамъ право, въ случаѣ, если общины отказываются исполнить возложенное на нихъ закономъ,—облагать ихъ штрафами до 500 франковъ. Кайгородовъ, побуждаемый прокуроромъ, послалъ упорствующимъ общинамъ приказы безъ замедленія приступить къ выборамъ делегатовъ въ призывныя комиссіи подъ угрозой штрафовъ. Но эти штрафы значительно превзошли дозволенную границу: 30.000 фр. для Гельсинфорса и отъ 2 до 3 тысячъ для другихъ. Примѣру Кайгородова послѣдовали другіе губернаторы, кромѣ Вазасскаго и Бьернеборгскаго. Тавастгустскій губернаторъ Сверчковъ наложилъ штрафъ въ 14.000 фр. на маленькую общину Таммела. Эта мѣра насилія, естественно, произвела свое дѣйствіе. Нѣкоторое количество общинъ сочло денежную жертву превышающей ихъ средства и уступило, однако, энергично протестуя Но мно-

гія другія настаивали на своемъ отказѣ (напр., Гельсинфорсъ—25 февраля 1902 г., Таммела 3 марта etc.) Сверхъ того, многія общины (въ томъ числѣ и уступившія) обвиняли передъ судами своихъ губернаторовъ въ злоупотребленіяхъ властью, а съ другой стороны обратились въ судебный департаментъ Сената, добиваясь кассаціи губернаторскихъ рѣшеній. Когда кассаціонныя жалобы были отвергнуты, частью по формальнымъ причинамъ, частью по существу, эти общины послѣдовали примѣру другихъ. Къ 18 марта, т.-е. за мѣсяцъ до начала рекрутскаго набора, извѣстно было положеніе въ 335 общинахъ (изъ 513); 256 отказались въ первый разъ и только 79 подчинились по первому разу; однако, большая часть этихъ общинъ протестовала въ протоколѣ. Отъ упорствующихъ общинъ вторично потребовали подчиненія. Изъ 80 извѣстныхъ случаевъ—въ 46 получился повторный отказъ и въ 34 уступки.

Раздраженіе правительства было велико. Губернаторъ Кайгородовъ обратился противъ тѣхъ, кто при вторичномъ обсужденіи предлагалъ вторичный отказъ. Онъ сталъ преслѣдовать ихъ судомъ (напр., въ Гельсинфорсѣ, Борго, Екенассѣ, Гангё). Но всюду онъ потерпѣлъ неудачу: судъ въ Гангё оправдалъ обвиняемаго и присудилъ прокурора за неправильное обвиненіе къ тремъ стамъ франковъ штрафа, двумъ мѣсяцамъ отрѣшенія отъ должности и уплатѣ издержекъ.—Съ своей стороны, Сенатъ нашелъ средство сдѣлать безполезной аппозицію общинъ. 28 января онъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ объ уполномоченіи Сената, въ случаѣ отказа общинъ, назначать представителей общинъ. Но, по размышленіи, нашли лучшее средство. Сенатъ воспользовался тѣмъ, что законъ 1878 г. не опредѣлилъ точно числа членовъ, необходимаго для того, чтобы комиссія могла принимать имѣющія силу рѣшенія. И онъ послалъ 17 марта проектъ декрета, утвержденнаго 24 марта и опубликованнаго 4 апрѣля, въ

силу котораго требовался кворумъ изъ трехъ членовъ комиссіи. Делегаты общинъ становились ненужными.

Но для производства набора производилось медицинское освидѣтельствованіе, для котораго присутствіе врача необходимо. Врачи назначаются дирекціей медицинской службы. Если бы она отказалась назначить врачей, всѣ планы правительства были бы разрушены. Вотъ почему вдругъ вспомнили, что члены этой дирекціи всѣ подписали въ сентябрѣ адресъ относительно манифеста, и предложили имъ или подать въ отставку или быть отставленными безъ прошенія. Они подали въ отставку (конецъ февраля). Генералъ-губернаторъ, чтобы держать врачей въ рукахъ, добился Высочайшаго повелѣнія считать военныхъ врачей распущенныхъ батальоновъ состоящими на дѣйствительной службѣ. Ихъ назначили засѣдать въ комиссіяхъ. Отказъ повиноваться могъ повлечь преданіе военному суду. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, нашли средство уклониться отъ этой обязанности, добившись отставки подъ предлогомъ болѣзни. 15 апрѣля, въ день, когда долженъ былъ начаться наборъ, двѣ комиссіи не имѣли врачей. Сенатъ 17 апрѣля рѣшилъ назначить двухъ русскихъ военныхъ врачей. Сенаторы при этомъ проявили такую поспѣшность, что, когда надо было телеграфировать подлежащимъ губернаторамъ, не знали даже имени этихъ врачей.

Какъ видимъ, все было приготовлено съ величайшимъ усердіемъ, чтобы уничтожить сопротивленіе. Тамъ, гдѣ общинныя собранія отказались провѣрить призывные списки, обошлись безъ этой законной формальности. Были вполнѣ увѣрены, что залучатъ въ комиссіи по крайней мѣрѣ трехъ членовъ, назначаемыхъ военными и гражданскими властями. И однако-жъ, еще не все предвидѣли. Многіе чиновники отказались участвовать въ комиссіяхъ въ качествѣ секретарей. Наканунѣ набора Улеаборгская комиссія еще не успѣла найти секретаря.—Произошелъ еще болѣе замѣчательный отказъ. Офицеръ гвардейскаго ба-

тальона, лейтенантъ Вальденъ подалъ въ отставку. Прежде, чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ на его прошеніе объ отставкѣ, начальникъ батальона назначилъ его для участія въ призывной комиссіи перваго Куопіосскаго округа. Онъ отказался. По рапорту своего начальника генералъ-губернатору, онъ былъ преданъ высшему военному суду за неповиновеніе. На судѣ онъ заявилъ, что его совѣсть препятствуетъ ему участвовать въ примѣненіи беззаконнаго закона. Но въ этомъ случаѣ, какъ и въ столькихъ другихъ, начальствующія лица показали меньше независимости, чѣмъ ихъ подчиненные. Военный судъ присудилъ его къ высшему наказанію—исключенію со службы (30 мая). Однако, оставалось сдѣлать самое трудное. Позаботились о призывныхъ спискахъ и призывныхъ комиссіяхъ. Надо было позаботиться о призываемыхъ. Съ той и съ другой стороны употребили энергичныя усилія. Защитники конституціи вели активную пропаганду, чтобы убѣдить молодежь, отъ которой въ конечномъ счетѣ зависѣло примѣненіе закона, не подчиняться набору. Сторонники Сената и многіе приверженцы старо-финской партіи работали въ противоположномъ направленіи съ такимъ же упорствомъ. Съ нетерпѣніемъ ждали результатовъ.—Наборъ начался 15 апрѣля.—Извѣстія первыхъ дней были очень благопріятны для партіи сопротивленія. Въ двухъ губерніяхъ—Абосской и Выборгской, можно было констатировать, что усилія противной партіи имѣли весьма дѣйствительный успѣхъ. Но повсюду въ другихъ мѣстахъ большинство, а во многихъ мѣстахъ весь составъ молодежи отказались явиться къ призыву. Разыгрались неожиданные инциденты. Въ Тавастгустскомъ округѣ, гдѣ начали съ общины Сяяксмяки, общинные делегаты протестовали и удалились. Секретарь комиссіи присоединился къ нимъ и на этомъ закончилось засѣданіе. Въ другихъ мѣстахъ молодые люди являлись, излагали свой протестъ и удалялись. Съ другой стороны открылось, что большая часть явившихся молодыхъ людей состояла изъ тѣхъ, кто былъ увѣренъ, что будетъ забракованъ или освобожденъ отъ службы.

Результаты первыхъ дней не измѣнились послѣдующими. Значительное число призываемыхъ отказалось явиться къ призыву. Въ дѣйствительности положеніе вещей было еще болѣе неблагопріятно. Въ самомъ дѣлѣ, среди явившихся рекрутовъ находилось много такихъ, которые были увѣрены въ освобожденіи отъ службы или забракованіи вслѣдствіе болѣзни и не хотѣли подвергаться риску наказанія за непокорность. Изъ 42 явившихся въ Бьернеборгѣ 22 были повѣренными, присланными съ изложеніемъ правъ на освобожденіе отъ службы, большинство остальныхъ было въ томъ-же положеніи. Въ Гельсингфорсѣ изъ 57—55 имѣли права на освобожденіе отъ службы. Изъ 57 только 38 явились на медицинское освидѣтельствованіе и 31 были забракованы. Въ Выборгѣ (въ городѣ) 28 явившихся рекрутовъ всѣ были забракованы медицинскимъ освидѣтельствованіемъ.

Можно понять, что эти молодые люди не имѣли мужества рисковать преслѣдованіемъ. Однако ихъ поведеніе не всюду было одобрено и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли манифестаціи, напр., въ Гельсингфорсѣ 17 и 18 апрѣля.

Правительство должно было быть обезпокоено манифестаціями и значительнымъ числомъ непокорныхъ (за три первыхъ дня оно достигало 92%). Генералъ-губернаторъ и Плеве приняли планъ, указанный имъ Сенатомъ. Сенатъ предложилъ продлить производство набора. 6/19 апрѣля генералъ-губ. и министръ получили Высочайшую аудіенцію. 7/20 апрѣля Государь подписалъ рескриптъ генералъ-губернатору, опубликованный въ Финляндіи 8/21 апрѣля, которымъ предложеніе о продленіи набора было одобрено. Экспедиція военныхъ дѣлъ финляндскаго Сената 11/24 апрѣля издала инструкціи. Тамъ, гдѣ вынутіе жребія уже имѣло мѣсто, нельзя было приступить къ новому призыву, но тамъ, гдѣ вынутія жребія не было, надо было его во-

зобновить; можно было, наконецъ, отложить наборъ тамъ, гдѣ считали необходимымъ дать населенію время узнать волю Его Императорскаго Величества. Въ то же время Сенатъ запросилъ мнѣніе губернаторовъ. Извѣстны отвѣты двухъ губернаторовъ—вазасскаго, Бьернберга, и тавастгустскаго, Сверчкова. Оба были противъ возобновленія набора, одинъ, вѣрно, изъ преданности конституціи, другой потому, что, безъ сомнѣнія, мечталъ о мѣрахъ насилія.

Однако въ нѣсколькихъ мѣстахъ приступили къ новому набору. Результаты получились мало утѣшительные.

Вотъ результаты набора (по даннымъ къ 10 іюля 1902 года):

ГУБЕРНІИ.	Число призывныхъ.	Число явивш.	Число неявивш.	% неявивш.
Вазасская	4.570	645	3.925	85,9
Улеаборгская	1.912	333	1.579	82,6
Нюландская	2.588	620	1.968	76,0
Куопіосская	2.781	837	1.944	70,0
Сентъ-Михельская . .	1.671	735	936	56,0
Тавастгустская . . .	2.574	1.312	1.262	49,9
Выборгская	3.705	2.114	1.591	43,0
Абосская	3.956	3.157	799	20,2
Во всей странѣ .	23.757	9.753	14.004	58,9

Число неявившихся доходило мѣстами до 100% и составляло въ среднемъ 59%. Правительство прибѣгло къ репрессіи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ принялись преслѣдовать непокорныхъ. Но судъ первой инстанціи оправдывалъ всегда всѣхъ. Безъ сомнѣнія, прокуратура всюду приносила апелляціонные протесты и доходила до Сената, если гофгерихты (судъ 2-ой инстанціи) утверждали оправдательный приговоръ. Но эти процессы грозили надолго затянуться, продлить агитацію и затруднить наборъ 1903 года. Этого правительсво хотѣло избѣжать. Генералъ-губернаторъ обратился къ Сенату 20 іюня. Онъ

указывалъ, что „около 50%“ рекрутовъ не явилось, что наблюдались явные слѣды тайной агитаціи, вызванной „мѣстными политиканами“ и высказывалъ увѣренность, что Сенатъ займется вопросомъ о примѣненіи карательныхъ постановленій закона 1878 г., ибо суды не судятъ безпристрастно. Съ другой стороны, мѣры, которыя должны быть приняты, чувствительно повліяютъ на результаты призыва 1903 г. (перваго, который долженъ быть производиться по новому закону). Поэтому, впредь до установленія однообразной процедуры, слѣдуетъ отсрочить преслѣдованія. Отношеніе генералъ-губернатора доказывало растерянность правительства. Дѣйствительно, трудно было возбудить 15000 судебныхъ процессовъ, но съ другой стороны, какъ это признавалъ и генералъ-губернаторъ, наборъ 1903, былъ-бы сильно испорченъ, если бы безнаказанными остались непокорные 1902 г. Это первое реальное препятствіе, на которое натолкнулась политика руссификаціи.

X.

Съ лѣта 1902 г. до смерти Бобрикова.

Отвѣтомъ на пассивное сопротивленіе была новая серія чрезвычайно важныхъ противозаконій:

1) Послѣдовало распоряженіе отъ 18 (31) іюля 1902 г., измѣнившее условія назначенія на административныя должности въ Финляндіи и открывавшее русскимъ подданнымъ, имѣющимъ соотвѣтствующіе дипломы, возможность занимать эти мѣста; сверхъ того, генералъ-губернатору предоставлялось право обходиться и безъ дипломовъ.

2) Два распоряженія отъ 1/14 августа 1902 г. относительно процедуры при отрѣшеніи отъ должности административныхъ и судебныхъ чиновниковъ. Этими распоряженіями отмѣнялась конституціонная гарантія, въ силу которой подобныя должностныя лица могли быть отрѣшены

отъ должности только по слѣдствію и суду. Съ этого времени увольненіе предоставлялось генералъ-губернатору и Сенату по отношенію къ высшимъ должностнымъ лицамъ, а по отношенію къ остальнымъ—начальнику, отъ котораго зависитъ ихъ назначеніе.

3) Распоряженіе отъ того же числа относительно порядка преданія суду чиновниковъ за преступленія на должности. Въ то время, какъ уголовный законъ даетъ пострадавшему частному лицу право возбуждать въ такихъ случаяхъ преслѣдованіе (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ возлагаетъ даже обязанность преслѣдованія на прокуратуру), этимъ распоряженіемъ вопросъ о преданіи суду чиновника отдается на усмотрѣніе его начальства. Особымъ постановленіемъ установлена была возможность обратнаго дѣйствія распоряженія.

Примѣненіе этихъ мѣръ началось безотлагательно.

Вынуждены были подать въ отставку многіе изъ губернаторовъ. Въ началѣ 1903 г. безъ пенсіи были уволены четыре губернатора, обратившіеся къ Государю съ представленіями относительно военнаго закона. Почти повсемѣстно они незаконно были замѣщены русскими.

Абосскому гофгерихту было предложено прекратить преслѣдованіе, возбужденное противъ губернатора Кайгородова. Судъ отказался подчиниться незаконному требованію. 26 февраля 1903 г., въ день, когда въ Гельсингфорскомъ судѣ должно было начаться судебное слѣдствіе по этому дѣлу, всѣ совѣтники и асессоры апелляціоннаго суда въ Або, всего 15 человѣкъ, были уволены въ отставку безъ права на пенсію *).

Гельсингфорская позиція силой воспрепятствовала открыть засѣданіе суда, три члена суда были удалены позднѣе.

Въ мартѣ увольненію подверглись три члена Вазаскаго и 10 членовъ Выборгскаго гофгерихтовъ. Уволены были

*) Въ видѣ протеста противъ незаконности этой мѣры значительное количество чиновниковъ суда вышло въ отставку.

также бургомистры всѣхъ городовъ Нюландской и Выборгской губерній, всего 11 человѣкъ. Сверхъ того, сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ лица, не явившіеся къ призыву, не допускались къ исполненію общественныхъ обязанностей, чтобы имъ не выдавали паспортовъ для выѣзда за границу и т. п.

Всѣ эти мѣры не подавили сопротивленія. Въ ноябрѣ 1902 г. на собраніи членовъ конституціонной партіи установлены были мѣры для обезпеченія новой „забастовки призываемыхъ“ въ 1903 г. Положеніе стало еще болѣе затруднительнымъ со времени послѣднихъ распоряженій. Многія изъ общинъ, подвергнутыхъ крупнымъ штрафамъ, съ наложеніемъ штрафа на ихъ имущества подчинились. На ряду съ административными репрессіями сенатская партія вела дѣятельную кампанію противъ плановъ сопротивленія. Ошибки, которыя совершались въ пылу борьбы обѣими борющимися сторонами, обострили положеніе. Два воззванія къ народу,—одно отъ имени 66 членовъ старофинской партіи (26 октября 1902 г.), другое—отъ 10 студентовъ, принадлежащихъ къ той же партіи (апрѣль 1903 г.),—приглашали населеніе прекратить бойкотъ и явиться къ набору. Борьба представлялась неравной, тѣмъ болѣе, что цензура не пропускала отвѣтовъ на статьи и воззванія сенатской партіи. Конституціонную точку зрѣнія защищала выходившая съ осени 1900 г. въ Стокгольмѣ газета „Fria Ord“. Она распространялась нелегально. Выходили и различные листки того же направленія, но распространеніе ихъ встрѣчало значительныя препятствія.

Событія зимы и весны 1902 г., особенно наборъ, привели къ точному опредѣленію положенія партій. Растущее недовольство народа образовывало между нимъ и главными органами правительства становящуюся все болѣе и болѣе глубокой пропасть. Можно было, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить, что Сенатъ, составленный почти цѣликомъ изъ представителей старофинской партіи старался всякаго рода

уступками русскому правительству проводить политику партіи. Ни Ирье-Коскиненъ, ни группа политиковъ и публицистовъ, имѣвшихъ своимъ органомъ Uusi Suometar, не отказались отъ проведенія своей программы борьбы съ шведскимъ элементомъ. Нѣсколько признанныхъ вождей партіи подтвердили это намѣреніе въ рѣчахъ и брошюрахъ. Текущій моментъ, отсутствіе въ Сенатѣ представителей шведской партіи, показался прекраснымъ случаемъ для достиженія новыхъ выгодъ.

Въ началѣ 1902 г. партійная газета открыла кампанію за новый порядокъ урегулированія вопроса объ языкахъ. Сѣтовали, что финскій языкъ не занимаетъ надлежащаго положенія въ управленіи. М.-б., эти сѣтованія были справедливы: мы не входимъ въ существо этого вопроса. Но было со всѣхъ сторонъ неразумно на другой день послѣ іюльскаго Манифеста 1900 г. поднимать вопросъ о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ.

Какъ бы то ни было сенаторъ Енебергъ зимой 1902 г. составилъ проектъ повелѣнія, одобренный его коллегами, и его предложили на Высочайшее одобреніе. Въ концѣ мая 1902 повелѣніе было подписано Государемъ и опубликовано въ Гельсингфорсѣ 19 іюня.

Это повелѣніе оставило нетронутыми опредѣленія Манифеста 1900 г. объ употребленіи русскаго языка въ высшемъ управленіи. Въ случаѣ тяжбы или какого-либо дѣла между частными лицами, оригинальныя бумаги должны были писаться на языкѣ, который изберутъ стороны въ дѣлѣ. Въ дѣлѣ, касающемся общинъ, долженъ употребляться языкъ общины. Языкъ суда и власти опредѣляется языкомъ общины или большинства общинъ ихъ вѣдомства.— Повидимому, это повелѣніе основано на принципахъ справедливости. Но надо отмѣтить, что округи всѣхъ судебныхъ палатъ и многихъ гражданскихъ властей заключаютъ большинство общинъ съ финскимъ языкомъ. Практически, шведскій языкъ оказался ограниченнымъ въ своихъ правахъ почти повсюду: результатъ, по меньшей мѣрѣ, странный, такъ какъ онъ является однимъ изъ двухъ офиціальныхъ языковъ страны. Подъ видомъ регулированія употребленія обоихъ языковъ, повелѣніе преслѣдовало партійные интересы.

Но это не все. Повелѣніе 19 іюня сопровождалось другимъ, „касающимся употребленія русскаго языка властями въ Финляндіи“. Это повелѣніе ставило русскій языкъ въ одинаковое положеніе съ двумя другими. Въ дѣлахъ, касающихся частныхъ лицъ, власти и суды обязывались излагать оригинальные документы на русскомъ языкѣ, если поданныя бумаги написаны по-русски (или приказать ихъ перевести на русскій языкъ, если эти власти не обязаны знать его). Сношенія съ общинами русскаго языка тоже должны были вестись по-русски.

Вступленіе ко второму повелѣнію не указываетъ, кто поднялъ вопросъ. Слѣдуетъ думать, что въ этомъ повиненъ былъ Сенатъ, а скорѣе Плеве. Но Сенатъ во всякомъ случаѣ остается виновнымъ въ томъ, что онъ его вызвалъ. Надо было предвидѣть возможность подобнаго повелѣнія. Это одинъ случай изъ многихъ, когда вся страна заплатила издержки партійной политики.

Не было, однако, никакихъ признаковъ, чтобы оппозиція признала себя побѣжденной. Тогда Бобриковъ пошелъ со своей послѣдней карты—диктатуры. Письма его къ Побѣдоносцеву, относящіяся къ веснѣ 1899 г. (опубликованы въ 1909 г.), показываютъ, что уже съ того времени онъ добивался чрезвычайныхъ полномочій, чтобы избавиться отъ „крикуновъ“. Эти полномочія были имъ получены въ апрѣлѣ 1903 г.

Диктатура была установлена мѣрами, обнародованными 15 апрѣля.

Манифестомъ объявлялось, что представляется необходимость прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ въ виду „смѣлаго противодѣйствія“, обнаруженнаго „неблагонамѣренными людьми“ и въ виду невозможности примѣненія къ нимъ

законныхъ карательныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что „многіе чиновники и въ частности суды нерѣдко показываютъ дурной примѣръ неповиновенія закону“. Одновременно съ Манифестомъ обнародованы были и тѣ „особыя мѣры“, къ которымъ рѣшились прибѣгнуть.

Генералъ-губернатору предоставлялось на срокъ трехъ лѣтъ право: запрещать собранія общественныя и частныя, закрывать общества, временно закрывать коммерческія и промышленныя заведенія; запрещать пребываніе въ Финляндіи лицамъ, признаваемымъ „опасными“, высылать и ссылать ихъ въ Россію; отмѣнять общинные выборы и увольнять общинныхъ должностныхъ лицъ. Губернаторы получали самое широкое право налагать штрафы. Нечего и говорить, что ничего подобнаго финляндская конституція не допускала. Уголовный кодексъ не зналъ такихъ мѣръ, какъ высылка и ссылка.

Уже повелѣніемъ отъ 8-го сентября 1902 г. измѣненъ былъ порядокъ дѣлопроизводства въ финляндскомъ Сенатѣ, при чемъ были расширены права генералъ-губернатора и дано ему право veto въ рѣшеніяхъ хозяйственнаго департамента. Новую инструкцію для генералъ-губернатора и его помощника отъ 15 апрѣля 1903 г. можно резюмировать одной фразой: „финляндскій генералъ-губернаторъ можетъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится“. Инструкція отдавала въ его полное распоряженіе рѣшительно всѣ учрежденія (исключеніе составлялъ одинъ университетъ); онъ получалъ право отдавать приказанія всѣмъ должностнымъ лицамъ помимо ихъ непосредственнаго начальства. Наконецъ, § 10 прибавлялъ, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ которыхъ представится необходимымъ принять мѣры, „выходящія за предѣлы полномочій генералъ-губернатора“, онъ имѣетъ право прибѣгать къ нимъ подъ своей личной отвѣтственностью и съ донесеніемъ о такихъ случаяхъ Государю.

Инструкція для губернаторовъ представляла имъ въ ихъ сферѣ подобныя же полномочія: право и обязанность

примѣнять особыя мѣры въ случаяхъ злоумышленій противъ особы Государя и противъ Имперіи; право вызывать къ себѣ всѣхъ, кого имъ будетъ угодно вызвать; право вмѣшиваться въ дѣла промышленныхъ и общинныхъ учрежденій; обязанность имѣть попеченіе о благосостояніи сельскаго населенія спеціально путемъ доставленія земли лицамъ неимѣющимъ собственности (все та же идея аграрной пропаганды!) и т. п.

Въ общемъ—это былъ неизвѣстный Финляндіи и ея конституціи режимъ русскихъ исключительныхъ положеній. Онъ былъ примѣненъ со всею строгостью. Въ концѣ апрѣля была отправлена въ изгнаніе первая партія изъ 8 лицъ, въ маѣ за ней послѣдовала вторая партія, тоже изъ 8 лицъ и затѣмъ каждый мѣсяцъ доставлялъ свой контингентъ высланныхъ. За одинъ годъ послѣдовало 40 высылокъ. Съ октября 1903 г. начались и ссылки: до января 1904 г. сослано было 6 человѣкъ. Сверхъ того, были высланы три иностранца. Разумѣется, всѣ эти мѣры сопровождались противозаконными обысками.

Полиція была численно увеличена, реорганизована по русскому образцу, при чемъ въ составъ ея принята масса не финляндскихъ агентовъ (главнымъ образомъ эстонцевъ), изъ коихъ у многихъ графа о судимости была хорошо заполнена. Эти господа отличались необыкновеннымъ усердіемъ по части политическаго сыска и вымогательства у публики, обнаруживая чрезвычайную низость своего моральнаго уровня, часто вопіющую безнравственность. Что же касается общихъ преступленій, то процентъ раскрытыхъ этими агентами преступленій весьма значительно понизился. Русская жандармерія работала въ добромъ согласіи съ полиціей. Она получила полномочія, одинаковыя съ полномочіями финляндской полиціи, и содержаніе ея было отнесено на финляндскій бюджетъ. Число доносовъ угрожающе возрастало; высылались люди по доносу собственной прислуги, собственники по доносу своихъ арендато-

ровъ. Деморализація дѣлала быстрые успѣхи. Хуже всего положеніе было въ Выборгской губерніи, гдѣ безудержно хозяйничалъ русскій губернаторъ Мясоѣдовъ. За два года онъ смѣстилъ болѣе половины всѣхъ должностныхъ лицъ и отмѣнилъ 70 общинныхъ выборовъ. Въ Финляндіи до сихъ поръ сохранилась память о случаяхъ его грубѣйшаго административнаго произвола, неуступающихъ беззаконіямъ Думбадзе. Не были оставлены въ покоѣ и школы. Генералъ-губернаторъ заставилъ измѣнить въ нихъ весь планъ преподаванія для того, чтобы доставить преподаванію русскаго языка, ,сдѣланнаго обязательнымъ, болѣе видное мѣсто, нежели преподаванію языка родного (финскаго или шведскаго). Многіе изъ директоровъ и преподавателей, даже въ частныхъ школахъ, были смѣщены. Особому комитету было поручено заняться разсмотрѣніемъ руководствъ по исторіи и географіи. Всѣ мѣры руссификаціи, естественно, должны были отозваться на бюджетѣ. Расходы по содержанію генералъ-губернатора, его помощника и канцеляріи возрасли съ 267.043 марокъ въ 1899 году до 558.175 въ 1904-омъ; бюджетъ Сената былъ отягощенъ лишними 234.000 марокъ благодаря введенію въ дѣлопроизводство русскаго языка. Жандармерія стоила въ 1904 г. 690.000 марокъ. Полиція, обходившаяся государству въ 1899 г. въ 351.633 марки, въ 1904 г. стоила 1.264.000 м. и въ соотвѣтственной пропорціи увеличилась доля, падавшая на городскіе бюджеты. Подъ видомъ реорганизаціи бюджетной отчетности распоряженіе отъ 23 іюня 1904 г. раздѣлило бюджетъ на два фонда, одинъ, государственный, слагающійся изъ постоянныхъ налоговъ и доходовъ казны, независящій отъ вотированія Сеймомъ, и другой, „фондъ пособій“, куда входятъ временные налоги, вотируемые каждымъ Сеймомъ до слѣдующаго. Цѣль этой противоконституціонной реформы заключалась въ избавленіи перваго изъ названныхъ фонтовъ отъ контроля со стороны Сейма и въ принужденіи Сейма все-таки вотировать субсидіи, которыми

правительство могло бы распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Дѣйствія по набору уже были начаты въ то время, когда послѣдовали мѣропріятія 15 апрѣля 1903 г. Въ 1902 г. сопротивленіе было весьма стойкимъ: почти $^2/_3$ общинъ отказались тогда отъ участія въ наборѣ, около $60^0/_0$ призываемыхъ не явилось къ отбыванію повинности. Въ 1903 г. число упорствующихъ общинъ значительно уменьшилось и, по даннымъ оффиціальной статистики, на призывъ явились двѣ трети призываемыхъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ случаяхъ выборы делегатовъ отъ общинъ были произведены или меньшинствомъ членовъ общины или даже всего лишь нѣсколькими лицами. (Въ Гельсингфорсѣ въ выборахъ участвовали два редактора газеты „Suometar“ и шесть полицейскихъ агентовъ). Сверхъ того, во время жеребьевки отсутствующіе произвольно относились къ присутствующимъ или къ явившимся въ лицѣ своего представителя. что особенно примѣнялось къ лицамъ эмигрировавшимъ. Значительное число призывныхъ было приведено силой или вынуждено къ явкѣ угрозами. Результатъ набора не былъ для правительства такъ благопріятенъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ статистика. Но все-таки онъ неопровержимо доказывалъ, что сопротивленіе слабѣло подъ давленіемъ насилія и внутреннихъ несогласій.

Законодательныя мѣропріятія апрѣля 1903 г. отдали финляндскую администрацію въ полное распоряженіе Бобрикова и въ теченіе свыше года Финляндія пользовалась всѣми благами управленія на русскій образецъ. Изъ 8 губернаторовъ 5 было русскихъ. Была отрѣшена отъ должности масса чиновниковъ (около 300, не считая низшихъ), которыхъ замѣстили или русскіе, или тѣ изъ финляндцевъ, главнымъ, если не единственнымъ достоинствомъ которыхъ былъ ихъ сервилизмъ. Дѣлопроизводство шло плохо и съ величайшею медленностью. Русскіе принесли съ собой

цѣлую систему подкупа и хищеній, слѣды которыхъ впослѣдствіи были засвидѣтельствованы неоднократно.

Канцелярія генералъ-губернатора, являвшаяся только органомъ для проходящаго письмоводства, мало-по-малу измѣнила этотъ характеръ. Она увеличилась въ своемъ составѣ порядочнымъ контингентомъ чиновниковъ, ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, не считая „чиновниковъ особыхъ порученій“, прикомандированныхъ къ особѣ генералъ-губернатора. Конечно, все это были русскіе. Изъ этого гнѣзда они впослѣдствіи разсылались для занятія различныхъ постовъ въ финляндской администраціи Былъ составленъ планъ реорганизаціи всей канцеляріи, съ раздѣленіемъ ея на нѣсколько отдѣловъ и съ присвоеніемъ всей дѣйствительной власти. Сенатъ превратился въ простой органъ регистраціи. Ему угрожала участь или наполниться русскими или подвергнуться упраздненію.

Впрочемъ, Бобриковъ и не скрывалъ конечной цѣли своихъ усилій. Въ своемъ докладѣ Государю объ управленіи Финляндіей съ 1898 года по 1902 онъ предлагалъ присоединить Выборгскую губернію обратно къ Россіи, т.-е. отмѣнить актъ 1812 года, при чемъ онъ прибавлялъ: „На возвращеніе Россіи Выборгской губерніи слѣдуетъ смотрѣть какъ на первый шагъ къ окончательному присоединенію Финляндіи къ русскому политическому организму“. Докладъ этотъ получилъ Высочайшее одобреніе. Правда, Плеве въ своихъ переговорахъ съ вліятельными членами сенаторской партіи давалъ понять, что если открытое сопротивленіе прекратится, то будетъ созванъ Сеймъ, которому передадутъ проектъ закона, опредѣляющаго предѣлы „имперскаго законодательства“, установленнаго Манифестомъ 1890 года. Но финляндское общественное мнѣніе имѣло всѣ основанія сомнѣваться въ добросовѣстности этихъ обѣщаній министра.

Тѣмъ временемъ стало уже извѣстнымъ, что проектируются новыя мѣры: единство таможни и монеты и „реформа“ судопроизводства, именно въ судахъ низшей инстанціи.

Въ 1904 году дѣйствія призывныхъ присутствій происходили при условіяхъ, еще менѣе благопріятныхъ для сторонниковъ сопротивленія. Къ набору явились четыре пятыхъ призываемыхъ. Даже принимая въ расчетъ тенденціозную неточность оффиціальной статистики, нельзя не признать, что наборъ 1904 года свидѣтельствовалъ объ ослабленіи сопротивленія. Правда, что попрежнему требовалось принять только 280 новобранцевъ для гвардейскаго батальона изъ 25.000 призываемыхъ и все еще не было рѣчи о пріемѣ тысячъ для зачисленія ихъ въ русскіе полки.

Въ концѣ весны 1904 года, казалось, были на лицо всѣ указанія на окончательный тріумфъ руссификаціи въ самомъ близкомъ будущемъ.

ЧАСТЬ II.

I.

Отъ смерти Бобрикова до Манифеста „о мѣрахъ къ возстановленію законом҃рнаго порядка въ краѣ“.

3 іюня 1904 г. Бобриковъ былъ смертельно раненъ тремя выстрѣлами изъ револьвера при входѣ въ Сенатъ и въ тотъ же день скончался. Убійца, Евгеній Шауманъ (сынъ сенатора, уволеннаго въ отставку въ 1902 г.) тутъ же застрѣлился. При немъ оказалось письмо, адресованное Государю, съ объясненіемъ, что совершаемый актъ является законной обороной, и что убійца не имѣлъ никакихъ соучастниковъ.

Первымъ послѣдствіемъ убійства было усиленіе репрессій. Слѣдствіе, дѣйствительно, не открыло никакихъ соучастниковъ, но ничтожная бумажка, найденная у сенатора Шаумана, послужила поводомъ для его ареста по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Затѣмъ были арестованы еще 6 другихъ лицъ, въ томъ числѣ трое профессоровъ университета; четверо изъ арестованныхъ были сосланы въ Новгородъ, а остальные трое, и въ томъ числѣ Шауманъ, были въ концѣ іюля заключены въ Петропавловскую крѣпость. Повидимому, Плеве имѣлъ намѣреніе предать Шаумана, бывшаго генерала, военному суду. Преемникомъ Бобрикова, по предложенію Плеве, былъ назначенъ бывшій харьковскій губернаторъ князь Оболенскій, извѣстный жестокимъ подавленіемъ аграрныхъ безпорядковъ.

Затѣмъ произошли событія, которыя, быть-можетъ, въ большей степени, нежели убійство Бобрикова, повліяли на

поворотѣ назадъ въ политикѣ, принятой по отношенію къ Финляндіи: убійство Плеве (15 іюля), назначеніе Святополка-Мирскаго и пораженіе русскихъ подъ Ляояномъ. Въ концѣ сентября трое узниковъ Петропавловской крѣпости были возвращены въ Финляндію и въ концѣ ноября получили свободу. (Шауманъ, преданный впослѣдствіи суду за покушеніе на вооруженное возстаніе, былъ оправданъ Абосскимъ гофгерихтомъ).

Въ сентябрѣ 1904 г. Сословія были созваны на очередной Сеймъ, открытіе котораго должно было послѣдовать въ началѣ декабря. Выборная кампанія была главнымъ событіемъ этой осени. Со времени Сейма 1900 г. положеніе совершенно измѣнилось; въ первый разъ избирателямъ представлялся случай высказаться относительныхъ двухъ тактикъ, принятыхъ въ странѣ. Старофинская партія и конституціонная коалиція обнародовали въ теченіе октября свои программы.

Естественно, что концепція правъ Финляндіи была одна и таже въ обѣихъ программахъ: необходимость участія Сейма въ работахъ по урегулированію всѣхъ вопросовъ, противозаконнымъ образомъ разрѣшенныхъ февральскимъ Манифестомъ и послѣдующими актами. Была поставлена одна и та же цѣль: возстановленіе конституціоннаго и законнаго порядка, возстановленіе нарушеннаго согласія между властью Государя и желаніями націи.

Несогласія и притомъ серьезныя начинались съ вопроса о тактикѣ. Сенаторская партія, какъ объ этомъ формально заявляли ея органы, намѣревалась найти примиренческую форму соглашенія, сглаживающую острые углы вопроса о „незаконномѣрныхъ актахъ“. Партія стояла за принятіе Сеймомъ рѣшеній, навязанныхъ странѣ незаконнымъ образомъ, но съ поправками въ частностяхъ (въ вопросахъ о военной службѣ, объ употребленіи русскаго языка и т. п.).

Напротивъ, конституціонная партія исходила изъ мысли, что возвратъ къ конституціонному порядку возможенъ только путемъ полнаго возстановленія правъ, нарушенныхъ незаконномѣрными актами, и потому считала необходимымъ добиваться формальной отмѣны ихъ.

На выборахъ побѣду одержала конституціонная партія. Большинство голосовъ было уже заранѣе обезпечено за ней среди сословія горожанъ; она получила большинство и крестьянскихъ голосовъ; среди духовенства обѣ партіи располагали почти одинаковыми силами.

Среди избранныхъ депутатовъ фигурировали многіе изъ высланныхъ за предѣлы княжества. Высланные дворяне были по праву членами Сейма. Правительство тщетно добивалось, чтобы они подали просьбы о своемъ возвращеніи; наконецъ, 2 декабря было опубликовано оффиціальное сообщеніе о томъ, что Государь въ видѣ особой мѣры соизволилъ на пребываніе этой категоріи лицъ въ Финляндіи во все время сессіи Сейма. Послѣ этого возвращеніе всѣхъ прочихъ высланныхъ было лишь вопросомъ времени.

Сеймъ былъ открытъ 9 декабря. Тронная рѣчь въ общемъ не предвѣщала ничего хорошаго. Въ ней объявлялось, что, по распространенному въ Финляндіи мнѣнію, отмѣна многихъ законодательныхъ мѣръ является условіемъ умиротворенія страны. Но изъ числа этихъ мѣръ однѣ, среди которыхъ перечислялись февральскій Манифестъ 1899 г., іюньскій Манифестъ 1900 г. объ употребленіи русскаго языка и іюльскій военный законъ 1901 г., клонились къ закрѣпленію связей между Финляндіей и Имперіей и останутся въ силѣ въ своихъ принципахъ; другія имѣли своей цѣлью обезпечить подавленіе сопротивленія; онѣ носили временный характеръ и Государю доставитъ удовольствіе отмѣнить ихъ, когда генералъ-губернаторъ донесетъ, что онѣ стали излишними. Наконецъ, говорилось, что для урегулированія отношенія имперскаго

законодательства къ „мѣстному законодательству Финляндіи“, Государь, по ходатайству Сената, озаботился составленіемъ соотвѣтствующаго законопроекта. Ни слова не было объ отмѣнѣ режима диктатуры и ничто не указывало на возможность окончательнаго соглашенія.

Съ начала засѣданій Сейма внесены были пять петицій, относящихся къ политическому положенію. Первая намѣчала мѣры, необходимыя для возстановленія въ странѣ законнаго порядка; она извѣстна подъ названіемъ „великой петиціи“. Прочія, болѣе спеціальнаго характера, касались администраціи Выборгской губерніи, русской жандармеріи въ Финляндіи, положенія прессы и незаконныхъ мѣръ въ области школьнаго вѣдомства.

Великая петиція была принята Сеймомъ въ декабрѣ 1904 г. Послѣ изложенія юридическихъ обоснованій финляндской автономіи въ ней обсуждались противозаконныя мѣры послѣднихъ лѣтъ и указывалось на то роковое вліяніе, какое эти мѣры оказали на общественную жизнь. Возвращеніе къ законному порядку должно совершиться насколько возможно скорѣе и можетъ быть осуществлено весьма быстро. Сеймъ обращалъ особое вниманіе на ненормальное положеніе, въ которомъ онъ находится. Въ то время, какъ онъ былъ созванъ для осуществленія своихъ конституціонныхъ правъ, нынѣ дѣйствующій порядокъ управленія попрежнему основывается на цѣломъ рядѣ противозаконныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ гарантій, что постановленія Сейма, какъ законодательнаго, такъ и бюджетнаго характера, будутъ уважены. Нѣтъ на лицо условій, необходимыхъ для нормальнаго функціонированія Сейма. Сеймъ просилъ Императора и Великаго Князя принять мѣры, необходимыя для возстановленія законнаго порядка, и въ особенности ходатайствовалъ о немедленной отмѣнѣ режима диктатуры и призыва новобранцевъ.

Петиція относительно Выборгской губерніи имѣла цѣлью обратить вниманіе спеціально на вопіющія злоупотребленія, совершенныя Мясоѣдовымъ; петиція о жандармеріи содержала просьбу—отмѣнить въ Финляндіи полномочія этого учрежденія; петиція о прессѣ указывала на зло, причиняемое цензурой, и испрашивала свободу печати; наконецъ, въ петиціи о школахъ излагалась смута, внесенная въ школу Бобриковымъ, и испрашивалась отмѣна мѣръ, предоставляющихъ преимущественное положеніе преподаванію русскаго языка.

Съ 1 января 1905 г. Сеймъ прервалъ свои засѣданія на нѣсколько недѣль, ожидая отвѣта Государя по поводу петиціи 31 декабря. Сенатъ далъ о ней благопріятное заключеніе хотя и разошелся въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ Сеймомъ; въ отзывѣ Сената не было рѣчи ни о немедленной отмѣнѣ военнаго закона 1901 г., ни о распоряженіяхъ 1902 г. относительно увольненія должностныхъ лицъ.

Когда въ концѣ января возобновилась сессія Сейма, никакого отвѣта на петицію еще не было получено. Высылки и ссылки были прекращены, но противозаконныя распоряженія оставались въ силѣ и въ частности оставались въ силѣ чрезвычайныя полномочія генералъ-губернатора и губернаторовъ При такихъ условіяхъ, послѣ оживленныхъ преній, большинствомъ голосовъ было рѣшено, что соотвѣтственно деклараціямъ великой петиціи, Сеймъ не въ состояніи продолжать свою законодательную работу, не имѣя гарантій въ томъ, что къ ней отнесутся съ должнымъ уваженіемъ. Было рѣшено, что въ комиссіяхъ будетъ продолжаться разсмотрѣніе переданныхъ имъ вопросовъ, но въ порядкѣ дня будутъ стоять только дѣла, имѣющіе отношеніе къ петиціи 31 декабря. Такимъ образомъ были приняты четыре упомянутыя выше петиціи, связанныя съ великой, но законопроекты, относящіеся къ расширенію избирательныхъ правъ сословія горожанъ и крестьянъ и къ

реформѣ торговли напитками, остались въ нѣдрахъ соотвѣтствующихъ комиссій.

Только 29 марта 1905 г. петиція была доложена Государю. Онъ далъ на нее лишь частичный отвѣтъ. Примѣненіе военнаго закона 1901 г. отмѣнялось и признавался принципъ несмѣняемости судей, но при этомъ все же не было рѣчи о возстановленіи въ своихъ должностяхъ уволенныхъ чиновниковъ.

Такой отвѣтъ, при всей своей неполнотѣ, все же былъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что рѣшеніе прекратить призывы новобранцевъ подсказывалось благоразуміемъ. Броженіе, происходившее въ Россіи (событія 9 января), и дурной оборотъ, который принимала японская война (паденіе Портъ-Артура, пораженіе подъ Мукденомъ), усиливали оппозицію и успѣхъ новаго призыва былъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Но въ то же время, какъ была сдѣлана эта уступка, въ Сеймъ поступило предложеніе вносить въ русское казначейство взамѣнъ отбыванія жителями Финляндіи воинской повинности денежные платежи на военныя нужды ежегодно по 10 милліоновъ, въ томъ числѣ 1,800,000 изъ доходовъ Финляндскаго Банка, слѣдовательно, подлежащихъ непосредственному утвержденію Сеймомъ, и 8.200.000 изъ ординарныхъ средствъ бюджета. Ассигнованіе это предлагалось сдѣлать на весь трехлѣтній бюджетный періодъ 1905—1907 гг. Это предложеніе вызвало въ Сеймѣ принципіальныя возраженія. Во всякомъ случаѣ, большинство согласилось на эту уплату, принимая во вниманіе, что финляндскія военныя учрежденія были въ корень разрушены роспускомъ войскъ и осуществленіемъ закона 1901 г., что они не могли быть немедленно возстановлены и что въ ожиданіи законом'рнаго разрѣшенія военнаго вопроса спеціальнымъ законом, который долженъ быть принятъ Сеймомъ, Финляндія могла въ видѣ исключенія дать согласіе на уплату деньгами своей доли въ расходахъ на военныя

надобности. Во всякомъ случаѣ, вотируя бюджетныя субсидіи только на 1905 г.. Сеймъ и военный платежъ ассигновалъ только на одинъ этотъ годъ и притомъ въ полномъ его размѣрѣ, 10 милліоновъ, показывая этимъ, что вся сумма военнаго вознагражденія требуетъ утвержденія Сеймомъ. Это рѣшеніе, вызвавшее рѣзкое неодобреніе соціалистической партіи и одной фракціи конституціоналистовъ, протестовавшихъ противъ ассигновки военнаго вознагражденія въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, создало впослѣдствіи новыя затрудненія. Лѣтомъ 1905 г. былъ распущенъ гвардейскій батальонъ, что въ свою очередь не мало содѣйствовало тому, чтобы въ будущемъ затруднить рѣшеніе военнаго вопроса, ибо съ этимъ батальономъ уничтожался послѣдній остатокъ финлядскихъ войскъ. (Одновременно была упразднена въ Сенатѣ секція военныхъ дѣлъ). Не осталось камня отъ зданія, созданнаго закономъ 1878 г.

Какъ сказано, рѣшеніе 29 марта было неполнымъ. Въ ожиданіи окончательнаго разсмотрѣнія петиціи Сеймъ просилъ о перерывѣ сессіи до осени. Въ отвѣтъ получился указъ о закрытіи сессіи (15 апрѣля 1905 г.), вслѣдствіе чего въ перспективѣ вырисовывался кромѣ общаго конфликта, еще и бюджетный, начиная съ 1 января 1906 г.

Съ своей стороны Сенатъ искалъ частичнаго разрѣшенія кризиса въ направленіи, согласномъ со всѣмъ направленіемъ программы старофинновъ. Еще въ 1902 г. Сенатъ испрашивалъ у Государя разрѣшенія составить перечень законодательныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію согласно Манифесту 3/15 февраля 1899. Мотивировка ходатайства была изложена въ крайне двусмысленныхъ выраженіяхъ: говорилось о томъ, что манифестъ не указываетъ вопросовъ, „подлежащихъ разрѣшенію согласно основнымъ положеніямъ“ и что вслѣдствіе этого „возникли сомнѣнія относительно предѣловъ занодательныхъ правъ Сейма“. 26 сентября 1902 испрашиваемое было получено и Сенатъ учредилъ комитетъ. Бобриковъ тогда же

поспѣшилъ заявить, что выработанный проектъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать разсмотрѣнію сейма. Позднѣе Сенатъ ходатайствовалъ объ учрежденіи съ тою же цѣлью смѣшанной комиссіи. Государь далъ на это согласіе 1 ноября 1904 г. Комиссія эта подъ предсѣдательствомъ русскаго сенатора Таганцева состояла изъ 6 русскихъ членовъ (въ томъ числѣ были проф. Мартенсъ, генералъ Бородкинъ, получившій извѣстность своими финнофобскими статьями, и проф. Сергѣевскій, тоже прославившійся аггрессивными взглядами по финляндскому вопросу) и 6 финляндскихъ (между прочими архіепископъ Іогансенъ и трое профессоровъ университета: профессоръ государственнаго права Германсонъ, Пальменъ и Даніельсонъ-Кальмари). Учредительное засѣданіе комиссіи состоялось 19 ноября 1904 г., затѣмъ послѣдовало нѣсколько засѣданій весной и осенью 1905 г. Повидимому, нѣкоторые изъ ея финляндскихъ членовъ (старофиннской партіи) надѣялись притти здѣсь къ разрѣшенію военнаго вопроса; но кромѣ того, что разрѣшеніе его было бы во всякомъ случаѣ связано съ серьезными пожертвованіями со стороны Финляндіи, казалось сомнительнымъ, чтобы такая надежда была достаточно обоснована. Основныя воззрѣнія русскихъ и финляндскихъ членовъ комиссіи были несовмѣстимы. Это было болѣе чѣмъ очевидно по отношенію къ „радикальнымъ“ взглядамъ Сергѣевскаго и Бородкина, но и прочіе члены, и въ ихъ числѣ Мартенсъ, также не желали отказаться отъ основной мысли февральскаго Манифеста: устраненія Сейма въ вопросахъ, затрагивающихъ общеимперскіе интересы. Они соглашались на то, чтобы законопроектъ, выработанный комиссіей, былъ внесенъ въ сеймъ [1]), но ихъ разсужденія показывали, что они

[1]) Большинствомъ десяти голосовъ противъ двухъ комиссія признала цѣлесообразнымъ, чтобы проектъ законодательнаго акта, перечисляющаго общіе для Имперіи и Великаго Княжества законы, былъ предложенъ на рѣшеніе финляндскаго Сейма, въ установленномъ Сеймовымъ Уставомъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія, однако, признала, что

полагали, что въ случаѣ если, этотъ законопроектъ не пройдетъ въ Сеймѣ, Государь можетъ на основаніи правилъ 3/15 февраля 1899 г. предписать странѣ свою волю.

Въ концѣ 1905 г. финляндскіе члены комиссіи просили у сената разрѣшенія сложить свои полномочія въ виду новаго положенія, созданнаго всеобщею забастовкой. 31 мая 1906 г. Сенатъ просилъ Государя дать свое согласіе на ихъ просьбу, ходатайствуя въ то же время о томъ, чтобы замѣстители ихъ не назначались, „такъ какъ обстоятельства, вызвавшіе учрежденія смѣшанной комиссіи, нынѣ устранены.“

Внутреннее состояніе страны въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1904 г. и до конца октября 1905 г. было напряженнымъ и тягостнымъ. Политика Оболенскаго страдала отсутствіемъ опредѣленности и, видимо, вдохновлялась вліяніями, господствовавшими въ Петербургѣ. Цензура нѣсколько убавила свою строгость, но свирѣпствовала пароксизмами. Гельсингфорсскій судъ предпринялъ разслѣдованіе провокаторскихъ дѣйствій полиціи, которое кончилось предписаніемъ объ арестѣ двухъ полицейскихъ комиссаровъ; но когда ихъ хотѣли арестовать, они укрылись въ русской казармѣ, откуда потомъ бѣжали, уклоняясь отъ суда. Нѣкоторые слишкомъ скомпрометированные чиновники были смѣщены, но генералъ-губернаторъ продолжалъ кассировать муниципальные выборы, вооруженной силой разогналъ одно политическое собраніе и вообще строго соблюдалъ распоряженія отъ 2/15 апрѣля 1903 г.

„Земскимъ Чинамъ должно быть предоставлено опредѣлить лишь область общегосударственнаго законодательства; порядокъ же разсмотрѣнія и изданія законовъ общихъ для Имперіи и Великаго Княжества имѣетъ быть установленъ волею Государя Императора и Великаго Князя, при чемъ отъ благоусмотрѣнія Его Императорскаго Величества будетъ зависѣть, сохранить ли въ семъ отношеніи порядокъ, начертанный въ Основныхъ Положеніяхъ 3/15 февраля 1899 г. или сдѣлать въ ономъ какія-либо измѣненія“.

Съ другой стороны, во внутренней политикѣ выступилъ на сцену новый элементъ. Въ началѣ октября 1904 г. въ Парижѣ состоялся конгрессъ всѣхъ русскихъ партій радикальной оппозиціи, категорически признавшій права Финляндіи. Среди партій, представленныхъ на конгрессѣ, былъ представитель „Финляндской партіи активнаго сопротивленія," которому и принадлежала иниціатива конгресса. Программа партіи, распространенная въ ту же эпоху, говорила, что водвореніе въ Финляндіи невыносимаго режима приводитъ къ убѣжденію въ очевидной недостаточности пассивнаго сопротивленія и необходимости совмѣстной солидарной борьбы съ русскими революціонными партіями.

Повидимому, партія эта была не очень многочисленна, но имѣла развѣтвленія среди молодежи и также среди народныхъ классовъ. Цѣлый рядъ покушеній политическаго характера, совершенныхъ въ 1905 г., былъ организованъ этой партіей и сверхъ того, повидимому, на ряду съ нею существовали мелкія группы болѣе анархическаго характера, выражавшія свою дѣятельность аналогичными актами. Серія этихъ актовъ началась 6 февраля 1905 г., среди сессіи Сейма убійствомъ прокурора сената. Убійца, Гогенталь, былъ приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, но въ октябрѣ 1905 г. ему удалось бѣжать. До конца октября насчитывается 3 покушенія на губернаторовъ, одно (со смертельнымъ исходомъ) на жандармскаго полковника (убійца, Прокопе, былъ противозаконно преданъ русскому военному суду и сосланъ въ Сибирь), 6 на политическихъ агентовъ, изъ коихъ двое были при этомъ убиты, и одно похищеніе динамита.

Наиболѣе серьезнымъ изъ актовъ этого рода, въ виду его послѣдующихъ отголосковъ, была попытка контрабаднаго ввоза оружія. Въ началѣ сентября англійскій пароходъ „Джонъ Графтонъ" потерпѣлъ крушеніе на утесѣ,

неотмѣченномъ на картѣ, близъ Якобштадта (въ Ботническомъ заливѣ); экипажъ взорвалъ судно и скрылся. Таможенныя власти нашли въ суднѣ грузъ ружей со штыками (старыя бракованныя швейцарскія ружья) и боевыхъ припасовъ. Въ то же самое время близъ Кеми были захвачены ружья и боевые припасы, очевидно, представлявшіе собой часть вышеупомянутаго груза. Разыскать лицъ, нанявшихъ это судно, и его экипажъ оказалось невозможнымъ, но самый грузъ, очевидно, предназначался, какъ для русскихъ, такъ и для финляндскихъ революціонеровъ.

Тѣмъ временемъ реакціонное сопротивленіе мало-помалу ослабѣвало. Въ августѣ Сенатъ получилъ приказаніе изготовить проектъ законодательныхъ мѣръ относительно свободы собраній, процедуры преданія суду должностныхъ лицъ и компетенціи жандармеріи.

Общественное мнѣніе Финляндіи вообще чрезвычайно внимательно слѣдило за русскимъ движеніемъ. Одинъ характерный инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ 1904 года показываетъ всю лихорадочность настроенія. Извѣстіе о событіяхъ 9 января въ Петербургѣ вызвало сходки рабочихъ при выходѣ ихъ изъ фабрикъ. Тутъ раздавались прокламаціи, убѣждавшія производить манифестаціи. Въ эту агитацію немедленно вмѣшалась и провокація. Одна группа отправилась бить стекла въ редакціи „Uusi Suometar" и слѣдствіе показало, что къ этому подстрекнулъ полицейскій комиссаръ.

Наконецъ, въ октябрѣ началась въ Россіи всеобщая забастовка. Въ пятницу 27 октября соціалистическія организаціи предложили устроить, по примѣру русскихъ, забастовку въ Финляндіи. Мысль эта была тотчасъ же подхвачена всѣми классами націи и съ субботы прекращеніе общественной и экономической жизни сдѣлалось всеобщимъ. Въ Гельсингфорсѣ былъ организованъ митингъ, который отправилъ къ генералъ-губернатору, гдѣ собрались

сенаторы, депутацію, предложившую имъ отказаться отъ власти. Сенатъ отправилъ Государю свою отставку.

Кн. Оболенскій предложилъ вождямъ политическихъ партій составить проектъ Манифеста, который бы возстановилъ законный порядокъ, считая это единственнымъ способомъ положить конецъ ненормальному положенію страны. Моментъ былъ благопріятный: въ понедѣльникъ 17/30 октября Государь подписалъ извѣстный конституціонный Манифестъ. Во вторникъ 18/31 марта проектъ, редактированный вождями конституціонной партіи, былъ отосланъ въ Петербургъ съ благопріятнымъ заключеніемъ Оболенскаго.

„Національная забастовка“ происходила въ Финляндіи съ соблюденіемъ полнаго спокойствія и самое большее, если въ одномъ или двухъ пунктахъ провинціи при этомъ были отмѣчены факты прискорбнаго характера. Въ теченіе всей недѣли господствовало состояніе лихорадочнаго ожиданія, которое поддерживалось полнымъ отсутствіемъ новыхъ вѣрныхъ извѣстій, такъ какъ всѣ обычные способы сношеній были прерваны (за исключеніемъ телеграфа).

Въ Гельсингфорсѣ для поддержанія порядка образована была „національная гвардія“. Съ своей стороны, русскія войска сохраняли полный нейтралитетъ и даже не выходили изъ своихъ казармъ. Было пущено въ ходъ нѣсколько утопическихъ проектовъ: соціалисты въ Таммерфорсѣ требовали созыва національнаго собранія и учрежденія временнаго революціоннаго правительства. Проектъ этотъ, обреченный на неудачу, впрочемъ, не былъ осуществленъ, но уже къ концу недѣли можно было подмѣтить враждебность между соціалистическими и буржуазными элементами: „гвардія“ раскололась на двѣ части: сохранилась соціалистическая „красная гвардія“, а всѣ буржуазные элементы удалились изъ нея.

Манифестъ, возстанавливающій „закономѣрный“ порядокъ, былъ подписанъ Государемъ въ субботу 4 ноября 1905 г. и на слѣдующій день, 5 ноября, распубликованъ

въ Гельсингфорсѣ. Съ понедѣльника 6 ноября общественная жизнь должна была возобновиться. Однако въ понедѣльникъ утромъ нѣсколько отрядовъ „красной гвардіи“ пытались закрыть лавки, которыя въ этотъ день открылись. Университетская молодежь вышла на улицы вооруженная и „квасная гвардія“ должна была удалиться. Но раздраженіе, вызванное этимъ инцидентомъ, содѣйствовало вспышкѣ междоусобной войны, имѣвшей мѣсто въ августѣ 1906 г.

Ноябрьскій Манифестъ согласовался съ проектомъ, составленнымъ въ Гельсингфорсѣ, во всемъ за исключеніемъ одного пункта. (Проектъ требовалъ отмѣны Манифеста 3/15 февраля 99 г.)

Приводимъ его полностью:

Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ о мѣрахъ къ возстановленію закономѣрнаго порядка въ краѣ.

Божіею Милостію.

МЫ, НИКОЛАЙ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Разсмотрѣвъ окончательно всеподданнѣйшую петицію Земскихъ Чиновъ Финляндіи отъ 31 декабря 1904 года о мѣрахъ къ возстановленію закономѣрнаго порядка въ краѣ, МЫ признали ихъ заслуживающими Нашего вниманія и подлежащими осуществленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіе установленныхъ основными законами правъ финскаго народа, Мы высочайше повелѣли составить проекты важныхъ преобразованій основныхъ законовъ, на предметъ передачи таковыхъ представителямъ народа.

Вслѣдствіе сего Мы повелѣваемъ пріостановить дѣйствіе основныхъ положеній, объявленныхъ при НАШЕМЪ Манифестѣ отъ 3/15 февраля 1899 года, пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ, и отмѣнить постановленіе отъ 2-го апрѣля 1903 года, о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ разъясненіями и дополненіями къ оному, и повелѣнія отъ 10-го ноября 1903 года, коими отдѣльному корпусу жандармовъ предоставлены служебныя права въ Великомъ Княжествѣ; пунктъ 12 постановленія отъ 10-го іюля 1902 года, объ измѣненіи формъ и порядка обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; постановленіе отъ 8-го сентября 1902 года объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія ИМПЕРАТОРСКАГО Финляндскаго Сената, постановленіе отъ того же числа, о расширеніи полно-

мочій губернаторовъ Финляндіи, и постановленіе отъ 26-го марта 1903 г объ утвержденіи инструкцій финляндскому генералъ-губернатору и его помощнику, равно какъ постановленіе, отъ того же числа, объ измѣненіи инструкціи губернаторамъ, и Уставъ о воинской повинности отъ 12 іюля 1901 года, постановленіе отъ 31 іюля 1902 года, объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи, Постановленіе отъ 14-го Августа 1902 года, о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, Постановленіе отъ того же числа о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ, и Постановленіе отъ 2-го іюля 1900 года, о публичныхъ собраніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ Сенату немедленно приступить къ пересмотру остальныхъ требующихъ измѣненій и перечисленныхъ въ петиціи постановленій.

Независимо отъ сего Мы признали за благо Высочайше поручить Сенату:

1) Составить проектъ новаго Сеймоваго Устава въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства, съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей;

2) Выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять законномѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обезпечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраній и союзовъ, и

3) Составить проектъ закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры.

Проекты эти, по коимъ уже отчасти совершены подготовительныя работы, Мы ожидаемъ отъ Сената столь благовременно, чтобы они могли быть переданы Земскимъ Чинамъ на томъ чрезвычайномъ Сеймѣ, созывъ котораго Мы одновременно съ симъ повелѣли.

Мы твердо уповаемъ, что намѣченныя Нами мѣры, внушенныя попеченіемъ о благѣ Финляндіи, послужатъ къ укрѣпленію узъ, соединяющихъ финскій народъ съ его Монархомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ
22 октября (4 ноября) 1905
Министръ статсъ-секретарь
Линдеръ.

Грамотой отъ того же числа созывался чрезвычайный Сеймъ для составленія проекта новаго Сеймоваго Устава, на основѣ всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія, а также для составленія законопроекта о свободѣ печати, о собраніяхъ, союзахъ и отвѣтственности правительства передъ Сеймомъ.

II.

До конца 1905 года.

Суометеріанскій Сенатъ подалъ въ отставку въ началѣ національной забастовки. Но новое правительство конституировалось лишь мѣсяцъ спустя. Попытка коалиціи между конституціонной и старофинской партіями не удалась; помѣхой къ образованію новаго Сената, повидимому, являлась и обструкція министра статсъ-секретаря Финляндіи, бывшаго вице-предсѣдателя Сената. Наконецъ, въ декабрѣ 1905 г. Линдеръ былъ удаленъ отъ своей должности и новый Сенатъ конституировался цѣликомъ изъ членовъ конституціонной партіи. Вице-предсѣдателями сената были назначены Л. Мехелинъ (хозяйственнаго департамента) и баронъ Вреде (судеб. департамента), первый изъ числа высланныхъ въ 1903 г. и второй изъ числа сосланныхъ въ Россію послѣ убійства Бобрикова. Кромѣ нихъ, еще трое новыхъ сенаторовъ были изъ числа лицъ, подвергшихся въ свое время ссылкѣ. Въ составъ сенаторовъ вошелъ соціалистъ Кари, генеральный секретарь соціалистической партіи.

Сеймъ открылся 30 декабря 1905 г.; соотношеніе въ немъ между партіями въ существенныхъ чертахъ было то же, что и въ сеймѣ 1904-1905 г.г. Предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ крестьянскаго сословія въ Сеймѣ были назначены*) лица, тоже подвергавшіяся ссылкѣ. Словомъ, первыя мѣры, принятыя въ декабрѣ 1905 г., явнымъ образомъ указывали на желаніе загладить впечатлѣніе отъ прежнихъ насилій.

Въ началѣ 1906 г. на постъ министра статсъ-секретаря Финляндіи назначенъ былъ конституціоналистъ генералъ Лангофъ, финляндецъ по происхожденію. Кн. Оболенскій былъ отозванъ и вмѣсто него генералъ-губернато-

*) Они назначались Государемъ.

ромъ былъ назначенъ Герардъ, членъ имперскаго Государственнаго Совѣта, юристъ по профессіи, человѣкъ сравнительно либеральнаго образа мыслей, заявившій, что въ своемъ поведеніи онъ будетъ держаться принциповъ Манифеста 4 ноября 1905 г.

Сенату предстояла весьма серьезная задача: изгладить слѣды режима, дѣйствовавшаго съ 1899 г., водворить порядокъ въ администраціи и юстиціи, о которыхъ упоминалось въ ноябрьскомъ Манифестѣ, подготовить для новаго народнаго представительства соціальныя реформы, необходимость которыхъ давала себя чувствовать, и которыхъ повелительно требовало общественное мнѣніе. Состояніе броженія, обнаружившееся послѣ забастовки, требовало большой осторожности при выполненіи этой задачи, такъ какъ отмѣна предварительной цензуры и установившаяся внезапно свободы печати сопровождались чрезвычайнымъ обостреніемъ партійной полемики, а равно и болѣе смѣлой, нежели раньше, критикой дѣйствій правительства.

Для того, чтобы возстановить законность и порядокъ во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ, надо было начать съ удаленія изъ нихъ русскихъ чиновниковъ, назначенныхъ вопреки конституціоннымъ правиламъ, и возстановить въ своихъ должностяхъ финляндскихъ чиновниковъ, смѣщенныхъ въ силу распоряженій 1902 г. и послѣдующихъ лѣтъ. Уже здѣсь конституціоналисты встрѣтились съ затрудненіями, которыя иногда оказывались непреодолимыми. Статсъ-секретаріатъ въ 1906 г. былъ избавленъ отъ главнѣйшихъ русскихъ чиновниковъ, въ частности, былъ смѣщенъ помощникъ министра, который, со времени Плеве, былъ русскій; его замѣнилъ финляндецъ, полковникъ Бьернбергъ, который въ 1903 г. состоялъ вазасскимъ губернаторомъ и въ то время былъ удаленъ. Очищеніе провинціальной и общинной администраціи могло быть приведено къ благополучному концу лишь въ теченіе 1906 г. Въ Вазасскомъ и Выборгскомъ гофгерихтахъ члены суда, смѣщенные въ 1903 г., были возстановлены въ своихъ правахъ безъ особыхъ затрудненій, ибо лица, которыя ихъ замѣстили, сами оставили свои мѣста. Директоръ канцеляріи генералъ-губернатора, генералъ Зейнъ, получилъ назначеніе въ Россіи. Но онъ былъ замѣщенъ русскимъ, Книповичемъ, бывшимъ вазасскимъ губернаторомъ и всѣ попытки, которыя были предприняты со стороны финляндскаго правительства съ цѣлью замѣстить всѣ мѣста въ канцеляріи исключительно финляндскими чиновниками, разбивались о сопротивленіе генералъ-губернатора Герарда; онъ опирался на распоряженіе 1891 г., которое противорѣчило конституціи и въ петиціи 31 декабря 1904 г. упоминалось въ числѣ мѣръ, подлежащихъ отмѣнѣ.

Въ отношеніи Абосскаго гофгерихта встрѣтились затрудненія другого рода. Здѣсь не удалось достигнуть такого соглашенія, которое состоялось въ Вазѣ и Выборгѣ и члены суда, назначенные на мѣсто чиновниковъ, уволенныхъ въ 1903 г., отказались оставить свои мѣста. Этотъ конфликтъ, въ свою очередь, вызвалъ цѣлый рядъ конфликтовъ между гофгерихтомъ и судами низшей инстанціи; и для того, чтобы разомъ прекратить эти недоразумѣнія, Сенатъ взялъ на себя иниціативу спеціальной законодательной мѣры. Законопроектъ, представленный въ Сеймъ, вызвалъ энергичную оппозицію въ комиссіи, которой было поручено его разсмотрѣть; наконецъ, исправленный законопроектъ былъ принятъ въ концѣ сессіи и санкціонированъ 22 декабря 1906 г.; онъ оставлялъ за штатомъ чиновниковъ, назначенныхъ на мѣста уволенныхъ въ силу распоряженія 1902 г. Этотъ законъ вызвалъ въ Сеймѣ рѣзкій отпоръ со стороны старофинской партіи и немало содѣйствовалъ обостренію вражды между финляндскими партіями.

Кромѣ того, Сенатъ учредилъ нѣсколько большихъ комиссій, возложивъ на нихъ подготовку важныхъ реформъ:

комиссію для разработки реформы національнаго представительства, другую для разработки аграрныхъ реформъ, третью для разработки реформъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія (за усключеніемъ университета, который пользуется широкой автономіей) и т. д.

Съ своей стороны у Сейма была чрезвычайно обширная программа работъ. Ему нужно было вотировать бюджетъ 1906 г., не вотированный Сеймомъ 1904—1905 г.г.; сверхъ того, на разсмотрѣніе Сейма со стороны правительства были внесены семь законопроектовъ величайшей важности:

1 и 2) проектъ реформы Сеймоваго Устава 1869 г. и проектъ избирательнаго закона;

3) проектъ основного закона относительно принциповъ свободы собраній, союзовъ и печати;

4, 5 и 6) —проекты спеціальныхъ законовъ о союзахъ, собраніяхъ и о свободѣ печати;

7) проектъ закона объ отвѣтственности членовъ правительства передъ Сеймомъ.

Сеймовый Уставъ и законъ о выборахъ, принятые Сеймомъ, были Высочайше утверждены 7/20 іюля 1906 г. Въ Сеймовомъ Уставѣ указанъ порядокъ изданія въ Финляндіи основныхъ и другихъ законовъ. Высочайшее утвержденіе его послѣдовало въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Божіею Милостью, Мы Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: въ виду выяснившейся необходимости дать дальнѣйшее развитіе новымъ основнымъ законамъ организаціи финляндскаго народнаго представительства и по обсужденіи сего законодательнаго вопроса въ порядкѣ, установленномъ въ § 71 Сеймоваго Устава отъ 3 (15) апрѣля 1869 года, Мы признали за благо симъ утвердить къ руководству принятый земскими членами Финляндіи по Нашему Высочайшему предложенію новый Сеймовый

Уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго“. „Заключительное опредѣленіе“ Устава (§ 80) гласитъ: „настоящій Сеймовый Уставъ долженъ оставаться въ силѣ во всѣхъ частяхъ, какъ незыблемый основной законъ, впредь до измѣненія или отмѣны его по согласному рѣшенію Монарха и Сейма Финляндіи“.

„Законъ о выборахъ“ установилъ всеобщее избирательное право съ распространеніемъ его на женщинъ. „Земскіе чины“ стараго Сейма уступили мѣсто народнымъ представителямъ, избираемымъ на основаніи отвѣчающаго современнымъ демократическимъ требованіямъ „Закона о выборахъ“.

Законопроектъ о гражданскихъ свободахъ былъ очень кратокъ, въ немъ только возвѣщались главные принципы: свобода слова и право выпускать въ свѣтъ произведенія печати и рисунки безъ всякихъ предварительныхъ препятствій; свобода собираться безъ предварительнаго разрѣшенія для обсужденія общественныхъ дѣлъ и всякихъ дозволенныхъ закономъ предметовъ; свобода образовывать союзы для всякихъ цѣлей, которыя не противорѣчатъ общимъ законамъ. Частичныя предписанія должны были послужить предметомъ спеціальныхъ проектовъ, подлежащихъ обсужденію въ порядкѣ, установленномъ для общихъ законовъ.

Законъ о гражданскихъ свободахъ долженъ былъ получить характеръ основного закона. Законопроектъ былъ принятъ Сеймомъ и санкціонированъ 20 августа 1906 г.

Три законопроекта, обозначенные выше подъ №№ 4, 5 и 6, были внесены въ Сеймъ лишь въ іюлѣ 1906 г. Проектъ закона о собраніяхъ предоставлялъ право свободно устраивать публичныя собранія для обсужденія общественныхъ и всякихъ дозволенныхъ закономъ дѣлъ. Но о такихъ собраніяхъ власти должны быть извѣщены по меньшей мѣрѣ за 12 часовъ. Исключеніе составляли предвыборныя собранія, конференціи и публич-

ныя лекціи. Запрещалось являться на собранія съ оружіемъ. Предсѣдатель собранія являлся отвѣтственнымъ за порядокъ и обязанъ былъ закрыть его въ случаѣ безпорядка. Полиція имѣетъ право присутствовать на публичныхъ собраніяхъ и давать спеціальныя инструкціи въ случаѣ, если собраніе происходитъ подъ открытымъ небомъ въ публичномъ мѣстѣ. Представитель власти имѣетъ право закрыть и распустить собраніе въ случаяхъ, если ему будетъ отказано присутствовать на немъ или, если бы предсѣдатель оказался не въ силахъ поддержать въ немъ законный порядокъ. Наказанія за нарушеніе закона заключались въ штрафахъ (до 300 марокъ). Засѣданія ученыхъ и религіозныхъ обществъ были изъяты отъ подчиненія правиламъ этого закона. Сеймъ принялъ законопроектъ въ главныхъ его чертахъ, но сдѣлалъ въ немъ нѣсколько видоизмѣненій. Обязанность извѣщать полицію сохранена была только для публичныхъ собраній подъ открытымъ небомъ, при чемъ опредѣлено, что инструкціи со стороны полиціи въ такихъ случаяхъ могли относиться только къ поддержанію общей безопасности.

Представителемъ власти можетъ быть низшій агентъ полиціи, но распущеніе собранія можетъ быть потребовано только высшимъ чиновникомъ полиціи. Запрещеніе имѣть при себѣ оружіе вызвало на Сеймѣ энергичную оппозицію, но большинство приняло этотъ пунктъ во всѣхъ сословіяхъ, во избѣжаніе отказа со стороны Государя санкціонировать законъ. Память о свеаборгскомъ возстаніи и о дѣйствіяхъ „красной гвардіи“ была еще слишкомъ свѣжа. Законъ былъ санкціонированъ 20 февраля 1907 г.

Законопроектъ о союзахъ предлагалъ, вмѣсто дѣйствовавшаго до сихъ поръ порядка предварительнаго разрѣшенія, явочный порядокъ. Законъ не касался анонимныхъ обществъ, кооперативовъ и т. п., равно какъ и религіозныхъ ассоціацій, уже урегулированныхъ спеціальными законами, и имѣя въ виду лишь союзы, преслѣдующіе иныя

цѣли, не противорѣчащія законамъ и нравственности. Предоставлялась полная свобода устраивать такіе союзы, одни лишь союзы, цѣль которыхъ предполагаетъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, подлежатъ предварительному разрѣшенію, которое дается Сенатомъ по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ. Съ другой стороны, союзы, учреждаемые съ цѣлью оказывать вліяніе на общественныя дѣла, обязывались принимать въ число своихъ членовъ только финляндскихъ гражданъ обоего пола, достигшихъ возраста 21 г. Каждое губернское управленіе должно вести регистрацію союзовъ, основанныхъ въ губерніи. Въ проектѣ опредѣлялись общія условія дѣятельности союзовъ, права третьихъ лицъ, имущественная отвѣтственность членовъ. Закрытіе союза можетъ послѣдовать по рѣшенію компетентнаго суда въ случаѣ, если дѣятельность союза противорѣчитъ законамъ, нравственности или уставамъ, или если въ него приняты члены, не имѣющіе права участвовать въ немъ. Опредѣлялся штрафъ на случай, если закрытый союзъ будетъ продолжать свою дѣятельность.

Сеймъ принялъ также и этотъ законопроектъ, внеся въ него нѣсколько важныхъ поправокъ. Во избѣжаніе установленія для охотничьихъ обществъ исключительнаго порядка (предварительное разрѣшеніе), Сеймъ ограничилъ распространеніе его на „союзы, организованные по военному образцу, дѣятельность которыхъ требуетъ употребленія огнестрѣльнаго оружія“. Сеймъ исключилъ также требованіе достиженія 21-го года для лицъ, вступающихъ въ союзы, имѣющіе цѣлью оказывать вліяніе на общественныя дѣла.

Законопроектъ о свободѣ печати сводился къ слѣдующему: открытіе типографій и книжныхъ магазиновъ, выпускъ въ свѣтъ періодическихъ изданій, открытіе библіотекъ и кабинетовъ для чтенія и разносная торговля произведеніями печати производятся на основаніи общихъ законовъ торговли и промышленности; каждое лицо (безъ различія

національности), пользующееся своими гражданскими правами (или всякое общество, управляемое такимъ лицомъ), можетъ заниматься дѣлами этого рода на основаніи простого заявленія, сдѣланнаго законнымъ образомъ подлежащей власти. Типографіи въ сельскихъ селеніяхъ могутъ быть открываемы лишь съ разрѣшенія Сената. На каждомъ произведеніи печати обязательно помѣщеніе названія типографіи и даты, когда оно напечатано. Періодическія изданія должны имѣть главнаго отвѣтственнаго редактора. Всякое учрежденіе и всякое частное лицо, затронутыя въ періодическомъ изданіи, имѣютъ право помѣстить въ немъ свой отвѣтъ. Запрещается выпускать въ свѣтъ безъ разрѣшенія: документы и протоколы Сената, статсъ-секретаріата, канцеляріи генералъ-губернатора. государственнаго казначейства и финляндскаго банка раньше истеченія пятидесятилѣтняго срока, равно и другихъ общественныхъ учрежденій, если „спеціальными правилами“ ихъ документы и протоколы объявлены секретными; то же запрещеніе касается документовъ русскихъ вѣдомствъ, если они „спеціальными правилами“ объявлены секретными, и частныхъ документовъ и писемъ до истеченія двадцатилѣтняго срока со дня смерти заинтересованныхъ лицъ, протоколовъ суда, происходившаго при закрытыхъ дверяхъ, и т. д. Наблюденіе за исполненіемъ закона и возбужденіе процесса возлагалось на обязанность прокурора Сената и прокуратуры. Прокуратура имѣетъ право конфискаціи (подъ условіемъ немедленной передачи дѣла суду) всякаго произведенія печати, нарушающаго законы; то же право имѣетъ судъ. Наказанія, налагаемыя на типографа, редактора, автора или продавца, заключаются въ штрафахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ тюремномъ заключеніи (не свыше 6 мѣсяцевъ). Дополнительный законопроектъ касался прибавленія къ уголовному кодексу двухъ пунктовъ, карающихъ штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ (не свыше года) распространеніе завѣдомо ложныхъ извѣстій съ цѣлью оклеветать государственныя учрежденія Финляндіи или Русской Имперіи или „поселить вражду или неудовольствіе между населеніемъ Русской Имперіи и жителями страны“.

Сеймъ принялъ этотъ законопроектъ, но съ поправками. Явочный порядокъ для занятія типографскимъ дѣломъ оставленъ для финляндскихъ гражданъ; не-финляндцы (слѣдовательно, въ томъ числѣ и русскіе) обязывались получать разрѣшеніе, согласно указаніямъ закона о промышленныхъ заведеніяхъ. Исключеніе относительно типографій, открываемыхъ въ сельскихъ поселеніяхъ (предварительное разрѣшеніе), было вычеркнуто. Разница, установленная въ опубликованіи документовъ, исходящихъ отъ государственныхъ учрежденій, между Сенатомъ и пр. и другими учрежденіями также была отклонена, какъ недостаточно мотивированная. Одни лишь документы, объявленные секретными, въ силу уголовнаго кодекса не могутъ быть публикуемы до истеченія 25-ти лѣтняго срока. Что касается документовъ русскихъ учрежденій, то Сеймъ замѣтилъ, что выраженіе „спеціальныя правила“ является неяснымъ и можетъ быть истолковано, какъ относящееся къ рѣшеніямъ, принятымъ русскими властями и опубликованнымъ лишь въ Россіи. Между тѣмъ, финляндскіе граждане не имѣютъ ни надобности, ни возможности знать этого рода постановленій. Въ текстѣ, вотированномъ Сеймомъ, опредѣлялось, что это относится къ „правиламъ, имѣющимъ силу“ въ Финляндіи. Наказанія были въ нѣкоторыхъ случаяхъ понижены. Что касается дополнительнаго проекта, то Сеймъ его принялъ, исключивъ только слова „поселить вражду и пр.“, находя, что этого рода проступокъ трудно поддается опредѣленію и преслѣдованію и такой неопредѣленностью своей представляетъ контрастъ съ ясно опредѣленнымъ характеромъ преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ.

Законопроектъ о „правѣ финляндскаго Сейма разсматривать законномѣрность дѣйствій членовъ правительства“

имѣлъ въ виду установить юридическую (а не политическую) отвѣтственность правительства. Эта отвѣтственность распространялась только на членовъ Сената. Сейму предоставлялось право разсматривать законом'ѣрность правительственныхъ м'ѣропріятій, требовать отъ подлежащаго (или подлежащихъ) члена (или членовъ) правительства объясненій по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ въ Сеймѣ относительно незаконности того или другого акта. Предусматриваемая и караемая закономъ незаконность заключается, во-1-хъ, въ предложеніи м'ѣры, явно противорѣчащей конституціоннымъ или общимъ законамъ, или въ недонесеніи Государю о незаконности м'ѣръ, представленныхъ на его утвержденіе; 2, въ содѣйствіи своими актами явному беззаконію или принятіи явно незаконныхъ м'ѣръ. Въ первомъ случаѣ Сейму давалось только право сдѣлать докладъ Государю, отъ котораго, и зависѣло постановленіе о преданіи суду; во второмъ—постановленіе о преданіи суда непосредственно зависѣло отъ Сейма. Обвиняемый подвергается спеціальному суду изъ 14 членовъ, перечисленныхъ въ проектѣ. Приговоръ суда, произносимый на основаніи общихъ законовъ, не подлежитъ апелляціи; осужденный можетъ просить о помилованіи. Право разсмотрѣнія Сеймомъ не распространяется на вопросъ о политической цѣлесообразности дѣйствій. Члены правительства остаются отвѣтственными также передъ Государемъ.

Этотъ проектъ былъ существенно измѣненъ комиссіей. 1. Комиссія болѣе точно опредѣлила, нежели это было въ проектѣ, что членъ правительства, о которомъ идетъ р'ѣчь, обязанъ въ десятидневный срокъ представить требуемыя отъ него объясненія. 2, комиссія въ своемъ докладѣ предложила Сейму распространитъ эту отвѣтственность на прокурора Сената, равно какъ на министра статсъ-секретаря Финляндіи и его помощника. 3, она уничтожила различіе, которое сдѣлано проектомъ въ отношеніи

процедуры преданія суду между двумя категоріями беззаконности (заключенія, противорѣчащія закону, за которыя только Государь можетъ предавать суду, и беззаконныя м'ѣры, за которыя Сеймъ можетъ непосредственно предавать суду), тѣмъ болѣе, что такого разграниченія не было въ проектѣ спеціальной коммиссіи, учрежденной Сенатомъ для подготовки этого закона. 4, Коммиссія опредѣлила, что право помилованія не можетъ простираться вплоть до возстановленія приговореннаго въ его должности.

Пренія въ Сеймѣ были довольно продолжительны. Такъ какъ законъ долженъ былъ носить характеръ основного закона, то необходимо было согласіе на него четырехъ сословій. Первая поправка комиссіи была принята. Точно также прокуроръ Сената былъ включенъ въ число отвѣтственныхъ сановниковъ, относительно же министра статсъ-секретаря и его помощника Сеймъ ограничился тѣмъ, что просилъ Государя внести на ближайшій Сеймъ дополнительный законъ, распространяющій на этихъ должностныхъ лицъ указанія даннаго закона. Третья, наиболѣе существенная поправка комиссіи также прошла въ Сеймѣ, четвертая же была отклонена.

Послѣдній Сеймъ, засѣдавшій по старому закону четырехъ сословныхъ коллегій, закрылся 18 сентября 1906 г.

Волненіе среди народныхъ массъ, вызванное стачкой 1905 г., не улеглось послѣ ея удачнаго исхода. Повидимому, наоборотъ, достигнутые успѣхи, пробудили въ нѣкоторыхъ частяхъ народныхъ массъ ложную мысль, будто не трудно осуществить соціальную революцію. „Красная гвардія“, которая набирала своихъ людей среди рабочихъ соціалистовъ, продолжала существовать, создавала повсюду м'ѣстныя организаціи и распространялась такимъ образомъ по всей странѣ. Она упражнялась въ воинскомъ дѣлѣ. Открытая цѣль этой гвардіи была создать полицію изъ рабочихъ, предназначенную для поддержанія порядка на собраніяхъ и во время демонстрацій. Начальникъ этой

гвардіи, Аксель Кукъ, бывшій финляндскій офицеръ, повидимому, имѣлъ-таки надежду обратить эту гвардію въ ядро революціонной арміи. Это былъ утопистъ, который, къ тому же, не всегда умѣлъ воздержаться отъ попытокъ на насильственныя дѣйствія и во всякомъ случаѣ не очень подходилъ для того поста, на который его выдвинули событія. Впрочемъ, дѣйствительное командованіе довольно скоро выскользнуло изъ его рукъ и досталось субъектамъ сомнительныхъ достоинствъ. Наконецъ, „красная гвардія“, оффиціально составлявшая часть соціалистической партіи, заняла фактически независимое положеніе и партійная организація оказалась совершенно не въ силахъ подчинить ее своему авторитету.

Соціалистическая пресса очень скоро усвоила себѣ крайне рѣзкій тонъ по отношенію къ правительству и Сейму. Броженіе умовъ сказалось также въ многочисленныхъ стачкахъ, не только промышленныхъ, но и сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ финляндскаго соціалистическаго движенія является видное мѣсто, которое въ немъ заняли аграрные вопросы. Фермерскій строй подвергся значительному измѣненію къ лучшему послѣ закона, принятаго Сеймомъ въ 1900 г. Но эта реформа не удовлетворила фермеровъ и сельско-хозяйственный пролетаріатъ; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ произошли стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Одна изъ стачекъ рабочихъ, именно сплавщиковъ лѣса въ бассейнѣ Кеми, на сѣверѣ Финляндіи, ознаменовалась кровавыми насиліями. Соціалистическая партія повсюду распространила своихъ агитаторовъ, но, какъ это неизбѣжно бываетъ со всякой вновь образовавшейся партіей, въ особенности, если она набираетъ своихъ членовъ среди народныхъ массъ, большая часть этихъ странствующихъ агитаторовъ была мало культурна и свѣдѣнія ихъ заключались, главнымъ образомъ, въ громкихъ фразахъ буйнаго характера. Слабыя головы дали увлечь себя на

убійства начальниковъ фабрикъ. Главнѣйшими изъ экономическихъ результатовъ, достигнутыхъ стачками, были коллективный договоръ о наймѣ и установленіе минимальной заработной платы и продожительности рабочаго дня въ печатномъ дѣлѣ и металлическихъ производствахъ.

Забастовка 1905 г. была пущена въ ходъ соціалистической партіей настолько же для того, чтобы поддержать русское движеніе, какъ и въ пользу финляндскаго дѣла. Сношенія съ русскими революціонными партіями, начавшіяся еще въ 1904 г., продолжались и становились все болѣе тѣсными. На рабочихъ собраніяхъ выступали соціалисты и революціонеры русскіе, эстонскіе и латышскіе. Происходили тайныя соглашенія; правленіе красной гвардіи обѣщало свою поддержку задуманному возстанію свеаборгскаго гарнизона. Когда возстаніе вспыхнуло 17/30 іюля 1906 г., Кукъ, дѣйствительно, мобилизовалъ свои силы, небольшая часть которыхъ была послана въ крѣпость для подкрѣпленія возставшихъ войскъ. Въ то же время онъ объявилъ всеобщую забастовку. Разумѣется, онъ не встрѣтилъ со стороны общественнаго мнѣнія поддержки этому чисто революціонному предпріятію. Но Кукъ упорствовалъ и въ одной изъ прокламацій объявилъ, что заставитъ бастовать силой. Нѣкоторые изъ провинціальныхъ отдѣловъ красной гвардіи сняли рельсы въ различныхъ пунктахъ, съ цѣлью воспрепятствовать подвозу войскъ. Въ Гельсингфорсѣ полиція, въ рядахъ которой оставалось еще много сомнительныхъ элементовъ отъ предыдущей эпохи, дала прекратить движеніе трамваевъ; начальникъ полиціи не проявилъ значительной энергіи. Отрядъ буржуазной „общинной гвардіи“, вышедшій для возстановленія движенія, былъ встрѣченъ револьверными и ружейными выстрѣлами красной гвардіи и русскихъ моряковъ, переодѣтыхъ въ штатское платье. Финляндская кровь была пролита въ междоусобной войнѣ впервые за много вѣковъ. Нѣсколько человѣкъ было убито и ранено. Генералъ-губернаторъ выслалъ отрядъ

русскихъ солдатъ, при появленіи котораго революціонеры разсѣялись, а отрядъ занялъ помѣщенія управленія красной гвардіи (2 августа). Кукъ бѣжалъ въ Англію, а оттуда въ Америку. Члены красной гвардіи въ числѣ 80 человѣкъ были взяты въ Свеаборгѣ; они были переданы финляндскимъ судамъ и поплатились нѣсколькими годами тюремнаго заключенія за участіе въ возстаніи. Сенатъ немедленно отдалъ распоряженіе распустить всѣ отряды красной гвардіи. На конгрессѣ соціалистической партіи въ Улеаборгѣ была утверждена декларація, въ которой высказывалось осужденіе предпріятію Кука; онъ оффиціально выдѣлялся изъ партіи. (Слѣдуетъ здѣсь же замѣтить мимоходомъ, что этотъ же конгрессъ исключилъ изъ партіи сенатора Кари за вступленіе въ буржуазное правительство). Полиція была совершенно реорганизована и назначенъ новый начальникъ. Такъ какъ финляндская армія болѣе не существовала, а къ русскимъ войскамъ прибѣгать не хотѣли, то полицейскій корпусъ въ Гельсингфорсѣ былъ увеличенъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было командировать отряды полиціи въ провинцію.

Сотрудничество съ русскими партіями принесло еще и другіе плоды. На ряду съ красной гвардіей образовались тайныя лиги и, повидимому, часть распущенныхъ отрядовъ гвардіи нѣкоторое время продолжала функціонировать въ этомъ видѣ. Эти лиги, особенно многочисленныя въ Выборской губерніи, вскорѣ начали дѣйствовать по образцу русскихъ „экспропріаторовъ“; впрочемъ, есть нѣкоторое основаніе подозрѣвать, что въ ихъ работу были замѣшаны и русскіе агенты провокаторы *). Въ серединѣ февраля 1906 г. банда русскихъ революціонеровъ ограбила отдѣленіе русскаго государственнаго банка въ Гельсингфорсѣ. Спустя нѣсколько дней шайка была арестована и большая часть денегъ найдена. Во многихъ мѣстахъ неоднократно про-

*) Въ это время и въ слѣдующемъ году Азефъ бывалъ неоднократно въ Финляндіи.

исходили случаи похищенія динамита. Осенью 1906 г. случаи этого рода участились: произошло ограбленіе банка въ Гельсингфорсѣ, вооруженное нападеніе на желѣзнодорожную кассу въ Выборгѣ, покушеніе на ограбленіе банка и ограбленіе лавокъ въ провинціи, взрывы бомбъ, поджоги. Нѣсколько финляндцевъ, бѣжавшихъ въ Стокгольмъ, злоумышляли даже ограбить шведскій банкъ, но ихъ замыселъ былъ раскрытъ.

Всѣ эти революціонные эксцессы отозвались не только на внутренней жизни страны; они вызвали нападки русской націоналистической прессы противъ Финляндіи. Возстановленная автономія Великаго Княжества была не по вкусу этого рода печати также, какъ и раньше. Сверхъ того, кампанію эту поддерживали бывшіе сотрудники Бобрикова. „Бобриковцы“, лишившіеся своихъ мѣстъ при возстановленіи законнаго порядка, причемъ нѣкоторые изъ нихъ попали подъ судъ за лихоимство или злоупотребленіе властью, удалившись въ Россію, образовали здѣсь рѣзко финнофобскую группу.

Въ націоналистической русской печати снова начались разсужденія на одинъ и тотъ же вѣчный мотивъ: Россія завоевала Финляндію; финляндская автономія является оскорбленіемъ для русской чести; она представляетъ собой плодъ интригъ и лжи финляндцевъ. Но вскорѣ на сцену появился и новый аргументъ. Финляндія даетъ убѣжище русскимъ революціоннымъ элементамъ и позволяетъ имъ свободно составлять заговоры противъ Императорскаго правительства. При этомъ революціонное движеніе захватываетъ финляндскій народъ, возбуждаетъ его къ возстанію и даетъ новыя силы сепаратистскимъ стремленіямъ. Финляндія вооружается. Снова взялись за дѣло „Джона Графтона“, разумѣется, забывая прибавлять, что власти захватили почти весь его грузъ. 13 іюля 1906 шхунѣ-автомобилю, „Петерсъ“, зафрахтованной въ Любекѣ при такихъ же таинственныхъ условіяхъ, какъ „Джонъ

Графтонъ", удалось контрабандой провезти грузъ оружія и боевыхъ припасовъ; повидимому, это былъ единственный случай, когда этого рода контрабанда ускользнула отъ таможеннаго надзора. Это послужило для финнофобской печати новымъ матеріаломъ для статей, въ которыхъ финляндское правительство обвинялось въ томъ, что оно закрываетъ глаза на контрабандный ввозъ оружія. Въ дѣйствительности же сенатъ въ 1905 и 1907 г. усилилъ таможенный кордонъ. Часть груза съ „Петерса" была захвачена въ Гельсингфорсѣ; другіе ящики, посланные по желѣзной дорогѣ, были конфискованы внутри страны и нѣсколько чиновниковъ, уличенныхъ въ небрежности, были подвергнуты различнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Въ докладѣ сената отъ 21 марта 1907 число ружей, ускользнувшихъ отъ преслѣдованій, исчисляется самое большее въ 2500; къ тому-же они были самаго сомнительнаго качества.

Пищу націоналистической газетной полемикѣ противъ Финляндіи дало и такъ называемое дѣло „Воймы". Около середины 1906 г. распространился слухъ о тайномъ сообществѣ, принявшемъ названіе „Война" (сила). Повидимому, оно имѣло своей цѣлью сгруппировать спортивныя общества и набирало своихъ членовъ среди элементовъ враждебныхъ красной гвардіи, и какъ бы въ противовѣсъ этой послѣдней. Въ газетахъ, главнымъ образомъ русскихъ, враждебныхъ къ Финляндіи, появились циркуляры, подписанные Еерo Кальске (Eero Kalske), исходящіе отъ временнаго бюро Воймы; во многихъ изъ нихъ говорилось довольно опредѣленно о возстаніи въ случаѣ, если того потребуетъ освобожденіе Финляндіи. Сенатъ предписалъ губернаторамъ произвести разслѣдованіе (7 сент. 1906 г.). Бюро Воймы подало 1 ноября законное заявленіе въ Сенатъ, представивъ при этомъ проектъ устава общества. Сенатъ, усмотрѣвъ, что общество будетъ имѣть отчасти военную организацію, отказалъ въ разрѣшеніи

и предписалъ ему разойтись (9 ноября), что и было исполнено. Но генералъ-губернаторъ потребовалъ привлечь Войму къ отвѣтственности за государственное преступленіе, основываясь на тѣхъ циркулярахъ Eero Kalske, копія которыхъ была ему переслана русскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Разслѣдованіе, произведенное прокуроромъ сената, и слѣдствіе, предпринятое аппелляціоннымъ судомъ въ Або, показали, что циркуляры, признанные подлинными, не заключали въ себѣ ничего преступнаго, а другіе, которыхъ бюро Воймы не признало своими, носили явный характеръ довольно неудачной фальсификаціи. Констатированіе этого факта вызвало цѣлую бурю негодованія въ русскомъ націоналистическомъ лагерѣ, страннымъ образомъ нашедшую отголосокъ въ извѣстной рѣчи, произнесенной П. А. Столыпинымъ 5/18 мая 1908 г. въ госуд. думѣ, въ которой онъ между прочимъ сказалъ: „мнѣ пришлось въ очень категорической формѣ напомнить финляндскимъ властямъ, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническимъ образомъ цѣлое вѣдомство въ такомъ проступкѣ". Но „финляндскія власти" никого ни въ чемъ не обвиняли, такъ какъ констатированіе факта, что въ рукахъ русской полиціи оказались подложные документы, не равносильно обвиненію въ самой поддѣлкѣ. Кстати сказать, министерство внутреннихъ дѣлъ отказало въ удовлетвореніи ходатайства генералъ-губернатора, основаннаго на представленіи абосскаго апелляціоннаго суда въ томъ, чтобы дѣла, находящіеся въ министерствѣ и могущія пролить свѣтъ на происхожденіе подозрительныхъ документовъ, были предоставлены въ распоряженіе суда, какъ матеріалы для слѣдствія по дѣлу „Воймы".

Вопросъ о пребываніи русскихъ революціонеровъ на территоріи Финляндіи въ принципѣ также былъ урегулированъ въ 1906 г. По требованію русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, ссылавшагося на опасность существующаго положенія для Россіи, министръ Финляндіи запро-

силъ сенатъ, не умѣстно ли было бы обнародовать распоряженіе, касающееся формальностей при арестѣ и выдачѣ русскимъ властямъ русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Финляндіи. Сенатъ счелъ безполезнымъ издавать такое распоряженіе и 17 ноября 1906 г. разослалъ по этому поводу циркуляръ губернаторамъ. Финляндскія власти по требованію русскихъ властей должны производить какъ разслѣдованія, такъ и аресты русскихъ гражданъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій на территоріи Имперіи. Арестованные русскіе подданные должны содержаться въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока отъ русскаго суда не поступитъ требованіе о выдачѣ, подкрѣпленное доказательствами виновности. Если доказательства эти окажутся недостаточными, или не будутъ вовсе доставлены въ мѣсячный срокъ, арестованный долженъ быть освобожденъ. Этотъ циркуляръ осуждался въ нѣкоторой части финляндской прессы. Любопытнѣе всего, что прошло около года прежде чѣмъ русское правительство потребовало примѣненія этого циркуляра и это обстоятельство внушаетъ сомнѣнія въ дѣйствительной остротѣ вопроса. Во всякомъ случаѣ непосредственнымъ его результатомъ было то, что нѣкоторое число русскихъ, принадлежащихъ къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, покинуло немедленно Финляндію и переселилось за границу.

III.

До роспуска Сейма 1908 г.

Срокъ первыхъ выборовъ представителей въ новый сеймъ былъ назначенъ распоряженіемъ отъ 20 августа на 15 и 16 марта 1907 г. и предварительныя операціи по выборамъ заняли всю послѣднюю четверть 1906 г. За первую четверть 1907 г. весь интересъ общественной жизни сосредоточился вокругъ избирательной кампаніи. Важное значеніе ея особенно возрастало отъ того, что впервые примѣнялось всеобщее голосованіе. До сихъ поръ ни одна изъ существовавшихъ партій не имѣла возможности учесть свои силы. Сверхъ того, интересно было убѣдиться какіе результаты дастъ на практикѣ пропорціональная система, съ довольно сложнымъ на видъ механизмомъ, при всеобщей подачѣ голосовъ среди населенія, огромное большинство котораго никогда еще не участвовало даже въ общинныхъ выборахъ.

Выборы 1907 г. характеризовались выступленіемъ большого количества партій. Кромѣ четырехъ главныхъ партій, старофинской, младофинской, соціалистической и шведской, появилось нѣсколько партій христіанскихъ (свободные христіане, христіанскіе рабочіе), аграрная, прогрессивная и нѣсколько болѣе мелкихъ группъ. Изъ всѣхъ этихъ группировокъ только первыя шесть оказались достаточно сильными для того, чтобы проводить своихъ кандидатовъ.

Наибольшую активность въ избирательной кампаніи проявили соціалисты и старофинны, причемъ между ними шла и наиболѣе оживленная борьба на выборахъ. Въ старомъ сеймѣ всегда считалось, что старофинская партія опирается главнымъ образомъ на консервативные элементы, на крупныхъ землевладѣльцевъ, духовенство, профессоровъ (дѣйствительно, къ этой средѣ принадлежатъ вожди партіи), и что ей свойственны бюрократическія тенденціи. Но потрясенія 1905 г., повидимому, видоизмѣнили положеніе этой партіи. Значительное число молодыхъ представителей „интеллигенціи“, всегда принадлежавшей къ старофинской партіи, перешло къ соціалистамъ, гдѣ вскорѣ стало играть видную роль; перешедшихъ прозвали „ноябрьскими соціалистами“ (явленіе, напоминающее переходъ въ соціализмъ во Франціи во время дѣла Дрейфуса). Это должно

было содѣйствовать пересмотру партійной программы и старофинская партія выступила на выборахъ съ весьма радикальной соціальной программой, сильно проникнутой государственнымъ соціализмомъ, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ Германіи; въ эту программу вошли: реформа фермерства съ цѣлью улучшенія положенія арендаторовъ и безземельныхъ, отмѣна натуральныхъ повинностей и земельнаго налога, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, реформа косвенныхъ налоговъ; реформа общины съ введеніемъ въ ней всеобщаго избирательнаго права, распространяемаго на всѣхъ финляндцевъ достигшихъ возраста 21 года; рабочая реформа (максимальный рабочій день, обязательное страхованіе, примирительные камеры и пр.). Среди кандидатовъ, выставленныхъ партіей, фигурировали многіе изъ членовъ сената, уволенныхъ въ 1905 г.: изъ этого явствовало желаніе партіи показать, что ея избиратели одобряютъ политику, которой слѣдовалъ сенатъ во время минувшаго кризиса.

Соціалистическая партія, также подвергшаяся сильному нѣмецкому вліянію, приняла марксистскую программу. Не признается ни сотрудничества, ни соприкосновенія съ „буржуазными партіями“. Въ политикѣ энергическая защита финляндской автономіи безъ малѣйшихъ уступокъ русской реакціи; развитіе прерогативъ сейма въ духѣ западно-европейскаго парламентаризма; отказъ отъ какой бы то ни было военной контрибуціи въ пользу русской Имперіи, созданіе милиціи; реформа общиннаго строя путемъ введенія всеобщаго прямаго и равнаго избирательнаго права, распространяющагося на всѣхъ жителей, достигшихъ 20 лѣтъ. Въ соціальномъ отношеніи—коренная реформа земельнаго строя въ смыслѣ обезпеченія постоянства арендъ и распространенія культуры на всѣ удобныя земли; промышленныя реформы путемъ установленія максимальнаго рабочаго времени, законовъ, покровительствующихъ труду, убѣжищъ для престарѣлыхъ рабочихъ (каждый рабочій

достигшій 55 лѣтъ имѣетъ право на пенсію въ 350 франковъ), законовъ противъ остановки работъ и т. д.

Съ того времени, какъ возстановился законный порядокъ, конституціонная коалиція утратила смыслъ своего существованія. Два главные ея элемента, младофинская и шведская партіи, въ теченіе 1906 г. мало по малу размежевались. Младофинская партія также переработала свою программу, которая въ конституціонномъ вопросѣ, разумѣется, осталась неизмѣнной, а въ отношеніи внутреннихъ реформъ стала менѣе прогрессивной, чѣмъ программа старофинновъ. Такъ напр., ея проектъ общинной реформы отмѣняетъ множественное голосованіе, но распространяетъ его только на лицъ, платящихъ подати, установленныя общиной.

Шведская партія слагалась изъ элементовъ весьма различнаго политическаго направленія: въ составъ ея входили какъ правые, такъ и очень радикальные лѣвые элементы. Главной связью между этими группами являлся общій языкъ. Партія во всей своей совокупности имѣла цѣлью энергическое отстаиваніе конституціи и автономіи, а также защиту шведскаго языка противъ тѣхъ мѣръ (фигурирующихъ въ особенности въ старофинской грограммѣ), которыя клонятся къ исключенію его изъ администраціи, преподаванія, словомъ изъ общественной жизни, и борьбу съ возможнымъ наплывомъ финскаго элемента въ шведскія области. Въ отношеніи соціальныхъ вопросовъ партія не была въ состояніи выставить общую программу и предоставила всѣмъ своимъ группамъ свободу дѣйствій.

Аграрная партія состояла исключительно изъ финскихъ элементовъ, хотя главная сущность ея программы не имѣла ничего общаго съ вопросомъ о языкахъ. Партія набирала своихъ членовъ среди мелкихъ землевладѣльцевъ; программа ея имѣла чисто аграрный характеръ, довольно близкій съ характеромъ программъ старофинновъ и соціалистовъ, но съ преобладаніемъ классовыхъ интересовъ.

Въ политикѣ эта партія шла рука объ руку съ обѣими конституціонными группами.

Прочія партіи имѣли слишкомъ ничтожное значеніе для того, чтобы стоило останавливаться на нихъ.

Во время этой избирательной кампаніи выдающуюся роль игралъ одинъ спеціальный вопросъ: вопросъ о реформѣ продажи спиртныхъ напитковъ. Во все время забастовки 1905 г., и даже въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ нея, всѣ мѣста продажи спиртныхъ напитковъ распивочно и на выносъ были закрыты. Благодаря этому обстоятельству (а также чрезвычайному обилію добровольной полиціи), пьяныхъ почти не было видно. Общества трезвости, которыя въ Финляндіи весьма многочисленны (они насчитываютъ до 33.000 членовъ) и очень дѣятельны, ссылались на этотъ „урокъ событій“ и требовали полнаго и коренного преобразованія продажи спиртныхъ напитковъ. Проектъ реформы съ новыми ограниченіями продажи напитковъ распивочно и на выносъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Сейма 1904-1905 г., но Сеймъ тогда не обсудилъ его, отказавшись по принципіальнымъ соображеніямъ разсматривать всѣ вопросы не имѣющіе отношенія къ вопросу о возстановленіи законномѣрнаго порядка. На этотъ разъ требовалось полное запрещеніе всѣхъ спиртныхъ напитковъ, „законъ о запретѣ“. Партія соціалистовъ немедленно внесла эту реформу въ свою избирательную программу и отвела ей первое мѣсто въ пропагандѣ. Тоже сдѣлала и старофинская партія, а за ней послѣдовали младофинны и аграріи. Одна шведская партія не опредѣлила своей позиціи въ этомъ вопросѣ, предоставляя и здѣсь своимъ кандидатамъ полную свободу дѣйствій.

Кругъ избирателей шведской партіи намѣчался наперед: это были граждане шведской національности, за исключеніемъ соціалистическихъ элементовъ и части христіанскихъ группъ. Но неизвѣстно было, какъ распре-

дѣлится финское населеніе между остальными четырьмя большими партіями. Повидимому, соціалисты ожидали получить въ Сеймѣ довольно малочисленную группу представителей (отъ 40 до 50 мандатовъ), тогда какъ старо-и младо-финская партіи, каждая съ своей стороны расчитывала почти на половину всѣхъ мѣстъ или, во всякомъ случаѣ, на относительное большинство. Надежды старофинновъ основывались на ихъ весьма демократической программѣ, младофинновъ—на ихъ успѣхахъ въ двухъ послѣднихъ сеймахъ.

Выборы прошли въ величайшемъ спокойствіи и, несмотря на неблагопріятное время года, къ избирательнымъ урнамъ явилось значительное число (70,7%) избирателей. Подсчетъ занялъ десять дней. Результаты были слѣдующіе (слѣдуетъ замѣтить, что разница между процентами полученныхъ голосовъ и мандатовъ происходитъ вслѣдствіе распредѣленія голосовъ по различнымъ избирательнымъ округамъ):

Партія.	Абсол. число голосовъ.	Въ %	Абсол. число голосовъ.	Въ %
Соціалистическая .	329.946	37,0	80	40,0
Старофинская . .	243.573	27,3	59	29,5
Младофинская . .	121.604	13,7	25	12,5
Шведская	112.267	12,6	24	12,0
Аграрная	51.242	5,6	10	5,0
Христіанскіе рабочіе	13.801	1.6	2	1,0
Прочія христ. группы	—	—	—	—
Прогрессивная . .	—	—	—	—
Прочія группы . .	—	—	—	—
Итого .	890.990		200	

Общее количество поданныхъ голосовъ было 899.347; число бюллетеней признанныхъ неудовлетворяющими формальнымъ условіямъ оказалось 8.357, или 0,93%, результатъ замѣчательный, если принять во вниманіе, что

огромное большинство голосовавшихъ никогда не имѣло дѣла съ избирательными бюллетенями, что система была довольно сложной и число поводовъ къ признанію бюллетеня негоднымъ значительно. Можно сказать, что финляндская избирательная система блистательно выдержала испытаніе на практикѣ.

Приведенные результаты были большой неожиданностью, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи трехъ первыхъ партій. Партія соціалистовъ становилась самой сильной въ сеймѣ и господствующей, ибо она давала абсолютное большинство, съ какою бы изъ партій ни соединилась при голосованіи. Старофинская партія получила гораздо меньше мѣстъ, нежели надѣялась; младофинны понесли чувствительное пораженіе. Въ вопросахъ, касающихся отношеній къ Россіи, было обезпечено большинство голосовъ въ духѣ бывшей конституціонной партіи (140 голосовъ противъ 60 въ круглыхъ цифрахъ). Но выборы дѣлали крайне непрочнымъ положеніе правительства, составленнаго изъ младофинской и шведской партій, которыя вмѣстѣ располагали лишь четвертой частью всѣхъ мандатовъ.

Внутреннее состояніе страны оставалось такимъ же, какъ въ 1906 г., но съ явно выраженной наклонностью къ возврату къ нормальнымъ условіямъ. Забастовки, которыя были многочисленны въ 1906 г., въ 1907 г. встрѣчались гораздо рѣже. Въ частности сельско-хозяйственныя стачки совершенно сошли со сцены. Въ промышленности такому явленію могла содѣйствовать перспектива неблагопріятныхъ коньюнктуръ вслѣдствіе всемірнаго кризиса. Что касается сельскохозяйственныхъ рабочихъ, то ихъ должны были отчасти обезнадежить неудачи стачекъ 1906 г. Арендаторы не могли отказываться отъ исполненія барщины безъ нарушенія договора объ арендѣ; въ такихъ случаяхъ собственники, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, обращались къ суду, который приговаривалъ арендаторовъ къ немедленному выселенію ихъ съ фермъ. Съ

другой стороны образовавшійся профессіональный союзъ арендаторовъ, долженъ былъ содѣйствовать бо́льшему упорядоченію аграрнаго движенія; наконецъ, несомнѣнно, и перспектива законодательнаго вмѣшательства отвращала умы отъ забастовокъ.

Акты разбоя и пропаганда насильственными дѣйствіями, однако, повторялись въ теченіе первой половины 1907 г. съ той же интенсивностью, какъ и въ концѣ 1906 г. Два начальника заводовъ были убиты однимъ рабочимъ, который затѣмъ повѣсился въ тюрьмѣ; многіе агенты полиціи пали жертвами покушеній. Желѣзнодорожная касса въ Выборгѣ въ третій разъ подверглась ограбленію и кассиръ былъ убитъ младшими служащими; въ Коуволѣ и Куопіо были убиты и ограблены кассиры фабрикъ. Убійства и грабежи частныхъ лицъ имѣли мѣсто также и въ Выборгской губерніи. Однако, въ бо́льшей части случаевъ полиціи довольно скоро удавалось открыть шайки, виновныя въ этихъ покушеніяхъ. Во второй половинѣ 1907 г. преступленія этого рода стали гораздо рѣже.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на этого рода эксцессы, экономическое положеніе было удовлетворительно. Послѣ довольно подавленнаго состоянія, господствовавшаго съ 1902 г. по 1904 г., промышленная и коммерческая дѣятельность обнаружила нѣкоторое оживленіе уже при режимѣ князя Оболенскаго, ослабившаго прежній гнетъ. 1906 г. былъ отмѣченъ замѣчательнымъ оживленіемъ. Въ 1907 г., несмотря на общій кризисъ, положеніе было относительно хорошимъ.

Сеймъ собрался 1 мая 1907 г. Первое столкновеніе партій произошло при выборахъ президіума. Соціалисты, являвшіеся наиболѣе численной партіей, заявили, что не выставятъ своего кандидата въ предсѣдатели, но потребовали для себя мѣсто перваго вице-предсѣдателя. Конституціонная группа выставила кандидатомъ на мѣсто предсѣдателя младофинна, Свинхувуда, бывшаго члена апел-

ляціоннаго суда въ Або, смѣщеннаго въ 1903 и возстановленнаго въ своей должности въ 1906 г. Но старофинны, которые не прощали ему, что въ 1905 г. онъ выступалъ въ судѣ защитникомъ Гогенталя, убійцы прокурора, и настаивалъ на оправданіи его, и не одобряли его за непримиримость, обнаруженную въ предыдущемъ конфликтѣ, отказались голосовать за него. Свинхувудъ былъ избранъ предсѣдателемъ большинствомъ 134 голосовъ, а одинъ изъ ветерановъ соціализма, афъ Уранъ (лекторъ лицея), вице-предсѣдателемъ большинствомъ 136 голосовъ (соціалистовъ и конституціоналистовъ); старофинскій кандидатъ, баронъ Пальменъ, прошелъ на мѣсто второго вице-предсѣдателя 62 голосами, такъ какъ соціалисты подавали чистые бюллетени, а голоса прочихъ партій раздѣлились.

Для бо́льшей части депутатовъ парламентская работа была дѣломъ непривычнымъ; нѣкоторое число ихъ было мало культурно. Сверхъ того, какъ и въ первой Думѣ въ Россіи, много ушло времени на излишнія рѣчи. Тѣмъ не менѣе, комиссіи въ общей сложности произвели значительную работу и Сеймъ имѣлъ возможность перейти къ обсужденію нѣкоторыхъ законовъ.

Мы не имѣемъ возможности даже вкратцѣ остановиться здѣсь на работахъ перваго демократическаго Сейма. Отмѣтимъ только положеніе вопроса объ уплатѣ вознагражденія взамѣнъ отбыванія личной воинской повинности и двѣ петиціи, принятыя Сеймомъ. Русское правительство требовало взноса военнаго вознагражденія (которое испрашивалось у Сейма 1905 г. и было имъ вотировано на одинъ 1905 г.), по 10 милліоновъ на 1906 и 1907 годы. 3.600.000 марокъ подлежали отчисленію изъ суммъ, которыми располагалъ Сеймъ, а остальныя 16.400.000 изъ ординарныхъ средствъ бюджета*). По этому вопросу мнѣнія

*) Финляндскіе налоги распадаются на два важнѣйшіе разряда: 1) ординарные, или постоянные налоги, т.-е. такіе, которые установлены на неопредѣленное время, до отмѣны или измѣненія ихъ согласнымъ рѣшеніемъ Монарха и Сейма и 2) временные налоги, вотируемые Сеймомъ

сильно раздѣлились. Соціалисты и нѣкоторые изъ членовъ конституціонныхъ группъ хотѣли совсѣмъ отказать въ этомъ требованіи. Съ другой стороны, въ пользу ассигновки указывали на то, что Сеймъ 1905 г. вотировалъ военное вознагражденіе только на 1905 г., въ точности слѣдуя своей тактикѣ не вотировать ни одной части бюджета 1906 и 1907 г.г. до полученія отвѣта на свою великую петицію, но самый текстъ отвѣта Сейма 1905 г. можно было толковать въ смыслѣ полу-обѣщанія, которое накладывало извѣстныя обязательства на новый Сеймъ. Поэтому слѣдовало бы вотировать испрашиваемую сумму, но отмѣтивъ, что ея ассигновка не должна служить прецедентомъ, и потребовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ урегулированія военнаго вопроса на основаніи конституціи. Указывалось

на опредѣленный срокъ, нынѣ на одинъ годъ, т.-е. на бюджетный періодъ, и которые по истеченіи этого срока прекращаютъ существованіе, если Сеймъ ихъ не продолжилъ. По финляндскому бюджетному праву Монархъ пользуется весьма широкими полномочіями по распоряженію ординарными налогами, изъ которыхъ составляются такъ наз. статные фонды, расходуемые на удовлетвореніе потребностей страны. Сейму ежегодно передается подробный отчетъ объ израсходованіи средствъ для того, чтобы народные представители могли убѣдиться въ употребленіи этихъ средствъ на пользы и нужды страны. Сеймъ, пользуясь правомъ провѣрки финансоваго управленія, можетъ дѣлать замѣчанія, если найдетъ, что государственныя средства расходуются несогласно съ пользою и благомъ страны. Если окажется, что ординарныхъ расходовъ не хватаетъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей страны, то Монархъ предлагаетъ Сейму ассигновать временные налоги для покрытія дефицита, при чемъ Сейму одновременно передается подробная смѣта расходовъ и приходовъ. Разсмотрѣвъ смѣтныя предположенія, Сеймъ можетъ вотировать временные налоги или отказать въ этомъ, а также ассигновать меньше, чѣмъ ему предлагаютъ, если найдетъ излишними нѣкоторыя статьи расходовъ, которыя правительство предлагаетъ покрыть ординарными средствами. Къ категоріи ординарныхъ налоговъ по большей части принадлежатъ старые налоги, новые же имѣютъ характеръ временныхъ. Таможенныя пошлины по природѣ своей должны быть временными, однако, онѣ относятся къ ординарнымъ, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что могутъ быть въ извѣстныхъ границахъ, опредѣляемыхъ нуждами и пользами страны, измѣняемы административнымъ путемъ (особенности таможенныхъ пошлинъ объясняются историческими причинами). Къ временнымъ налогамъ относятся: акцизъ на водку, солодовые напитки, игральныя карты и гербовыя пошлины.

также, что было бы умѣстно вотировать 20 милліоновъ полностью, чтобы этимъ показать, что Сеймъ не раздѣляетъ точки зрѣнія правительственнаго предложенія. Государь имѣетъ обширное (но не ограниченное) право распоряжаться ординарными средствами бюджета, но конституція требуетъ, чтобы они расходовались на нужды и благо страны, а не на взносы въ имперское казначейство; сверхъ того, Сеймъ имѣетъ право косвеннаго контроля, ибо его субсидіи предназначаются для обезпеченія общественныхъ расходовъ, на которые не хватаетъ обычныхъ рессурсовъ бюджета.

Соціалисты потребовали, чтобы рѣшеніе было принято двумя третями голосовъ, какъ касающееся права самообложенія Сейма (что, разумѣется, было равносильно провалу закона, такъ какъ они одни располагали 80 голосами); но предсѣдатель отказалъ въ этомъ, ибо рѣчь шла не о введеніи новаго налога. Тогда соціалисты стали подавать чистые бюллетени. При такихъ условіяхъ 20 милліоновъ были вотированы большинствомъ.

Двѣ чрезвычайно важныя петиціи были приняты Сеймомъ 1 октября и 1 ноября:

1) Петиція отъ 1 октября содержала просьбу къ Государю предписать выработать и внести въ слѣдующій Сеймъ проектъ новой Формы Правленія. Петиція указывала на то, что шведскіе законы 1772 и 1789 гг. въ одно и то же время представляются и устарѣвшими, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ непримѣнимыми, и во многихъ отношеніяхъ неясными, и что еще Александръ II обѣщалъ внести на разсмотрѣніе Сейма новую Форму Правленія, причемъ новый законъ не долженъ былъ являться простой кодификаціей постановленій, оставшихся въ силѣ изъ актовъ 1772 и 1789 г.г., но долженъ былъ развивать ихъ принципы согласно современнымъ требованіямъ и нуждамъ страны, расширяя права Сейма въ отношеніи бюджета,

предоставляя ему право участія въ законодательствѣ о таможенномъ тарифѣ.

2) Петиція отъ 1 ноября просила о возстановленіи законнаго порядка тамъ, гдѣ это еще не было достигнуто, т.-е. добивалась выполненія полностью всѣхъ обѣщаній, содержавшихся въ ноябрьскомъ Манифестѣ 1905 г. Петиція настаивала на отмѣнѣ Манифеста 1890 г. о почтѣ и распоряженія 1891 г. о пріемѣ русскихъ на службу въ канцеляріи генералъ-губернатора и статсъ-секретаря, отмѣнѣ приговора надъ убійцей Крамаренки, Прокопе, который былъ осужденъ русскимъ судомъ и передачѣ этого дѣла финляндскому суду. Петиція не дала никакихъ результатовъ.

Сессія Сейма, открывшаяся 22 мая, прерывалась на время каникулъ съ 20 іюня по 2 сентября и была закрыта 2 ноября 1907 г.

Затрудненія съ русскимъ правительствомъ, начавшіяся уже въ 1906 г., въ 1907 еще усилились, при поддержкѣ ихъ со стороны русской націоналистической прессы. Первое изъ нихъ было вызвано вышеизложеннымъ вопросомъ объ уплатѣ Финляндіей денежнаго вознагражденія русскому казначейству (на военныя нужды) взамѣнъ отбыванія ея жителями личной воинской повинности. Въ 1907 г. русскія требованія становились все настойчивѣе, при чемъ главное затрудненіе заключалось не въ признаніи тяготы новой повинности чрезмѣрной, а въ незаконномѣрности требованія (уже Сеймъ 1905 г. ассигновалъ военное вознагражденіе въ качествѣ временной мѣры въ ожиданіи законномѣрнаго разрѣшенія военнаго вопроса). Русскіе министры склоняли Государя къ рѣшенію взять всю сумму требуемаго платежа изъ ординарныхъ средствъ бюджета и просили отдать приказъ Сенату, чтобы онъ произвелъ этотъ взносъ. Неизбѣжнымъ результатомъ такого распоряженія былъ бы кризисъ; Сенатъ, навѣрное, подалъ бы въ отставку. Всѣ усилія Сената и министра статсъ-секретаря Финляндіи были направлены къ тому, чтобы вопросъ былъ переданъ

въ Сеймъ; имъ это удалось. Сеймъ, какъ выше отмѣчено, вотировалъ 20 милліоновъ. Но тутъ въ русской печати раздались новые вопли: Сеймъ посягаетъ на бюджетныя прерогативы Монарха; Монарху слѣдуетъ отказать въ своей санкціи такому рѣшенію и предписать Сенату внести полную сумму. Императоръ и Великій Князь, утверждая бюджетъ, сдѣлалъ замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что ему одному принадлежитъ право располагать ординарными средствами бюджета и что онъ обращаетъ на это вниманіе Сейма. Въ то же время онъ предписывалъ взять 16,400.000 марокъ изъ ординарныхъ средствъ бюджета и 3,600.000 изъ субсидій, вотируемыхъ Сеймомъ.

Законы, вотируемые Сеймомъ, посылаются Государю, который запрашиваетъ по нимъ заключеніе Сената. Генералъ-губернаторъ въ качествѣ предсѣдателя Сената при своемъ несогласіи съ заключеніемъ Сената можетъ присоединить къ нему свое особое мнѣніе.

Законъ о союзахъ, вотированный въ 1906 г. съ указанными поправками, былъ поддержанъ Сенатомъ, но генералъ-губернаторъ Герардъ далъ о немъ неблагопріятное заключеніе. Онъ не одобрялъ (это было въ началѣ 1907 г.) поправки, касавшейся союзовъ, которые употребляютъ огнестрѣльное оружіе, такъ какъ она, по его мнѣнію, слишкомъ облегчаетъ возможность обходить законъ, а также и допущенія несовершеннолѣтнихъ въ политическіе союзы. Согласно его заключенію Государь отказалъ въ своей санкціи и предписалъ Сенату выработать новый законопроектъ. Этотъ проектъ былъ составленъ въ серединѣ 1907 г. и сообразовался съ прежнимъ предложеніемъ; тѣмъ не менѣе, дѣлалось исключеніе для охотничьихъ обществъ, для которыхъ требовалось разрѣшеніе: право разрѣшенія передавалось Государю и возрастъ для вступленія въ политическіе союзы опредѣлялся въ 18 лѣтъ. Проектъ этотъ провалялся шесть мѣсяцевъ въ канцеляріи генералъ-губернатора и былъ отосланъ въ Петербургъ лишь въ январѣ 1908 г. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно.

Та же участь постигла законъ о свободѣ печати. Сенатъ далъ о немъ благопріятное заключеніе. Поправка, вводившая для не-финляндскихъ гражданъ предварительное разрѣшеніе на открытіе типографіи, и другая, относительно публикаціи документовъ русскихъ властей, внушили генералъ-губернатору сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, онъ съ своей стороны поддерживалъ этотъ законъ съ оговоркой, что вторая изъ упомянутыхъ поправокъ будетъ передана на заключеніе „соотвѣтствующихъ русскихъ министровъ“.

Поэтому министръ Финляндіи, согласно распоряженію 1891 г., запросилъ русскаго министра внутреннихъ дѣлъ по поводу сказанной поправки. Это было въ началѣ 1907 г. Прошли мѣсяцы. Осенью получилось извѣстіе, что русскій Совѣтъ Министровъ далъ свое заключеніе. Но оно выходило далеко за предѣлы пункта, который было предложено разсмотрѣть. Совѣтъ не только разсмотрѣлъ весь законъ цѣликомъ, но также и основной (уже санкціонированный) законъ 20 августа 1905 г. и даже ноябрьскій Манифестъ 1905 г. Прежде всего совѣтъ объявилъ недостаточнымъ дѣйствующій порядокъ относительно сообщенія финляндскихъ дѣлъ на разсмотрѣніе заинтересованныхъ русскихъ властей, допускающій возможность того, что зачастую русское правительство получало свѣдѣнія о мѣрахъ, затрагивающихъ русскіе интересы, лишь по ихъ опубликованіи въ Собраніи Узаконеній. Затѣмъ, Совѣтъ выразилъ сомнѣніе въ законности законопроекта о печати, внесеннаго въ Сеймъ. По мнѣнію Совѣта, Сенатъ неправильно истолковалъ ноябрьскій Манифестъ 1905 г. Въ немъ не было сказано, что Государь имѣетъ намѣреніе отказаться отъ своей, принадлежащей Ему одному прерогативы относительно законодательства по отношенію къ печати. Въ Манифестѣ упоминалось о проектахъ „основ-

ныхъ узаконеній“ (въ текстѣ Манифеста сказано „постановленій, имѣющихъ характеръ основныхъ законовъ“), предоставляющихъ гражданамъ гражданскія свободы, о проектѣ закона о печати и объ отмѣнѣ предварительной цензуры. Ничего не было сказано о томъ, что эти правила и этотъ законъ должны быть внесены въ Сеймъ; Сенатъ, вѣроятно, пошелъ въ этомъ дѣлѣ дальше намѣреній Государя. Самая идея заставить участвовать Сеймъ въ этомъ законодательствѣ является спорной, такъ какъ при этомъ способѣ сдѣлалось бы трудно, быть-можетъ, невозможно вносить въ утвержденный уже законъ измѣненія, которыя оказались бы необходимыми на основаніи опыта, но которыя были бы отвергнуты сеймомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что Сеймовый Уставъ 1869 г. (§ 51) ясно говоритъ, что Сеймъ не участвуетъ въ законодательствѣ о печати. Но это исключеніе было уничтожено параграфомъ 29 новаго Сеймоваго Устава 1906 г., что и доказываетъ вполнѣ право Сейма участвовать въ этомъ законодательствѣ. Переходя къ разсмотрѣнію подробностей закона, Совѣтъ не одобрилъ постановленія, въ силу котораго не-финляндскіе подданные (слѣдовательно, также и русскіе) не могутъ безъ предварительнаго разрѣшенія сдѣлаться типографами, книгопродавцами или редакторами періодическаго изданія, и возставалъ противъ такого ограниченія правъ русскихъ подданныхъ въ Финляндіи. Точно такъ же Совѣтъ не могъ одобрить текста, вотированнаго Сеймомъ относительно публикаціи русскихъ оффиціальныхъ документовъ. Наконецъ, постановленія относительно ввоза произведеній печати „другихъ странъ“ не дѣлаютъ никакого различія между произведеніями печати русскими и иностранными и потому также недопустимы. Съ другой стороны, Совѣтъ находилъ, что если бы этотъ законъ былъ санкціонированъ, то печатаніе произведеній на русскомъ языкѣ встрѣтило бы въ Финляндіи бо́льшую свободу, нежели въ Русской Имперіи, чего Совѣтъ также не можетъ допустить. По

всѣмъ этимъ мотивамъ Совѣтъ приходилъ къ заключенію, что законъ долженъ быть отвергнутъ. Такъ какъ было желательно, чтобы дѣла печати были урегулированы въ Финляндіи въ то же время, какъ и въ Имперіи, и такъ какъ въ Манифестѣ 17 (30) октября 1905 г. было обѣщано обезпечить законодательнымъ порядкомъ свободу печати, то Совѣтъ объявлялъ, что въ ожиданіи, пока это обѣщаніе будетъ выполнено въ Россіи, онъ считаетъ умѣстнымъ предписать Сенату обнародовать по этому предмету „временныя правила“. Какъ видимъ, легкій абрисъ правилъ 20 мая, (2 іюня) 1908 г. уже вырисовывался въ этомъ заключеніи Совѣта.

Чтобы покончить съ исторіей законопроекта о свободѣ печати, замѣтимъ, что только лѣтомъ 1908 г. онъ былъ доложенъ Государю. Государь отказалъ въ его утвержденіи и предписалъ Сенату приготовитъ новый законопроектъ для внесенія его въ Сеймъ. Этотъ проектъ былъ выработанъ и посланъ на утвержденіе Государя осенью 1908 г.; послѣ того о немъ не было ничего слышно. Повидимому, онъ долженъ находиться въ дѣлахъ Совѣта Министровъ. Въ теченіе осенней сессіи Сейма для того, чтобы подвинуть впередъ рѣшеніе вопроса, была составлена моція *). Она воспроизводила законъ, вотированный въ 1906 г., при чемъ изъ него было вычеркнуто ограниченіе правъ не-финляндскихъ подданныхъ заниматься профессіей типографа, книгопродавца и редактора, а взамѣнъ пункта о публикаціи оффиціальныхъ русскихъ документовъ постановлялось, что если они не были еще опубликованы въ Россіи, то для публикаціи ихъ въ Финляндіи необходимо разрѣшеніе генералъ-губернатора. Точно также въ теченіе той же сессіи была составлена моція относительно законопроекта о союзахъ. Ни та, ни другая не были разсмотрѣны Сеймомъ за недостаткомъ времени.

*) Законопроектъ, внесенный на разсмотрѣніе Сейма его депутатами.

Совѣтъ Министровъ вмѣшался еще и въ другой законодательный вопросъ и отмѣнилъ мѣры уже принятыя Сенатомъ. Въ числѣ распоряженій, связанныхъ съ ноябрьскимъ Манифестомъ 1905 г., одно, отъ 3 мая 1906 г., отмѣняло незаконныя мѣры принятыя при Бобриковѣ съ цѣлью введенія русскаго языка въ административныя учрежденія; Сенату было поручено установить тѣ пункты страны, въ которыхъ отъ нѣкоторыхъ служащихъ на почтѣ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ таможняхъ и полицейскихъ управленіяхъ требуется знаніе русскаго языка. 28 ноября 1906 г. Сенатъ опубликовалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе, касающееся желѣзныхъ дорогъ, и 18 апрѣля 1907 г.— касающееся почтовыхъ отдѣленій. Совѣтъ Министровъ вмѣшался въ этотъ вопросъ и поставилъ на видъ Сенату, что онъ, распространивъ постановленіе 28 ноября 1906 г. на отрѣзокъ финляндской желѣзнодорожной линіи, находящійся на русской территоріи (отъ Петербурга до границы), превысилъ свои полномочія. Генералъ-губернаторъ былъ того же мнѣнія. 29 іюня 1907 г. Государь отмѣнилъ не только постановленіе 28 ноября 1906 г., насколько оно касается вышеупомянутаго отрѣзка желѣзной дороги, но и постановленіе 18 апрѣля 1907 г.; онъ предписалъ Сенату держаться Манифеста 1890 г. (незаконнаго) относительно почты; относительно русскаго отрѣзка финляндской желѣзной дороги постановленіе должно было быть издано по соглашенію съ русскимъ министромъ путей сообщенія. Сенаторъ Грипенбергъ, завѣдывавшій экспедиціей путей сообщенія и издавшій указанныя постановленія, подалъ въ отставку.

Положеніе, которое занялъ генералъ-губернаторъ Герардъ скоро стало не нравиться русской финнофобской прессѣ. Противъ него были направлены рѣзкія нападки въ русскихъ націоналистическихъ органахъ и Герардъ вынужденъ былъ возбудить преслѣдованіе противъ „Новаго Времени“. Въ то же время противъ него интриговали

бобриковцы и въ 1907 г. неоднократно распространялся слухъ объ его отставкѣ. Отношенія между нимъ и Столыпинымъ сдѣлались натянутыми. Около половины 1907 г. въ Финляндіи стало извѣстно, что при русскомъ Совѣтѣ Министровъ образовано „особое совѣщаніе“, нѣчто въ родѣ полу-оффиціальнаго комитета, на который возложены были наблюденіе за финляндскими дѣлами, доклады о нихъ Столыпину и подготовка заключеній по финляндскимъ дѣламъ. Въ числѣ членовъ этого комитета были: Харитоновъ, бывшій помощникъ Бобрикова Дейтрихъ, бывшій Выборгскій губернаторъ Мясоѣдовъ и одинъ изъ самыхъ фанатическихъ финнофобовъ генералъ Бородкинъ.

Результатомъ происковъ бобриковцевъ было назначеніе 26 ноября 1907 г. на мѣсто помощника генералъ-губернатора генерала Зейна. Больше всѣхъ былъ изумленъ этимъ самъ Герардъ, который не просилъ о помощникѣ и которому навязали въ качествѣ сотрудника его противника. Сенсацію произвелъ самый порядокъ назначенія: оно состоялось по предложенію военнаго министра, а не министра Финляндіи, въ формѣ Указа Правительствующему Сенату, который былъ опубликованъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и затѣмъ сообщенъ Финляндскому Сенату. Это было противозаконно.

Около конца 1907 г. опять значительно обострился вопросъ о русскихъ революціонерахъ, находящихъ убѣжище въ Финляндіи. Финляндская полиція арестовала въ деревнѣ Хаапала близъ границы группу изъ одиннадцати лицъ, занятую приготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ. Въ другомъ селеніи, лежащемъ на берегу моря, въ Куоккалѣ, былъ открытъ зарытый въ землю складъ бомбъ, а въ Выборгѣ захвачена тайная типографія. Сенатъ, находя, что полиція слишкомъ малочисленна въ этой мѣстности, значительно увеличилъ ее. Требованія со стороны русскихъ властей произвести тѣ или другіе аресты и обыски начались осенью 1907 г. и затѣмъ участились въ теченіе пер-

выхъ двухъ мѣсяцевъ 1908 г. Въ своей думской рѣчи Столыпинъ перечислилъ значительное количество преступленій, „подготовленныхъ“ въ Выборгской губерніи и совершенныхъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ въ Россіи. Но кто скажетъ, что здѣсь должно быть отнесено на счетъ революціи и что было провокаціей? Если русскіе революціонеры, дѣйствительно, нерѣдко проживали въ Финляндіи (напр., Гершуни незадолго до своей смерти), то тамъ работали и агенты провокаторы. По крайней мѣрѣ, Азефъ пріѣзжалъ туда очень часто и въ средѣ русскихъ и финляндскихъ революціонеровъ былъ хорошо извѣстенъ подъ псевдонимомъ „Калмыка“. Повидимому, провокаціей было и Куоккальское дѣло.

20 октября 1907 г. по пути въ Петербургъ были арестованы четыре Финляндца. Двое изъ нихъ (одна женщина) были освобождены спустя нѣсколько дней, а двое другихъ, студентъ Стенбэкъ и журналистъ Тидеманъ, были задержаны и подвергнуты одиночному заключенію. По поводу этихъ арестовъ въ Сеймъ внесенъ былъ запросъ, обсудивъ который, Сеймъ предложилъ правительству употребить всѣ усилія, чтобы обезпечить арестованнымъ правовыя гарантіи. Однако, вмѣшательство Сената и министра Финляндіи оказалось безсильнымъ: Столыпинъ отвѣтилъ имъ, что оба арестованные финляндца уличены въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, не опредѣляя, однако, въ чемъ эти дѣйствія заключались. И нѣкоторое время спустя, оба были сосланы: Стенбэкъ въ Вологду, а Тидеманъ въ Березовъ (Впрочемъ, обоимъ удалось оттуда бѣжать).

Къ 10 февраля 1908 г., когда открылся Сеймъ, такимъ образомъ положеніе становилось все болѣе мрачнымъ. Прошлогодній президіумъ былъ переизбранъ, но слѣдуетъ отмѣтить, что соціалисты не хотѣли голосовать за Свинхувуда (вслѣдствіе позиціи, занятой имъ при голосованіи 20 милліоновъ) и подавали чистые бюллетени. Въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь предсѣдатель выразилъ общія чувства, когда

говорилъ о безпокойствѣ, вызванномъ въ странѣ кампаніей, открытой въ русской печати, и назначеніемъ на должность помощника генералъ-губернатора,—притомъ способомъ, несовмѣстимымъ съ требованіями конституціи,—лица, предшествовавшая дѣятельность коего оставила столь дурныя воспоминанія. Разумѣется, эта рѣчь вызвала бурю негодованія въ націоналистическихъ органахъ русской печати, враждебныхъ Финляндіи.

Едва собрался Сеймъ, какъ генералъ-губернаторъ Герардъ долженъ былъ покинутъ свей постъ. Финляндцы выраженіями симпатій къ уходящему генералъ-губернатору показали, что цѣнили его корректность и лояльность его намѣреній. Преемникомъ Герарда былъ назначенъ генералъ Бекманъ, командующій корпусомъ, расположеннымъ въ Финляндіи. Это назначеніе состоялось въ томъ же порядкѣ, какъ и назначеніе Зейна, при чемъ спеціальное постановленіе гласило, что такой порядокъ назначенія останется, какъ правило, и на будущее время.

Скоро далъ себя почувствовать еще одинъ чрезвычайно важный симптомъ. Двѣ первыя Гос. Думы были расположены къ Финляндіи. При открытіи Сейма 1907 г. Дума послала ему привѣтственную телеграмму. Третья Дума, избранная по новому закону, давшему преобладаніе консервативнымъ элементамъ, напротивъ того обнаружила къ Финляндіи враждебное отношеніе. Правыми группами и октябристами въ Думу были внесены запросы о положеніи Финляндіи въ Русской Имперіи: правѣ министра Финляндіи входить къ Государю съ докладами по дѣламъ Финляндіи непосредственно, не сообщая о нихъ русскимъ министрамъ, соединеніи русскихъ и финляндской желѣзнодорожныхъ сѣтей, попустительствѣ финляндскихъ властей революціоннымъ происканъ.

Тогда конституціонныя партіи Сейма (младофинская и шведская) внесли запросы, въ которыхъ, ссылаясь на угрожающіе симптомы вражды къ Финляндіи, онѣ ставили

вопросъ правительству о позиціи, какую оно займетъ для защиты правъ Финляндіи. Интерпеллянты не обращали острія своихъ запросовъ противъ Сената, они преслѣдовали цѣль — вызвать со стороны Сейма декларативныя заявленія по существу запросовъ. Но въ это же время выступила съ интерпелляціей и старофинская партія съ такими заключеніями въ духѣ этой партіи, которыя должны были вызвать вотумъ недовѣрія. Запросы были внесены 17 и 18 февраля. Въ засѣданіи 26 февраля вице-предсѣдатель Сената Мехелинъ отъ имени правительства (Сената) отвѣчалъ на запросы, при чемъ, между прочимъ, сообщилъ, что Сенатъ просилъ Государя о созывѣ смѣшанной комиссіи съ возложеніемъ на нее порученія обсудить вопросы, возбужденные февральскимъ Манифестомъ 1899 года. Комиссія основныхъ законовъ, которой поручено было выработать редакцію мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, представила свой докладъ 19 марта. Въ теоретическихъ вопросахъ всѣ партіи оказались солидарными. Зато въ вопросахъ политической тактики, въ оцѣнкѣ позиціи правительства (Сената) обнаружилось непримиримое расхожденіе, вслѣдствіе чего формула, резюмирующая дебаты, носила неясный, расплывчатый характеръ: „правительству слѣдуетъ, придерживаясь законовъ страны, дѣлать все возможное, чтобы предотвратить опасности, угрожающія странѣ“. Представитель аграрной партіи заявилъ, что, по его мнѣнію, правительство обнаружило слабость при защитѣ конституціи. Соціалисты обвиняли Сенатъ въ замедленіи необходимыхъ реформъ и въ содѣйствіи угнетенію пролетаріата, а также въ томъ, что выдачей революціонеровъ, совершившихъ политическія преступленія подъ вліяніемъ бюрократическаго террора, Сенатъ вызываетъ недовольство тѣхъ группъ русскаго народа, которыя отстаиваютъ права Финляндіи, обнаруживаетъ уступчивость передъ натискомъ русской реакціи и неспособность отбиваться отъ ея аттакъ. Наконецъ, старофинны упрекали Сенатъ въ томъ, что онъ не сдѣлалъ всего

необходимаго для устраненія затрудненій и разсѣиванія русскихъ подозрѣній. Старофинны ставили Сенату въ вину— распущеніе таганцевской комиссіи, въ которой, по ихъ мнѣнію, можно было добиться соглашенія по поводу февральскаго Манифеста 99 года и слабость, обнаруженную въ отношеніи русскихъ революціонеровъ, въ дѣлѣ Воймы и проч...

Для голосованіе въ финляндскомъ Сеймѣ установленъ особый порядокъ. Какъ при запросахъ, такъ и при голосованіи законодательныхъ мѣръ всѣ предложенные тексты (переходныя формулы или поправки) должны быть подвергнуты баллотировкѣ. Такъ какъ поданные голоса заключаются въ „да“ или „нѣтъ“, то два текста противополагаются одинъ другому такимъ способомъ, что „да“ означаетъ согласіе на одинъ текстъ, а „нѣтъ“ на другой. Принятый такимъ образомъ текстъ сопоставляется съ третьимъ и т. д., пока всѣ предложенія не будутъ исчерпаны. Такимъ образомъ, количество голосованій на одно меньше числа внесенныхъ формулъ. Текстъ, предложенный соотвѣтствующей комиссіей, всегда оставляется на послѣднее голосованіе, и баллотировка начинается съ формулъ, наиболѣе отклоняющихся отъ этого текста. Въ данномъ случаѣ были налицо 3 формулы: одна комиссіи, другая соціалистовъ и третья старофинская. Четвертая была предложена въ засѣданіи шведскимъ депутатомъ Шибергсономъ; она являлась видоизмѣненіемъ формулы комиссіи (изъ ея текста устранялось все, что могло бы показаться положительнымъ выраженіемъ довѣрія) и такимъ образомъ представляла попытку пріобрѣсти голоса старофинской партіи. Формула комиссіи оставлялась на послѣднее голосованіе и, слѣдовательно, первое должно было происходить между формулами соціалистовъ и старофинновъ для выдѣленія контръ-предложенія для слѣдующаго голосованія.

Старофинны наканунѣ голосованія сообщили конституціоннымъ группамъ, что, если онѣ будутъ голосовать

при первой подачѣ голосовъ противъ ихъ формулы за ту, которая выставлена соціалистами, то старофинны воздержатся при послѣднемъ голосованіи и это дастъ побѣду соціалистической формулѣ.

Соціалисты держали свои намѣренія въ тайнѣ, но были всѣ основанія предполагать, что, если при первомъ голосованіи ихъ формула не пройдетъ, то при послѣдующемъ они будутъ подавать чистые бюллетени. Въ такомъ случаѣ старофинская формула должна была пройти однимъ или двумя голосами.

Голосованіе происходило 25 марта 1908 г. Формула старофинновъ, составлявшая контръ-предложеніе для соціалистической, была отклонена, получивъ за себя 67 голосовъ противъ 117. Второе голосованіе дало побѣду формулѣ соціалистовъ надъ текстомъ Шибергсона. При третьемъ голосованіи текстъ соціалистовъ былъ принятъ 71 голосомъ противъ 47, поданныхъ за текстъ комиссіи (при этомъ 10 бюллетеней было признано негодными и 56 деп. воздержались отъ голосованія). Повидимому, исходъ голосованія былъ неожиданностью для соціалистовъ, неповѣрившихъ старофиннамъ, что тѣ, дѣйствительно, воздержатся отъ голосованія.

Создавшееся положеніе заключало въ себѣ ту странность, что вотированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ представлялъ собой лишь мнѣніе меньшинства. Съ другой стороны, Сенатъ, зависящій лишь отъ Государя, строго говоря, не низвергается вотумомъ недовѣрія. Тѣмъ не менѣе Сенатъ объявилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ выйти въ отставку, чтобы создать такимъ образомъ прецедентъ. На слѣдующій день хозяйственный отдѣлъ Сената вручилъ генералъ-губернатору коллективное заявленіе объ отставкѣ, ссылаясь на то, что результатъ голосованія доказываетъ, что ему отказываютъ въ своемъ довѣріи двѣ группы, образующія большинство Сейма.

Соціалистическая формула не могла повести ни къ чему другому, кромѣ роспуска Сейма. Поэтому никто и не былъ удивленъ послѣдовавшимъ роспускомъ (16 апрѣля 1908 г.). Новые выборы назначались на 1 іюля и новый Сеймъ созывался на 1 августа.

IV.

Съ весны 1908 до іюня 1909 г.

Въ промежуткѣ между роспускомъ Сейма и новыми выборами въ Госуд. Думѣ происходило обсужденіе запросовъ о финляндскихъ дѣлахъ. 5/18 Мая Столыпинъ произнесъ въ Думѣ свою извѣстную програмную рѣчь, въ которой заявилъ, что правительство будетъ отстаивать верховныя права Россіи надъ Финляндіей, что Финляндія есть „составная часть русской Имперіи, а Имперія управляется объединеннымъ Правительствомъ, которое отвѣтственно передъ Государемъ за все происходящее въ государствѣ“. Ему отвѣчалъ Милюковъ, подвергшій обстоятельной критикѣ юридическіе софизмы г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ и по поводу приведеннаго тезиса его замѣтившій, что въ немъ „истина и ошибка смѣшаны“. Финляндія есть „составная часть государства“ и финляндцы сами никогда этого не отрицали; уже Сеймъ 1891 г. такъ характеризовалъ государственно-правовое положеніе Финляндіи: „Финляндія, пользуясь государственной автономіей, нераздѣльно соединена съ Россійской Имперіей и составляетъ часть Россійскаго государства“. Отмѣчая, что это оффиціальное утвержденіе проходитъ черезъ всѣ оффиціальные документы послѣ 91 г. и вошло, между прочимъ, въ ту формулу, которая на только что распущенномъ Сеймѣ принята комиссіей основныхъ законовъ, какъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, Милюковъ обра-

щался съ вопросовъ къ сочинителямъ басни о финляндскомъ сепаратизмѣ: „какъ же, при такихъ условіяхъ, вы рѣшаетесь говорить, будто Финляндія не признаетъ, что она есть часть русскаго государства?“ Но въ словахъ: „Имперія управляется объединеннымъ Правительствомъ, которое отвѣтственно передъ Государемъ за все происходящее въ государствѣ“,—присоединенныхъ къ положенію, что „Финляндія есть составная часть Русской Имперіи“—заключается и съ государственно-правовой точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія практической величайшая ересь и величайшая опасность. Заключающееся тутъ утвержденіе, что надъ Финляндіей есть высшая инстанція и что этой высшей инстанціей служатъ общеимперскія учрежденія, безусловно противорѣчитъ существующимъ фактамъ и отношеніямъ. Имперія и Финляндія—двѣ правовыя сферы. Финляндія—часть русскаго государства, но Финляндія управляется особыми законами, съ особымъ правительствомъ, а не общеимперскими учрежденіями.

Положительный результатъ обсужденія запросовъ оказался достаточно ничтожнымъ, ибо октябристы взяли свой запросъ обратно, а формула перехода къ очереднымъ дѣламъ правыхъ была отвергнута. Но было совершенно ясно, что правовая точка зрѣнія Милюкова не раздѣляется большинствомъ Государственной Думы и въ этомъ заключалась серьезная угроза для будущаго.

Столыпинымъ были обѣщаны акты: „Правила“ 20 мая (2 іюня) были осуществленіемъ его обѣщаній. Не входя здѣсь въ анализъ противозаконности новой мѣры (общеимперское учрежденіе обращалось въ высшую инстанцію надъ Финляндіей), отмѣтимъ лишь, что „правила“, являющіяся дальнѣйшимъ шагомъ по пути того „объединенія“ Финляндіи съ Имперіей, которое начато было февральскимъ Манифестомъ 99 г., никогда не были объявлены Сенату оффиціально.

Сенатъ немедленно составилъ меморію для Государя съ изложеніемъ возраженій, которыя вызываются принятымъ рѣшеніемъ. Она была лебединой пѣснью этого Сената: уже въ маѣ прокуроръ Сената получилъ извѣщеніе, что Государь находитъ его поведеніе въ дѣлѣ „Воймы“ слишкомъ слабымъ и что онъ увольняется въ отставку; въ началѣ же іюля была формально принята отставка четырехъ сенаторовъ и въ томъ числѣ отставка вице-предсѣдателя Сената Л. Мехелина. Такъ какъ раньше уже вышли въ отставку: Кари (весной 1907 г.), Грипенбергъ (лѣтомъ того же года) и Стольбергъ (осенью тоже 1907 г.), то получилось семь сенаторскихъ вакансій. Съ ихъ замѣщеніемъ рѣшили подождать до окончанія выборовъ, при чемъ скоро стало извѣстно, что ведутся переговоры объ образованіи коалиціоннаго Сената изъ двухъ финскихъ партій и шведской.

Выборы, естественно, не произвели большихъ измѣненій въ составѣ Сейма. Всѣ маленькія группы, появившіяся на первыхъ выборахъ, теперь сошли со сцены. Несмотря на болѣе благопріятное время года, процентъ участвовавшихъ въ голосованіи былъ ниже (64,4%). Результаты выборовъ были таковы:

Партіи.	Подано голосовъ.	%	Получено мѣстъ.	%
Соціалистическая	310.826	38,4	83	41,5
Старофинская . .	205.892	25,5	54	27,0
Младофинская .	115.201	14,2	27	13,0
Шведская . . .	103.146	12,7	25	12,5
Аграрная . . .	51.756	6,4	9	4,5
Христ. рабочіе .	18.848	2,3	1	1,0
Прочія	3.772	0,5	0	—
Всего .	809.441	—	200	—

Число бюллетеней, оказавшихся испорченными, было 7.896, общее число голосовавшихъ 817.337 (вмѣсто 899.347 въ 1907 г.) Всѣ партіи потеряли избирателей,

кромѣ аграрной, которая, тѣмъ не менѣе, потеряла одно мѣсто, и христіанскихъ рабочихъ, силы которыхъ очень раздѣлились, благодаря чему они не могли выиграть новаго мѣста.

Для образованія Сената представлялась необходимость въ коалиціи. Тѣмъ не менѣе, переговоры были крайне трудны и, повидимому, только опасеніе, что Столыпинъ составитъ списокъ изъ послушныхъ креатуръ, заставило замолкнуть партійные раздоры *). Новый хозяйственный департаментъ, въ которомъ вице-предсѣдательское мѣсто досталось Эдв. Ельту, бывшему ректору университета, состоялъ изъ шести членовъ, заявлявшихъ о своей принадлежности къ т. н. конституціоннымъ группамъ, и изъ пяти старофинновъ. Судебный департаментъ кризисомъ не затрагивался.

Сеймъ открылся 1 августа. Программа работъ его, естественно, заключалась въ возвращеніи къ вопросамъ, возбужденнымъ предыдущимъ Сеймомъ и пріостановленнымъ его роспускомъ.

При разсмотрѣніи бюджета на этотъ разъ возникалъ еще одинъ важный вопросъ, по поводу требованія новаго взноса въ русское казначейство. Лѣтомъ 1899 г. Государь постановилъ, по предложенію Бобрикова, что необходимо соединить при помощи спеціальной вѣтви съ мостомъ черезъ р. Неву сѣть финляндскихъ съ сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ, (всѣ вокзалы которыхъ находятся на лѣвомъ берегу Невы). Сенатъ объявилъ въ концѣ 1900 г., что вопросъ этотъ подлежитъ предварительному изученію. Съ этой цѣлью въ 1901 г. была учреждена смѣшанная комиссія. Въ то же время Бобриковъ поднялъ вопросъ объ ассимиляціи подвижного состава и полотна для того, чтобы явилась возможность обмѣна вагонами, Въ 1904 г. составилась новая комиссія, на этотъ разъ чисто русская

*) Составъ новаго Сената не былъ, однако, результатомъ коалиціи партій.

и ея рѣшенія были утверждены 7 мая 1904 г.: ими на Финляндію возлагалась часть расходовъ по соединенію дорогъ между собой. Тогда Сенатъ предложилъ опредѣлить финляндскую долю въ $2^1/_2$ милліона рублей, но не упомянулъ, что ассигновка должна быть вотирована Сеймомъ, и рескриптомъ отъ 21 іюля 1904 г. требуемая отъ Финляндіи сумма была установлена въ указанномъ размѣрѣ. Сеймъ 1905 г. принялъ петицію, которая добивалась пересмотра этого дѣла, чтобы всесторонне изучить его послѣдствія, финансовыя, техническія, экономическія, и передать вопросъ на разсмотрѣніе Сейма. Затѣмъ произошелъ кризисъ 1905 г. Въ своемъ заключеніи по поводу этой петиціи Сенатъ (это происходило въ мартѣ 1906 г.) указывалъ, что осуществленіе программы 1904 г. можетъ повлечь за собой значительные расходы, а потому вопросъ о томъ, какъ это отразится на бюджетѣ, дѣйствительно, необходимо передать на разсмотрѣніе Сейма. Тѣмъ не менѣе петиція была отвергнута. Отвергнуто было и ходатайство Сената, чтобы взносъ вошелъ въ проектъ бюджета, который будетъ представленъ Сейму.

Мнѣнія по вопросу о той позиціи, какую Сеймъ долженъ занять въ этомъ дѣлѣ, раздѣлились. Одни предлагали декларацію, заявляющую, что такой взносъ въ русское казначейство не можетъ быть произведенъ безъ участія Сейма въ его ассигнованіи, чѣмъ предрѣшалось, что Сенатъ, если онъ захочетъ держаться конституціоннаго пути, долженъ будетъ отказать въ уплатѣ требуемой суммы; другіе считали, что вопросъ формально разрѣшенъ постановленіемъ отъ 21 іюля 1904 г. и находили, что Сеймъ можетъ высказать свои возраженія лишь послѣ того, какъ уплата будетъ произведена; въ данный моментъ не о чемъ говорить. Это мнѣніе одержало верхъ на Сеймѣ благодаря голосамъ соціалистовъ, которые послѣ голосованія вотума недовѣрія, вызвавшаго отставку Сената и роспускъ Сейма, стали обнаруживать крайнюю осторожность во всѣхъ во-

просахъ этого рода. Взносъ $2^1/_2$ м. рублей въ русское казначейство былъ произведенъ.

Правительство представило законопроектъ объ арендѣ земельныхъ участковъ. Съ другой стороны, были внесены моціи, касавшіяся спеціально нѣкоторыхъ видовъ аренды, наиболѣе важныхъ въ земледѣліи. Законодательная аграрная комиссія рѣшила ограничить правительственный проектъ одними этими видами аренды. Работа была облегчена обширной анкетой, предписанной въ 1898 г. по иниціативѣ Бобрикова (съ очевидными политическими намѣреніями). Эта анкета охватывала всѣ общины и заключала въ себѣ свѣдѣнія о распредѣленіи земель, о числѣ хозяйствъ, которыя имѣютъ или арендуютъ эксплуатируемыя фермы, или вовсе ими не располагаютъ, о количествѣ скота и пр. Статистическіе результаты этой анкеты, работы—замѣчательной по своей обширности,—въ настоящее время находятся въ печати, резюмэ же анкеты въ формѣ атласа опубликовано съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ Финляндскимъ Географическимъ Обществомъ. Законопроектъ, принятый Сеймомъ 27 октября 1908 г., исходитъ изъ той мысли, что во взаимоотношеніяхъ между собственникомъ и арендаторомъ этотъ послѣдній поставленъ въ подчиненное положеніе, почему законъ долженъ ему оказать покровительство. Продолжительность срока аренды была опредѣлена въ 50 лѣтъ, какъ наименьшій, и въ 100 лѣтъ, какъ наибольшій срокъ (ничтожное меньшинство голосовъ требовало 25 лѣтъ для минимальнаго срока), въ теченіе котораго арендная плата не можетъ быть измѣнена.

Обязателенъ письменный договоръ съ опредѣленіемъ арендной платы въ денежныхъ единицахъ. Арендная плата натурой или рабочими днями можетъ быть сохранена, но только съ согласія обѣихъ сторонъ (соціалисты хотѣли уничтожить это исключеніе); опредѣлялся максимумъ рабочаго дня. Права арендатора на вознагражденіе за улучшеніе были чрезвычайно расширены, чтобы обезпечить за

нимъ прибавочную стоимость земли, проистекающую изъ его трудовъ. Арендаторъ въ правѣ передавать свое право аренды другому лицу съ согласія собственника.

Въ случаѣ смерти прямые наслѣдники могутъ принять на себя продолженіе аренды. Поводы для расторженія договора были болѣе ограничены, нежели въ прежнемъ законодательствѣ, и строго ограничены случаями злоупотребленія или оставленія фермы. Договоръ региструется, чѣмъ обезпечивается право арендатора въ случаѣ продажи имѣнія. Для наблюденія за правильностью договора и для разрѣшенія возникающихъ споровъ въ каждой общинѣ учреждается „арендная комиссія“, составленная въ равномъ числѣ (по 1 или 2) изъ арендаторовъ и собственниковъ, которая избираетъ предсѣдателя и его товарища. Въ случаѣ спора эта комиссія играетъ роль мирового суда. Процессъ, не законченный этой комиссіей, переносится въ судъ первой инстанціи, послѣдней инстанціей является апелляціонный судъ. Спеціальный законъ распространялъ на договоры, заключенные раньше, дѣйствіе новаго закона въ отношеніи вознагражденій, и при договорахъ на различные сроки признавалъ за ними силу на оставшееся время до установленнаго срока.

По предложенію правительства Сеймомъ былъ принятъ и другой аграрный законопроектъ большой важности. Предпріятія, работающія въ отрасли лѣсопромышленности и бумажнаго производства, за послѣдніе два десятка лѣтъ скупали много имѣній, чтобы обезпечить за собой необходимую для этой промышленности лѣсную площадь. Эти пріобрѣтенія становились опасными для земледѣлія, главнымъ образомъ потому, что земледѣльческая эксплуатація для этихъ предпріятій являлась дѣломъ второстепеннымъ. Законопроектъ предлагалъ, чтобы на будущее время, общества и частныя лица, работающія въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ сырымъ матеріаломъ является дерево, не имѣли права покупки цѣлыхъ имѣній, но по-

купали бы лишь лѣсные участки, не представляющіеся необходимыми для сельскохозяйственныхъ эксплуатацій, существующихъ или будущихъ (удобныя, еще не тронутыя земли).

Реформа общиннаго законодательства, выдвинутая 4 моціями первой сессіи 1908 г., также была проведена вторымъ Сеймомъ. Всѣ были согласны относительно распространенія избирательнаго права на женщинъ и отмѣны этого права у анонимныхъ обществъ; кромѣ того, почти весь Сеймъ требовалъ отмѣны множественныхъ голосовъ.

Но въ остальномъ выдвигалось три принципа.— Младофинны требовали отмѣны множественнаго вотума и распространенія избирательнаго права на всѣхъ жителей общины, платящихъ налоги общинѣ.—Старофинны требовали распространенія избирательнаго права на всѣхъ жителей, достигшихъ 21 года, кромѣ нѣсколькихъ исключеній (нищіе, живущіе на средства попечительствъ, лица, не уплатившія своихъ налоговъ). Для того, чтобы предотвратить опасность, которую могло бы причинить общиннымъ финансамъ преобладаніе классовъ, не платящихъ или платящихъ мало налоговъ, общиннымъ гласнымъ предоставлялось право рѣшать только обыкновенные вопросы. Для важныхъ вопросовъ (займы, продажа и покупка общиннаго имущества, утвержденіе бюджета, новыя предпріятія) къ гласнымъ присоединяются добавочные члены, избираемые только платящими налоги; для рѣшенія этихъ вопросовъ требуется квалифицированное большинство; сверхъ того, устанавливаются предѣлы обложенія доходовъ.— Наконецъ, соціалисты требовали пониженія возраста избирателей до 20 лѣтъ, уничтоженія всякихъ исключеній и введенія вмѣсто усиленнаго совѣта референдума. Моціи требовали также небольшихъ реформъ налога на доходъ; одни соціалисты предлагали переходъ отъ пропорціональной системы къ рѣзко прогрессивному подоходному налогу. Проектъ, принятый Сеймомъ, въ главныхъ чертахъ близко

подходитъ къ моціи старофинской партіи. Рѣшенія усиленнаго совѣта должны быть приняты большинствомъ двухъ третей голосовъ; всякое увеличеніе налога на доходъ свыше 5% общей его суммы требуетъ большинства 3/4 голосовъ. Допускается пониженіе установленнаго налога соотвѣтственно числу дѣтей.

Наконецъ, 30 октября Сеймъ принялъ петицію по поводу Правилъ 20 мая (2 іюня) 1908 г. Петиція приводила юридическія и практическія соображенія относительно этихъ Правилъ, выражала надежду Сейма, что, если Государь находитъ желательнымъ видоизмѣнить порядокъ обсужденія для извѣстной категоріи дѣлъ, то соотвѣтствующій законопроектъ будетъ внесенъ на обсужденіе Сейма, а также содержала ходатайство Сейма, чтобы порядокъ разсмотрѣнія финляндскихъ дѣлъ, установленный „Правилами“ 20 мая (2 іюня), немедленно былъ согласованъ съ конституціонными принципами. Соціалисты предлагали текстъ, въ которомъ отвергалась бы всякая мысль объ уступкахъ. Но этотъ текстъ былъ отклоненъ большинствомъ 102 голосовъ противъ 81.

Сеймъ былъ закрытъ 31 октября. Въ своей рѣчи, произнесенной въ тронномъ залѣ, предсѣдатель Свинхувудъ явился выразителемъ чувствъ страны и говорилъ о только что принятой петиціи.

При условіяхъ, въ какихъ примѣнялись Правила 20 мая (2 іюня), всѣ финляндскія дѣла проходили черезъ Совѣтъ Министровъ. Даже когда Совѣтъ не высказывалъ по поводу ихъ никакихъ соображеній, все таки происходило промедленіе въ нѣсколько мѣсяцевъ; но Совѣтъ очень часто дѣлалъ возраженія, которыя далеко не всегда вызывались соображеніями объ „интересахъ Имперіи“. Стоя между мнѣніемъ финляндскихъ властей и мнѣніемъ своихъ русскихъ совѣтниковъ, Государь чаще всего склонялся въ пользу послѣдняго. И, такимъ образомъ, Совѣтъ

скоро фактически явился могущественной уздой для правительства Финляндіи.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ 1908 г. Государь согласно заключенію Совѣта отклонилъ нѣсколько бюджетныхъ ассигновокъ и между прочимъ ассигновку на учрежденіе новой больницы въ Таммерфорсѣ, такъ какъ рессурсы бюджета (финляндскаго) представлялись недостаточными и т. п.

Но наиболѣе обратили на себя вниманіе тѣ заключенія Совѣта, которыя касались важныхъ законодательныхъ вопросовъ, между прочимъ слѣдующихъ:

1. Проектъ закона о промышленности и торговлѣ, предназначенный для внесенія на Сеймъ 1908 г., былъ задержанъ Совѣтомъ, который былъ того мнѣнія, что проектъ слѣдуетъ возвратить Сенату съ тѣмъ, чтобы онъ включилъ во многихъ пунктахъ, указанныхъ Совѣтомъ, заявленіе, что правами, опредѣляемыми этимъ закономъ, пользуются также и русскіе подданные. Съ этимъ согласился Государь. Любопытно, что рѣчь шла не о новомъ законопроектѣ. Это былъ текстъ, уже дважды утвержденный Государемъ, дважды вносившійся въ Сеймъ (въ 1907 и 1908 г.) и теперь вновь представленный на утвержденіе Государя (такъ какъ каждая сессія Сейма образуетъ отдѣльное законодательство и потому всякій проектъ, не подвергавшійся разсмотрѣнію, является недѣйствительнымъ).

2. Совѣтъ высказался за отклоненіе петиціи Сейма 1906 г. относительно полнаго возстановленія законнаго порядка и просьбы Сената объ отмѣнѣ Манифеста 1890 г. о почтѣ.

3. Онъ высказался за отклоненіе и другой просьбы Сената—относительно окончательнаго урегулированія въ конституціонномъ порядкѣ военнаго вопроса.

4. Онъ высказался за отклоненіе законопроекта о печати, вотированнаго въ 1906 г.

5. Онъ высказался за отклоненіе, или по крайней мѣрѣ за другое направленіе законопроекта объ отвѣтственности членовъ правительства. Какъ уже было сказано выше, Сеймъ внесъ поправки въ правительственный проектъ. Эти поправки, въ частности распространеніе отвѣтственности на прокурора Сената и отмѣна разницы въ двухъ процедурахъ преданія суду, побудили генералъ-губернатора Герарда дать о проектѣ неблагопріятное заключеніе и Государь отказалъ въ его утвержденіи 17 мая 1907 г., предложивъ въ то же время Сенату выработать новый законъ. Сенатъ представилъ новый проектъ 17 іюля 1907 г.; онъ принялъ большую часть поправокъ Сейма, за исключеніемъ отличія между категоріями незаконности, принявъ въ этомъ отношеніи редакцію первоначальнаго проекта. Совѣтъ разсмотрѣлъ этотъ проектъ лишь въ концѣ 1908 г., безъ сомнѣнія, въ октябрѣ. Онъ отвергнулъ его цѣликомъ и предложилъ, чтобы Сенату было поручено выработать новый законъ. Этотъ проектъ долженъ былъ носить характеръ обыкновеннаго закона, а не основного. Кромѣ того, онъ долженъ былъ ограничиться предоставленіемъ Сейму такого же права запросовъ, какое предоставляется Думѣ по русскимъ законамъ; право это должно ограничиваться „внутренними дѣлами Финляндіи, не касаясь мѣръ, принимаемыхъ законодательными и другими учрежденіями и властями русской Имперіи, вопросовъ, которые не входятъ въ число внутреннихъ дѣлъ Финляндіи“. Совѣтъ забылъ при этомъ, что Сеймовый Уставъ, утвержденный въ 1906 г., уже давалъ этому учрежденію болѣе широкое право интерпелляціи. Императоръ и Великій Князь присоединился и къ этому мнѣнію; съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ, повидимому, не подвинулся ни на шагъ впередъ.

6. Второй Сеймъ 1908 г. въ своей петиціи протестовалъ противъ того, что Совѣтъ разсматривалъ даже вопросы, которые касались исключительно чисто финляндскихъ дѣлъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ

„интересамъ Имперіи“. 13 ноября, спустя нѣсколько дней послѣ закрытія Сейма, стало извѣстно, что 22 октября Государь одобрилъ предложеніе Совѣта, чтобы всѣ вопросы бюджетныхъ ассигновокъ изъ ординарныхъ средствъ, безъ всякихъ исключеній, подвергались разсмотрѣнію Совѣта, прежде доклада ихъ Государю. Это было косвеннымъ отвѣтомъ на критическія замѣчанія Сейма. Уничтожалось призрачное различіе между „дѣлами, касающимися общихъ интересовъ Имперіи“ и „дѣлами мѣстными“, которое какъ будто бы еще проводилось въ Правилахъ 20 мая (2 іюня).

7. Что касается военнаго вопроса, то именно Совѣтъ внушилъ Государю вышеизложенное рѣшеніе относительно 20 милліоновъ, вотированныхъ Сеймомъ.

Эти постепенныя, повторяющіеся при каждомъ удобномъ случаѣ нарушенія правъ Финляндіи, все еще, однако, не удовлетворяли антифинляндскихъ стремленій сотрудниковъ Столыпина по вышеупомянутому особому совѣщанію. Все старались использовать; напримѣръ, когда Императорская яхта „Штандартъ“ потерпѣла аварію въ финляндскихъ шхерахъ, русская національстическая пресса поспѣшила потребовать уничтоженія финляндскаго лоцманскаго вѣдомства, или просто на просто его сліянія съ русскимъ. Разслѣдованіе тогда же показало, что крушеніе произошло въ каналѣ, изслѣдованномъ русскими гидрографами, и что утесъ не былъ открытъ потому, что они не хотѣли примѣнить болѣе точныхъ методовъ, употребляемыхъ въ финляндскомъ вѣдомствѣ; но эти факты, хотя и были констатированы, не помѣшали вести дальше начатую кампанію. Всякаго рода инциденты, крупные и ничтожные, служили темой для нападокъ, въ которыхъ факты извращались или, въ случаѣ надобности, вымышлялись, чтобы всегда закончить однимъ и тѣмъ же: необходимо „укротить“ финляндскихъ сепаратистовъ, положить конецъ „мнимой автономіи“, эксплуатаціи Россіи Финляндіей, „снова завоевать“ страну и т. д.

Таково было положеніе, когда Сеймъ собрался въ февралѣ 1909 г. Можно было ожидать, что отвѣтъ предсѣдателя на тронную рѣчь коснется всѣхъ вышеприведенныхъ мѣръ. Для того, чтобы не допустить этого, Совѣтъ Министровъ вернулся къ тактикѣ, раньше усвоенной Бобриковымъ. Во время Сейма 1904-1905 г. тальманы четырехъ сословій (которые тогда назначались Государемъ) получали совѣтъ ограничиваться однимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Сейма безъ всякихъ комментарій. То же было сдѣлано и на этотъ разъ. Сверхъ того, Совѣтъ предложилъ измѣнить церемоніалъ открытія и закрытія, сдѣлать его менѣе торжественнымъ, за исключеніемъ открытія перваго и закрытія послѣдняго засѣданій трехлѣтняго періода. Сеймъ былъ открытъ 15 февраля. Составъ президіума нѣсколько видоизмѣнился. Соціалисты упорствовали въ своей тактикѣ не голосовать за предсѣдателя, остальныя же партіи вступили въ соглашеніе и избрали Свинхувуда предсѣдателемъ, Листо (старофиннъ) первымъ и Сёдергольма (шведъ) вторымъвице-предсѣдателями. Генералъ-губернаторъ Бекманъ извѣстилъ предсѣдателя о желаніи, выраженномъ Государемъ (согласно заключенію Совѣта Министровъ), чтобы въ рѣчи его не было никакихъ комментарій. Свинхувудъ не счелъ возможнымъ подчиниться незаконному требованію и его рѣчь въ тронной залѣ (18 февраля) содержала упоминаніе о петиціи 30 октября 1907 г., застрявшей въ пути, и о непрекращающемся вмѣшательствѣ Совѣта въ финляндскія дѣла. Спустя 48 часовъ послѣ этого Сеймъ былъ распущенъ, новые выборы назначены на 1 и 3 мая 1909 г. и новый Сеймъ созывался на 1 іюня.

Въ теченіе избирательной кампаніи произошелъ новый правительственный кризисъ, распространившійся на этотъ разъ и на судебный департаментъ Сената. И на этотъ разъ онъ былъ вызванъ вмѣшательствомъ Совѣта Министровъ.

Сеймъ 1907 г. между прочими проектами законовъ вотировалъ петицію, испрашивавшую новую Форму Пра-

вленія и другую съ просьбой пересмотра правилъ о содержаніи лютеранскаго духовенства; сверхъ того, по обыкновенію, сдѣланы были замѣчанія на докладъ правительства относительно бюджета истекшаго года.

Съ начала января 1909 г. стало извѣстно уже, что совѣтъ министровъ, познакомившись съ этими замѣчаніями по поводу бюджета и съ первой петиціей, объявилъ, что оба эти акта не подлежатъ представленію Государю, такъ какъ Сеймъ былъ распущенъ. Затѣмъ въ серединѣ февраля въ газетахъ появилось извѣстіе, что совѣтъ разсматривалъ также и петицію о лютеранскомъ духовенствѣ (совершенно неизвѣстно подъ какимъ предлогомъ, ибо тутъ не требовалось даже ассигновокъ изъ бюджетнаго кредита и рѣчь шла о самой „мѣстной“ мѣрѣ, если только вообще мѣстныя мѣры существуютъ), что при этомъ онъ еще разъ выразилъ мнѣніе, что эта петиція, какъ исходящая отъ Сейма, который былъ распущенъ, не подлежитъ представленію Государю, ибо рѣшенія распущеннаго Сейма теряютъ всякую юридическую силу. Этотъ тезисъ вызвалъ въ Финляндіи глубокое изумленіе. Немедленно стали указывать, что Сеймовый Уставъ категорически постановляетъ, что всѣ рѣшенія Сейма должны быть представлены Государю, который одинъ имѣетъ право окончательно высказаться о томъ, какой имъ долженъ быть данъ ходъ, что подобный тезисъ въ наукѣ государственнаго права абсолютно неизвѣстенъ и въ Финляндіи недопустимъ, прежде всего потому, что между вотумомъ закона и его утвержденіемъ можетъ пройти много времени, настолько много, что даже законодательный періодъ закончится; что во всякомъ случаѣ данный законъ былъ даже вотированъ не въ ту сессію, которая вызвала роспускъ; и что финляндское право разсматриваетъ каждую сессію, какъ образующую отдѣльное законодательство, ибо не разсмотрѣнные въ теченіе сессіи проекты становятся недѣйствительными.

Съ другой стороны, во избѣжаніе потери правъ арендаторами, необходимо было, чтобы законъ объ арендаторствѣ, вотированный 27 октября 1908 г. былъ обнародованъ раньше 14 марта, когда истекалъ срокъ нѣкотораго количества аредныхъ договоровъ. Въ этомъ случаѣ контракты, подлежавшіе расторженію, какъ мы видѣли выше, продлились бы. Сенатъ далъ о законѣ благопріятное заключеніе въ концѣ января 1909 г. и генералъ-губернаторъ, по спеціальному ходатайству Сената, очень быстро далъ и свое заключеніе также благопріятное. Вся Финляндія задавалась вопросомъ, не встрѣтитъ ли законъ новаго препятствія, выдвинутаго Совѣтомъ Министровъ. Сенатъ командировалъ въ Петербургъ одного изъ своихъ членовъ. 12 марта 1909 г. Государь утвердилъ законъ, но предпославъ своей санкціи замѣчаніе, внушенное ему совѣтомъ министровъ и гласившее, что Его Императорское Величество Государь Императоръ утверждаетъ этотъ законъ, движимый заботой объ улучшеніи положенія бѣднѣйшихъ классовъ финскаго населенія, въ видѣ исключенія и не считаясь на этотъ разъ съ тѣмъ фактомъ, что проектъ, исходящій отъ распущеннаго Сейма, не подлежитъ представленію Его Императорскому Величеству.

Сенатъ, собравшись на пленарное засѣданіе въ составѣ обоихъ департаментовъ, большинствомъ голосовъ рѣшилъ не приступать къ обнародованію закона, но указать Государю на затрудненія, возбуждаемыя этимъ предисловіемъ, и просить его объявить, что этой формулой онъ не имѣетъ въ виду давать разъясненіе по существу Сеймоваго Устава, являющагося основнымъ закономъ. Пять старофинскихъ сенаторовъ голосовали за немедленное обнародованіе закона, поддерживая въ то же время мысль о меморіи на имя Государя.

27 марта Государь отвѣтилъ приказомъ Сенату безъ всякаго замедленія обнародовать законъ; при этомъ Онъ прибавлялъ, что обнародованіе долженъ произвести одинъ

хозяйственный, а не оба департамента Сената. Что касается ходатайства Сената, то оно будетъ разсмотрѣно по существу.

Дѣло пересматривалось въ Сенатѣ 29 марта. Генералъ-губернаторъ присутствовалъ и предсѣдательствовалъ. Пять сенаторовъ старофинновъ, разумѣется, оставались при прежнемъ своемъ мнѣніи и голосовали за обнародованіе, которое этимъ и обезпечивалось, хотя только голосомъ предсѣдателя, дающимъ перевѣсъ. Пять сенаторовъ, составлявшихъ оппозицію въ засѣданіи 13 марта, считая, что обстоятельства нисколько не измѣнились, не могли измѣнить своего мнѣнія. Поэтому они отказывали въ своемъ согласіи на немедленное обнародованіе и подали въ отставку. Вице-предсѣдатель Ельтъ былъ за обнародованіе закона, но со сопроводительнымъ комментаріемъ, основаннымъ на отвѣтѣ Государя и предназначеннымъ для того, чтобы отнять у предисловія значеніе юридическаго прецедента. При этомъ онъ прибавлялъ, что въ виду расхожденія во мнѣніяхъ онъ также подаетъ въ отставку. Одинъ изъ членовъ судебнаго департамента присоединился къ отставкѣ, поданной его шестью коллегами.

Такимъ образомъ тезисъ Совѣта Министровъ какъ бы одерживалъ побѣду. Но торжество было недолговѣчно. Какъ только вздумали систематически примѣнять этотъ принципъ, тотчасъ же наткнулись на абсурды. Генералъ-губернатору пришлось неоднократно испрашивать соизволенія на новыя „исключенія“, ссылаясь на то, что нормальный ходъ управленія становился невозможнымъ, если въ бюджетныхъ кредитахъ будетъ отказываемо, въ случаѣ роспуска даннаго Сейма и т. д. Приходилось бить отбой. „Россія“, оффиціозный органъ Столыпина, сперва публиковала длинныя юридическія консультаціи въ защиту тезиса Совѣта Министровъ. Потомъ она внесла такую отличительную разницу: законы, предложенные правительствомъ, будутъ всегда представляться къ подписи Государя; только

моціи и рѣшенія, исходящія отъ Сейма, теряютъ всякое значеніе въ случаѣ его роспуска. Наконецъ, 5 іюня газета сдѣлала вольтъ-фасъ. Рѣчь шла не о томъ, чтобы устанавливать непоколебимый принципъ, но только объ урокѣ, который слѣдовало дать первому Сейму. Верховная власть слишкомъ высоко поставлена надъ Сеймомъ, чтобы получать отъ него директивы своего поведенія и передавать непосредственно Сейму заботу опредѣлять, какіе законы подлежатъ или не подлежатъ разсмотрѣнію Государя. И, наконецъ, самъ Государь объявилъ, разсмотрѣвъ ходатайство Сената, что онъ не имѣлъ въ виду ни созданія прецедента, ни установленія юридической нормы.

Прежде, нежели отставки сенаторовъ были приняты Государемъ, новый инцидентъ вызвалъ отставку судебнаго департамента. Петиція отъ 30 октября 1908 г. и двѣ меморіи Сената (22 декабря и 25 февраля 1909 г.) по поводу правилъ 20 мая (2 іюня) 1908 г. были разсмотрѣны Совѣтомъ, который высказался за отклоненіе ихъ. Государь одобрилъ это мнѣніе и помѣтилъ свое рѣшеніе на журналѣ засѣданія Совѣта. Совѣтъ въ свою очередь предложилъ генералъ-губернатору извѣстить Сенатъ объ этомъ рѣшеніи Государя.

Сенатъ не упустилъ случая отмѣтить, что это постановленіе было обставлено незаконно, такъ какъ докладывать о финляндскихъ дѣлахъ и контрасигнировать резолюцію Императора и Великаго Князя обязанъ министръ Финляндіи. Получивъ извѣщеніе объ этомъ отъ Сената, министръ Финляндіи испросилъ себѣ аудіенцію у Государя. Въ то же время онъ послалъ протестъ на имя временнаго предсѣдателя Совѣта Министровъ (Коковцева), опираясь какъ на инструкцію 1826 г. для министра Финляндіи, такъ и на спеціальныя инструкціи, данныя ему Государемъ въ прошломъ году. Совѣтъ Министровъ былъ обезпокоенъ просьбой объ аудіенціи. Онъ понялъ, что необходимо ее не

допустить. Коковцевъ отвѣтилъ министру Финляндіи, что согласно формальному рѣшенію Государя нельзя ссылаться на прежнія правила и что министръ Финляндіи не имѣлъ права просить спеціальныхъ инструкцій по вопросу, касающемуся не управленія Финляндіей, а общихъ интересовъ Имперіи и Великаго Княжества.

Совѣтъ, тѣмъ не менѣе, счелъ необходимымъ снова доложить вопросъ, но только черезъ представителя Совѣта. Генералъ-губернаторъ пригласилъ Сенатъ въ пленарное засѣданіе 28 апрѣля и извѣстилъ его, что Государь по докладу Коковцева снова отклонилъ всѣ три адреса. Судебный департаментъ, равно какъ и прокуроръ, подали въ отставку. Пять сенаторовъ, оставшихся въ хозяйственномъ департаментѣ, считали, что коллективная отставка была бы несвоевременной и что выгоднѣе было выждать, что предприметъ новый Сеймъ.

Переговоры, начатые объ образованіи обоихъ департаментовъ новаго Сената на основаніи коалиціи несоціалистическихъ партій, ни къ чему не привели. Тѣ же причины, которыя поселили раздоръ въ хозяйственномъ департаментѣ, сильно затрудняли теперь попытку вновь его слѣпить. Политическое положеніе не обнаруживало никакой наклонности къ проясненію, напротивъ, разногласіе въ вопросахъ тактики между партіями постоянно усиливалось, а не ослабѣвало. При этихъ условіяхъ лишь одно лицо, не принадлежащее къ старофинской партіи, приняло портфель, именно земледѣлія. Но вакантныя мѣста не были заполнены даже сенаторами, которыхъ очень тянула старофинская партія. Въ соображеніе принималось одно обстоятельство. Сенатъ назначается in corpore на три года, полномочія сенаторовъ, назначаемыхъ въ теченіе срока, истекаютъ въ тотъ же срокъ, какъ и назначенныхъ въ началѣ трехлѣтія. Послѣднее „пожалованіе“ состоялось 1 октября 1906 г. и полномочія нынѣшняго Сената (хотя въ немъ и не оставалось ни одного изъ первоначально назначенныхъ членовъ) истекали 30 сентября 1909 г. Сверхъ того, такъ какъ лѣто является временемъ административной вакаціи, то хозяйственный департаментъ былъ оставленъ въ неполномъ составѣ (6 членовъ изъ 11), наличные члены направляли текущія дѣла, и оставалось ждать осени.

Относительно судебнаго департамента переговоры тоже не удались, хотя подавшій въ отставку вице-предсѣдатель его, Вреде, указывалъ на невозможность оставить страну безъ высшей судебной инстанціи. Даже перспектива постановленія, освобождающаго судебный департаментъ отъ всякаго участія въ обнародованіи законовъ, не могла побѣдить сомнѣній юристовъ, принадлежавшихъ къ шведской и младофинской партіямъ. Эти послѣдніе считали, что такъ какъ положеніе не измѣнилось, то ихъ вступленіе въ Сенатъ могло быть принято за несогласіе съ мотивами, которые вызвали отставку прежнихъ сенаторовъ. Одни старофинскіе сенаторы согласились вступить въ судебный департаментъ; образовался подотдѣлъ его, или половина департамента (5 членовъ изъ 10). Изъ новыхъ сенаторовъ двое уже исполняли тѣ же должности до ноября 1905 г., что еще болѣе увеличивало неохоту присоединиться къ нимъ у юристовъ конституціонныхъ партій.

Выборы 1908 г. показали нѣкоторую индифферентность избирателей (въ 1907 г. вотировали 70,7%, въ 1908—64,4%), опасались, что въ 1909 г. она окажется еще болѣе выраженной. Но ничего подобнаго не случилось, а наоборотъ, насколько извѣстно, результаты выборовъ были слѣдующіе (оффиціальная статистика этихъ выборовъ намъ неизвѣстна и данныя, приведенныя ниже, почерпнуты изъ газетныхъ сообщеній; процентъ вотировавшихъ былъ, повидимому, отъ 66 до 67):

ПАРТІИ	Число голосовъ.	Въ %.	Число мѣстъ.	Въ %.
Соціалистическая	336.490	39,8	84	42,0
Старофинская	196.781	23,6	48	24,5
Младофинская	122.991	14,5	28	14,0
Шведская	104.010	12,4	25	12,5
Аграрная	56.907	6,7	13	6,5
Христіанскіе рабочіе	22.979	2,7	2	1,0
Всѣ прочія	2.680	0,3	0	—
Всего	844.904			

Для удобства приводимъ ниже результаты всѣхъ трехъ выборовъ въ отношеніи партій, представленныхъ на Сеймѣ:

Партіи.	1907. Число гол. въ %.	1907. Число мѣстъ.	1907. %	1908. Число гол. въ %.	1908. Число мѣстъ.	1908. %	1909. Число гол. въ %.	1909. Число мѣстъ.	1909. %
Соціалист.	37,0	80	40,6	38,4	83	41,5	39,8	84	42,0
Старофин.	27,3	59	29,5	25,5	54	27,0	23,6	48	24,0
Младоф.	13,7	25	12,5	14,2	26	13,0	14,5	28	14,0
Шведская	12,6	24	12,0	12,7	25	12,5	12,4	25	12,5
Аграрная	5,6	10	5,0	6,4	9	4,5	6,7	13	6,5
Христ. раб.	1,7	2	1,0	2,3	2	1,0	2,7	2	1,0

Результаты эти еще рѣзче обнаруживаютъ потери старофинской партіи, главнымъ образомъ въ пользу аграрной и младофинской партій.

Сеймъ собрался 1 іюня. Предсѣдатель Свинхувудъ снова былъ переизбранъ, несмотря на то, что соціалисты снова воздержались отъ голосованія. Первымъ вице-предсѣдателемъ былъ избранъ Сирола (соціалистъ) а вторымъ Листо (старофиннъ). Для того, чтобы не рисковать новымъ роспускомъ Сейма, по совѣщаніи съ нѣсколькими депутатами, предсѣдатель въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь не дѣлалъ прямыхъ указаній на политическое положеніе.

Съ самаго начала Сейма конституціонныя группы представили проектъ адреса Государю по поводу Правилъ 20 мая (2 іюня) 1908 г.Форма адреса была выбрана, такъ какъ петиція 30 октября 1908 г. была отклонена. Обсужденіе этого адреса въ комиссіи заняло почти цѣлый мѣ-

сяцъ. Соціалисты хотѣли ввести въ него нѣсколько добавленій, при чемъ, въ случаѣ включенія ихъ, обѣщали и свое согласіе. Съ своей стороны старофинны предложили адресъ въ совершенно иномъ тонѣ, который было трудно согласовать съ первымъ. Комиссія безуспѣшно пыталась притти къ единому тексту.

Между тѣмъ, Сеймъ просилъ назначить лѣтнія каникулы съ 1 іюля по 15 сентября. Только 16-29 іюня удалось поставить на очередь обсужденіе текста адреса. Пренія по этому поводу были наполнены рѣчами старофинновъ, говорившихъ въ пользу своего адреса, болѣе примирительнаго и, какъ они убѣждали Сеймъ, болѣе осторожнаго характера; въ концѣ концовъ они просили отсрочки преній до осени. Адресъ, предложенный комиссіей, былъ вотированъ 30 іюня большинствомъ 122 голосовъ противъ 55, отданныхъ въ пользу старофинскаго текста. Въ этомъ адресѣ повторялись тѣ же юридическіе и фактическіе аргументы, какъ въ предыдущей петиціи и снова испрашивалось, чтобы порядокъ въ разсмотрѣніи финляндскихъ дѣлъ былъ согласованъ съ требованіями конституціи. Съ своей стороны бюджетная комиссія предложила голосовать соотвѣтствующее ходатайство къ Государю въ виду того, что проектъ бюджета, который долженъ быть внесенъ въ началѣ сессіи и долженъ быть утвержденъ къ 1 февраля, несмотря на наступленіе конца іюня, не былъ еще утвержденъ, такъ какъ валялся въ дѣлахъ Совѣта Министровъ. Ходатайство по этому поводу было вотировано 16/29 іюня.

V.

Харитоновская комиссія. Законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія.

16/29 іюня, т.-е. въ тотъ же день, когда въ Сеймѣ началось обсужденіе адреса по поводу „Правилъ 20 мая“,

въ Петербургѣ собралась смѣшанная русско-финляндская комиссія „для составленія проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія“. Читатель припомнитъ, что вопросъ объ „общеимперскомъ законодательствѣ“ со времени русско-финляндской комиссіи подъ предсѣдательствомъ Бунге (1892—1893 г.) былъ той тучей, изъ которой гремѣли громы надъ финляндской конституціей. Проектъ правилъ „о порядкѣ изданія и обнародованія законовъ, общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго“, одобренный большинствомъ комиссіи Бунге, не получилъ тогда осуществленія, но черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ былъ снова поднятъ и февральскимъ Манифестомъ 1899 г. финляндской конституціи нанесенъ ударъ. Въ 1904 г. суометеріанскій Сенатъ добился образованія новой смѣшанной комиссіи подъ предсѣдательствомъ Таганцева для урегулированія возбужденныхъ февральскимъ Манифестомъ вопросовъ. Но прежде, чѣмъ Таганцевская комиссія закончила свою работу, произошли событія 1905 года, Манифестомъ 22 октября (4 ноября) о возстановленіи закономѣрнаго порядка февральскій манифестъ съ приложенными къ нему основными положеніями были пріостановлены, „пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ“. Таганцевская комиссія была распущена.

Въ Манифестѣ отъ 20 февраля 1906 г. (объ измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государств. Думы) подтверждена была необходимость особаго порядка „обсужденія законопроектовъ, общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго“, при чемъ на этотъ счетъ должны были „въ свое время“ послѣдовать „надлежащія указанія“. Въ виду угрожающей неопредѣленности, созданной „пріостановкой“, а не полной отмѣной,—какъ о томъ просила петиція земскихъ чиновъ,—февральскаго Манифеста, въ Финляндіи

живо ощущалась неотложность того урегулированія „законодательнымъ актомъ“ вопроса объ общеимперскомъ законодательствѣ, которое обѣщано было манифестомъ 22 октября (4 ноября). Съ 1907 г. конституціонный Сенатъ просилъ объ образованіи смѣшанной комиссіи, которой было бы поручено обсудить вопросы, возбужденные февральскимъ Манифестомъ 1899 г. Только въ концѣ марта 1909 г. такая смѣшанная комиссія была образована „для составленія проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія“. Въ составъ комиссіи назначено было 5 русскихъ членовъ (г. г. Дейтрихъ, Мясоѣдовъ, Бородкинъ, Якунчиковъ и Корево) и 5 финляндцевъ (Нюбергъ, Германсонъ, Сэтэлэ, бар. Пальменъ и архіепископъ Іогансонъ). Но такъ какъ кромѣ того назначенъ былъ и предсѣдатель комиссіи,—государственный контролеръ т. с. Харитоновъ, то большинство въ комиссіи принадлежало русскимъ членамъ, а это въ связи съ тѣмъ, что съ русской стороны членами назначены были все крайніе финнофобы предвѣщало мало хорошаго. Возможность компромисса сводилась всецѣло къ той позиціи, какую займетъ предсѣдатель комиссіи. Угрожающій характеръ носила и новая терминологія. Вмѣсто термина „общеимперское законодательство“ (еще въ Манифестѣ 20 февраля 1906 г., какъ мы видѣли, говорилось о законопроектахъ, „общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго“) изъ нѣдръ особаго совѣщанія, составившаго программу для русско-финляндской комиссіи, появился новый терминъ, стали говорить о „касающихся Финляндіи законахъ общегосударственнаго значенія“, при чемъ, вопреки прямому смыслу слова это не значило, что рѣчь идетъ о русскихъ законахъ, столь общаго значенія для всей Имперіи, что они касаются и Финляндіи. Напротивъ того, новому термину давалось вывороченное на изнанку значеніе,—имъ хотѣли обозначить законы, издаваемые для Финляндіи, но имѣющіе общеимперское значе-

ніе. Любая область финляндскаго законодательства могла быть такимъ образомъ совершенно произвольно подчинена имперскому порядку законодательства (черезъ Г. Думу и Г. Совѣтъ), такъ какъ разница между финляндскимъ и русскимъ законодательствомъ новоизобрѣтенной терминологіей уничтожалась. Задачу, поставленную этой терминологіей, г. г. русскіе члены комиссіи разрѣшили въ своихъ „предположеніяхъ“ съ простотой Александра Македонскаго, разрубившаго Гордіевъ узелъ. „Мы разсматриваемъ Финляндію—писалъ членъ комиссіи г. Дейтрихъ ея предсѣдателю, посылая ему „предположенія“ русскихъ членовъ,— не какъ особую страну, имѣющую свое государственно-правовое положеніе въ составѣ Имперіи, а какъ интегральную часть послѣдней, какъ провинцію... въ вопросахъ общегосударственнаго значенія вполнѣ подчиненную законодательнымъ учрежденіямъ Имперіи“. Съ тѣмъ, что и русскіе основные законы, и основные законы Финляндіи разсматриваютъ положеніе Финляндіи совершенно иначе не желали считаться г.г. русскіе члены Харитоновской комиссіи, не замѣтившіе того, что ихъ „разсматриваніе Финляндіи“ заключало въ себѣ слишкомъ явственное petitio principii. Если бы „въ вопросахъ общегосударственнаго значенія“ Финляндія была подчинена „законодательнымъ учрежденіямъ Имперіи“, г. г. Дейтриху и к° не пришлось бы составлять „предположеній“, устанавливающихъ эту подчиненность... Финляндское законодательство никогда не было подчинено имперскому законодательству, составляя отдѣльную, самостоятельную область. Ст. 47 старыхъ русскихъ основныхъ законовъ, гласившая: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ“, не касалась Финляндіи, не знавшей Самодержавной власти русскихъ Императоровъ: законодательная властъ принадлежала въ Финляндіи Монарху (Великому Князю) и Сейму. Тамъ, гдѣ Великій Князь

издавалъ законы безъ участія Сейма (такъ называемое экономическое законодательство), его законодательная власть все же оставалась конституціонно-ограниченной, такъ какъ въ порядкѣ экономическаго законодательства не могли вноситься измѣненія въ законы, изданные съ согласія Сейма. Старая 47 статья русскихъ основныхъ законовъ послѣ изданія конституціоннаго Манифеста 17 октября 1905 года была замѣнена слѣдующими основными законами 1906 г.:

Ст. 7. Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою.

Ст. 86. Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора.

Эти статьи, преобразовавшія Самодержавную законодательную власть въ Имперіи въ законодательную власть конституціонную, не измѣнили и не могли измѣнить государственно-правового положенія Финляндіи, не распространили имперской законодательной власти на Финляндію. Если бы на этотъ счетъ и могли возникнуть какія-либо сомнѣнія *), то они совершенно разсѣиваются ст. 2-ой тѣхъ же основныхъ законовъ 1906 г., опредѣлено признавшей, что Финляндія управляется на основаніи своего особаго законодательства. Статья эта не создала новыхъ нормъ, она только констативовала, что правопорядокъ Финляндіи, установленный въ 1809 г. Императоромъ Александромъ I „по предварительному разсужденію съ земскими чинами“, остался неизмѣненнымъ и съ обновленіемъ русскаго государственнаго строя, происшедшимъ 17 октября 1905 и

*) Сомнѣнія вполнѣ, впрочемъ, неосновательныя, такъ какъ основные финляндскіе законы ограничиваютъ не только власть Великаго Князя, какъ Монарха Финляндіи, но и суверенитетъ Имперіи въ отношеніи Финляндіи, почему перемѣна формы правленія въ Имперіи не отражается ничѣмъ на государственно-правовомъ положеніи Финляндіи.

закрѣпленнымъ въ основныхъ законахъ, она не имѣетъ самостоятельнаго правового содержанія, характеръ ея— опредѣленно ссылочный. Не такъ давно русская національстическая пресса подняла великій шумъ, открывъ, что во второмъ томѣ справочнаго изданія Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart (Tübingen, 1908 г.), выходящаго подъ редакціей трехъ крупнѣйшихъ авторитетовъ германской науки Лабанда, Еллинека и Пилоти, выраженіе 2-ой статьи русскихъ основныхъ законовъ 1906 г. „особыми установленіями“ переведено не буквально словами „besondere Behörden, а выраженіемъ „besondere Staatsbehörden“. Октябристскій „Голосъ Москвы“ не то въ ужасѣ, не то въ гнѣвѣ по этому поводу восклицалъ: „такимъ образомъ, тысячамъ западно-европейскихъ ученыхъ (не только германскихъ, ибо названное изданіе настольная книга всякаго юриста всѣхъ культурныхъ странъ міра) внушается совершенно ложное представленіе, что особыя установленія Вел. Кн. Финляндскаго суть установленія государственныя и что государственность Финляндіи вполнѣ опредѣленно признана русскими основными законами“. Неточность перевода юридическаго справочника внѣ сомнѣній, но „ложность представленія“, этой неточностью внушаемаго, ограничивается тѣмъ, что „особыя установленія“, которыми управляется Финляндія, въ русскихъ основныхъ законахъ „государственными“ не названы. Правовая природа „особыхъ установленій“ Великаго Княжества отъ того, какъ они названы въ русскихъ основныхъ законахъ, ни мало не зависитъ, а изъ того, что историко-юридическій анализъ характера и тѣхъ основаній, на коихъ эти установленія возникли и до нынѣ функціонируютъ, убѣждаетъ въ ихъ государственномъ характерѣ, съ несомнѣнностью слѣдуетъ и то, что „государственность Финляндіи вполнѣ опредѣленно признана русскими основными законами“,— выводъ, такъ испугавшій и разгнѣвавшій октябристскій „Голосъ Москвы“, хотя отрицать непремѣнно „государственность Финляндіи“ теперь не видитъ необходимости даже „Новое Время“, хотя ее призналъ недавно даже одинъ изъ русскихъ членовъ Харитоновской комиссіи—генералъ Бородкинъ. Въ докладѣ, прочитанномъ въ окраинномъ обществѣ, г. Бородкинъ, между прочимъ, воскликнулъ: „У Финляндіи была конституція, когда у насъ было крѣпостное право“. Конечно, генералъ Бородкинъ узналъ о существованіи финляндской конституціи не изъ нѣмецкаго юридическаго справочника. Но покушеніе на автономныя конституціонныя права Финляндіи, разрывая съ правомъ, всегда игнорируетъ то, что есть, и „разсматриваетъ Финляндію“ съ точки зрѣнія своихъ вожделѣній. На этотъ путь вступили въ своихъ „предположеніяхъ“ и русскіе члены Харитоновской комиссіи. Эти „предположенія“ вкратцѣ сводились къ слѣдующему: по дѣламъ, относящимся „не къ однимъ только внутреннимъ дѣламъ“ Финляндіи, законы и постановленія издаются „въ порядкѣ, установленномъ общимъ законодательствомъ“. Сеймъ по этимъ дѣламъ обращается въ учрежденіе законосовѣщательное, ибо отъ него запрашиваются лишь срочныя заключенія по предметамъ его компетенціи. (Въ законодательныя учрежденія Имперіи вводятся представители Финляндіи). „Предположенія“ устанавливали и перечень изъ 19 пунктовъ—предметовъ общеимперскаго законодательства, при чемъ „измѣненіе и дополненіе перечня совершается въ общемъ законодательномъ порядкѣ, какъ по особымъ о семъ законамъ, такъ и совмѣстно съ изданіемъ другихъ, распространяемыхъ на Финляндію законовъ“, а „изданные въ общемъ порядкѣ законы и постановленія сами собою отмѣняютъ всѣ несогласныя съ ними правила финляндскихъ законовъ и постановленій, изданныхъ въ особомъ порядкѣ“. Мало этого, въ составленномъ авторами „предположеній“ „перечнѣ“ предметовъ общеимперскаго законодательства, такъ просто дополняемомъ и измѣняемомъ, въ область общеимперскаго законодательства пе-

ренесены были и „основныя начала и предѣлы управленія Финляндіи особыми установленіями на основаніи особаго законодательства (Зак. Осн., 1906 г., ст. 2)". „Предположенія", такимъ образомъ, прямо и откровенно проектировали отмѣну 2-ой ст. русскихъ основныхъ законовъ и замѣну нынѣшняго порядка измѣненія основныхъ законовъ Финляндіи—„по согласному рѣшенію Монарха и Сейма Финляндіи" (§ 80 Сеймоваго Устава 1906 г.) общеимперскимъ законодательнымъ порядкомъ. Такой отровенный разрывъ „предположеній" русскихъ членовъ комиссіи съ правовымъ способомъ рѣшенія поставленной задачи, конечно, устранялъ всякую возможность соглашенія на почвѣ взаимныхъ уступокъ *), такъ какъ нельзя было найти нѣчто среднее, могущее служить почвой для компромисса, между нынѣшнимъ государственно-правовымъ положеніемъ Финляндіи и „предположеніями", сводившимися къ упраздненію финляндской государственной автономіи, иначе говоря къ совершенію переворота. Работы комиссіи закончились рѣчью ея предсѣдателя т. с. Харитонова, въ которой онъ изложилъ, какъ финляндскія, такъ и русскія предложенія и призналъ вопросъ выясненнымъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что присоединяется къ мнѣнію русскихъ членовъ комиссіи, на сторонѣ которыхъ такимъ образомъ получается большинство, и объявилъ засѣданія комиссіи закрытыми.

*) Вопроса объ общеимперскомъ законодательствѣ по существу, т.-е. вопроса о томъ, насколько жизненные интересы Имперіи требуютъ урегулированія ея взаимоотношеній съ Финляндіей и какой способъ такого урегулированія надлежитъ признать справедливымъ съ русской точки зрѣнія, мы здѣсь вовсе не касаемся, почему ничего не говоримъ и о „предположеніяхъ" финляндскихъ членовъ харитоновской комиссіи. Не можемъ, однако, не выразить глубокаго убѣжденія, что непреодолимыхъ трудностей рѣшеніе этого вопроса не представило бы, если бы не осложняли его плохо скрытымъ вожделѣніемъ нанести ударъ финляндской конституціи. Финляндская непримиримость въ отношеніи справедливыхъ требованій Имперіи представляется столь же вымышленной, сколь безмѣрно преувеличеннымъ является утвержденіе о громадномъ ущербѣ для великодержавныхъ интересовъ Имперіи, проистекающемъ изъ отсутствія общеимперскаго порядка законодательства.

„Предложенія" русскихъ членовъ комиссіи, благодаря предсѣдательскому голосу ставшія рѣшеніемъ комиссіи *), въ качествѣ такового были внесены въ Совѣтъ Министровъ. Дальнѣйшее направленіе вопроса объ общеимперскомъ законодательствѣ зависѣло отъ того, насколько обязательнымъ въ этомъ вопросѣ признанъ будетъ правовой путь. Въ Манифестѣ 22 октября (4 ноября) 1905 г. обѣщано было урегулированіе вопроса „законодательнымъ актомъ", а закономѣрнымъ законодательнымъ актомъ для Финляндіи могъ быть только актъ, изданный при участіи финляндскаго Сейма. Означало ли заявленіе г. предсѣдателя Совѣта Министровъ въ извѣстной рѣчи, произнесенной по финляндскому вопросу въ Госуд. Думѣ (5 мая 1908 г.),—„въ Россіи сила не можетъ стоять выше права", что глава имперскаго правительства раздѣляетъ правовую точку зрѣнія Манифеста о возстановленіи законномѣрнаго порядка въ Финляндіи? Но внесеніе „предположеній" русскихъ членовъ харитоновской комиссіи въ качествѣ законопроекта въ Сеймъ явно было бы безнадежнымъ дѣломъ и вотъ въ русской націоналистической прессѣ съ „Новымъ Временемъ" во главѣ развивается положеніе, что основные законы Финляндіи, предѣлы ея автономіи измѣняемы волею Россійской Имперіи, въ лицѣ ея Монарха и Имперскихъ законодательныхъ учрежденій. Въ защиту этого положенія приводятся соображенія, что финляндская конституція не можетъ быть „незыблемой навѣки", что Финляндія не обладаетъ суверенитетомъ, а пользуется лишь провинціальной автономіей съ особымъ порядкомъ законодательства по „мѣстнымъ" дѣламъ и что отрицаніе права измѣненія основныхъ законовъ Финляндіи является отрицаніемъ суверенитета Имперіи... Никто и никогда не защищалъ нелѣпости о неизмѣняемости финляндской конституціи навѣки. Конституціи измѣняются, какъ и все на свѣтѣ, но „всякое измѣненіе конституціи

*) Финляндскимъ членамъ комиссіи было разрѣшено при подписи коротко составленнаго журнала засѣданій присоединить свое особое мнѣніе.

должно совершаться лишь въ конституціонныхъ формахъ" (Еллинекъ), и въ этомъ смыслѣ можно говорить о „незыблемости навѣки" финляндской, какъ и всякой другой конституціи. Утверждать, что положены предѣлы, за которые имперскія учрежденія, не разрывая съ правомъ, не могутъ итти, предѣлы, внутри которыхъ финляндскія учрежденія пользуются полной самостоятельностью, вовсе не значитъ признавать за финляндской государственностью „суверенитетъ". Особенностью „несувереннаго государства" по сравненію съ простой провинціей, какъ указалъ Еллинекъ, является право распоряженія „своей властью въ силу собственнаго права", а Финляндія находится именно въ такомъ положеніи *). И, наконецъ, нельзя отожествлять суверенитетъ съ неограниченностью, какъ это дѣлаетъ старое абсолютистское ученіе, „непризнающее возможности самоограниченія государства и тѣмъ самымъ смѣшивающее силу съ правомъ" (Еллинекъ). Имперія въ силу суверентета не можетъ освободить себя отъ ограниченія, по которому безъ согласія Сейма конституція Финляндіи не можетъ быть измѣнена.

Дальнѣйшее направленіе вопросу объ общеимперскомъ законодательствѣ дано было Высочайшимъ Манифестомъ 14/27 марта 1910 г. Этимъ Манифестомъ повелѣвалось:

„1. Представленный НамъСовѣтомъ Министровъ законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Великаго Княжества Финляндскаго законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія внести на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

2. Предоставить Финляндскому Сейму сообщить свое заключеніе по содержанію сего законопроекта. подлежащее передачѣ на обсужденіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

3. Назначить Сейму для сообщенія заключенія мѣсячный со дня полученія имъ упомянутаго законопроекта срокъ."

Въ Государственную Думу внесенъ „проектъ Предсѣтеля Совѣта Министровъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія" съ объяснительной запиской къ проекту.

Проектъ г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ оказался весьма незначительно измѣненнымъ проектомъ русскихъ членовъ Харитоновской комиссіи. Первымъ основнымъ положеніемъ проекта объяснительная записка называетъ слѣдующее положеніе: „Финляндія, являясь нераздѣльной частью единаго Россійскаго Государства, пользуется во внутреннихъ своихъ дѣлахъ лишь областнымъ самоуправленіемъ, основныя начала и предѣлы котораго опредѣляются общимъ законодательствомъ Имперіи". Согласно этому, ст. 2 проекта устанавливаетъ: „основныя начала внутренняго строя управленія Финляндіи (зак. осн., изд. 1906, ст. 2) устанавливаются и издаются въ общемъ законодательномъ порядкѣ по почину Его Императорскаго Величества". Эта статья проекта г. предсѣдателя Совѣта Министровъ заключаетъ въ себѣ наиболѣе существенное „смягченіе" проекта Харитоновской комиссіи, предлагавшей въ „перечень" вопросовъ, по коимъ законы и постановленія для Великаго Княжества Финляндскаго издаются „въ порядкѣ, установленномъ общимъ законодательствомъ" включить и „основныя начала и предѣлы управленія Финляндіи особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Однако и въ проектѣ г. Предсѣдателя

*) Наименованіе финляндскаго законодательства „мѣстнымъ" неправильно, оно прежде всего противорѣчитъ 2 ст. Осн. Зак. 1906 г., говорящей объ управленіи Финляндіи „особыми установленіями на основаніи особаго законодательства" не въ дѣлахъ „мѣстныхъ", а во „внутреннихъ дѣлахъ". „Дѣла внутреннія" противополагаются „внѣшнимъ дѣламъ", которыя цѣликомъ относятся къ ничѣмъ неограниченной компетенціи Имперіи. Финляндское законодательство, объемлющее всѣ отрасли законодательства (конечно, за исключевіемъ вопросовъ престолонаслѣдія и династіи) образуетъ совершенно самостоятельную правовую сферу и не находится, слѣдовательно, въ такомъ отношеніи къ законодательству Имперіи, чтобы можно было послѣднее именовать общимъ, а первое мѣстнымъ законодательствомъ.

Совѣта Министровъ, значеніе названнаго „перечня“ уничтожается опредѣленіемъ, въ силу котораго „измѣненіе и дополненіе перечня производится въ общемъ законодательномъ порядкѣ“. Второе наиболѣе существенное отличіе Столыпинскаго проекта отъ проекта Харитоновской комиссіи заключается въ томъ, что устранено автоматическое дополненіе перечня „совмѣстно съ изданіемъ другихъ, распространяемыхъ на Финляндію законовъ“. Во всякомъ случаѣ, проектъ г. Предсѣдателя Совѣта Министровъ заключаетъ въ себѣ такія правонарушенія, что утвержденіе объяснительной къ нему записки—„настоящій проектъ вовсе не задается планами ни нарушенія внутренней автономіи Финляндіи, ни денаціонализаціи финновъ, ни посягательства на ихъ культуру“—вполнѣ заслуживаетъ той квалификаціи, какую далъ соотвѣтствующему мѣсту объяснительной записки къ законопроекту, принятому большинствомъ харитоновской комиссіи, Л. Мехелинъ. Онъ назвалъ эти разговоры о неприкосновенности культуры Финляндіи „іезуитскими фразами“, спрашивая: „развѣ господа, говорящіе такъ, не знаютъ, что культура народа находится въ самой тѣсной зависимости отъ его права? Развѣ имъ неизвѣстно, что законы составляютъ фундаментъ для всякой общественной дѣятельности, какъ въ области духовной, такъ и матеріальной культуры, что именно эта дѣятельность вызываетъ необходимость изданія новыхъ законовъ и измѣненія старыхъ?—Культурные успѣхи Финляндіи объясняются тѣмъ, что она, не обладая государственнымъ суверенитетомъ, пользовалась государственною автономіею, главная особенность которой есть право на законодательство“.

Но какое дѣло вообще господамъ разрушителямъ русской культуры до культуры финляндской? И развѣ, говоря о культурѣ, они не совершаютъ безтактности разговора о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго?

Готовящееся измѣненіе Финляндской конституціи одностороннимъ актомъ Имперскаго законодательства не вызываетъ никакихъ сомнѣній въ оцѣнкѣ его съ правовой точки зрѣнія. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, умѣстно поставить тотъ вопросъ, которымъ два года тому назадъ закончилъ свою думскую рѣчь по финляндскому вопросу П. Н. Милюковъ: „неужели то, что не удалось совершить русскому Самодержавію—уничтоженіе беззащитной маленькой націи—неужели это будетъ первымъ положительнымъ дѣломъ конституціонной Россіи, дѣломъ русскаго народнаго представительства?“

Съ тревогой ждетъ отвѣта на этотъ вопросъ истинный патріотизмъ, видящій высшую задачу государства въ осуществленіи идеи права, чувствующій себя оскорбленнымъ, когда на имя патріотовъ претендуютъ тѣ, для кого, по мѣткому выраженію Чичерина, „весь смыслъ патріотизма заключается въ насиліи и притѣсненіи другихъ“...

Въ Государственной Думѣ финляндскій вопросъ принялъ оборотъ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ томъ, что доводы права, справедливости и государственнаго благоразумія не будутъ услышаны не желающимъ слышать большинствомъ Думы: въ этомъ вопросѣ все предрѣшено, какъ откровенно признался одинъ изъ его представителей. Тѣмъ бо́льшее значеніе получаетъ историко-правовое освѣщеніе вопроса, которое мы пытались дать въ этой книгѣ, ибо „въ правѣ обрѣтается послѣдняя опора послѣднихъ сопротивленій, лояльное оружіе тѣхъ, которые, будучи вѣрными, не хотятъ, будучи слабыми, не могутъ прибѣгнуть къ насилію... Право есть сила,—и притомъ такая, которая внушаетъ уваженіе къ себѣ другимъ силамъ. Это не мертвая буква на страницахъ книгъ. Это принципъ дѣйствія, броня и защита. Право, рожденное жизнью, поддерживаетъ жизнь“. (Лапрадель). Торжество неуваженія къ праву является столь грознымъ

симптомомъ, что значенія его нельзя преувеличить. И мы счастливы, что оскорбленію, наносимому русскому патріотизму объявленіемъ такого торжества—„русской“ точкой зрѣнія на финляндскій вопросъ,—мы можемъ противопоставить иную точку зрѣнія, общую всей думской оппозиціи, формулированную недавно прекрасными словами почтеннаго политическаго дѣятеля, одного изъ тѣхъ немногихъ октябристовъ, для которыхъ Манифестъ 17 октября является политическимъ символомъ вѣры: „я буду защищать права Финляндіи потому, что я горячо люблю Россію“...

Выдано из Запасных фондов БАН СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Часть первая:

I. Завоеваніе Финляндіи 9
II. Финляндія до 1890 г. 18
III. Отъ 1890 до 1898 г.—Первыя попытки нарушенія финляндской конституціи 29
IV. Военный вопросъ.—Манифестъ 3 февраль 1899 г. . . . 36
V. Обнародованіе Манифеста.—Великій адресъ 42
VI. Сеймъ 1899 г. 51
VII. Внутреннее управленіе съ 1898 г. по 1900 г. 59
VIII. Акты 1900 г.—Военный законъ 1901 г. 66
IX. Сопротивленіе военному закону.—Наборъ 1902 г. . . . 80
X. Съ лѣта 1902 г. до смерти Бобрикова 93

Часть вторая:

I. Отъ смерти Бобрикова до Манифеста „о мѣрахъ къ возстановленію законом'рнаго порядка въ краѣ“ 107
II. До конца 1905 г. 121
III. До роспуска Сейма 1908 г. 138
IV. Съ весны 1908 до до Іюня 1909 г. 161
V. Харитоновская Комиссія. Законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій ощегосударственнаго значенія. 181

Замѣченныя опечатки.

	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
На стр. 9, строка 1 сверху	Исторія Финляндскій	Исторія Финляндской
На стр. 25, строка 6 снизу	въ формѣ Правленія	въ Формѣ Правленія
На стр. 48, строка 16 сверху	„Uasi Suometar“	„Uusi Suometar“
На стр. 97, строка 17 сверху	повиненъ былъ Сенатъ	повиненъ былъ не Сенатъ.